

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческия журнал № 8 (23)

август, 2018

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами восьмой в 2018 году номер литературно-исторического журнала «Александръ». Хотелось бы напомнить, что идея рождения нашего литературного издания начала реализовываться на уральской земле, в замечательном городе Екатеринбурге. Именно здесь журнал обрёл своих первых друзей, помощников и читателей. Необходимо восполнить пробел в освещении литературы Среднего Урала и познакомить с талантами этой великой земли.

В начале 2018 года произошла встреча редколлегии журнала с народной артисткой России Тамарой Ворониной, не только одарённым, но и очень деятельным человеком, сделавшим смыслом жизни прославление творчества Александра Сергеевича Пушкина и несение великого русского слова в массы.

Осознавая, что в одном номере не можем показать даже десятой доли талантливых людей Урала, в настоящем издании мы решили объединить энтузиастов-пушкинистов, у каждого из которых свой А. С. Пушкин, неповторимый, разный и в то же время единственный.

Отдельной строкой хотелось бы поблагодарить Тамару Воронину за проделанную гигантскую работу по сбору материалов для этого номера.

*С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА*

Фото: Вадим Осипов

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Позвольте вас поприветствовать строками Александра Сергеевича Пушкина:

*Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.*

Я давно уже ощущаю Пушкина как родного человека, поскольку всю жизнь он как-то всегда рядом: с ним в школе я участвовала в олимпиадах, поступала в театральное училище, на вступительных читала «Мороз и солнце» и помню: вижу длинный стол с комиссией, а позади неё – точно, пушкинский камелёк, освещающий бликами комнату.

Работаю в Свердловской филармонии. С 1999 года, с открытия памятника Александру Сергеевичу (автор Г. Геворкян), в течение 19 лет вела празднования дней рождения поэта. Здесь и дети, и поэты, и артисты. Все вместе мы поём, славим гениального поэта.

А какой бывает фейерверк любви к поэту, когда в 159-й школе вот уже в течение 15 лет проходит зимний фестиваль «Пушкинские чтения», а в нём участвуют до 30–40 школ, до 200 участников. Дети читают, играют отрывки, сочиняют эссе, пишут диктанты. Какая работа неоценимая! Так могут работать только энтузиасты, влюблённые в литературу, в слово, преданные своему долгу педагоги.

И опять Пушкин, но уже совершенно новый, который породнил нас с Западной Европой, такое родство ломает все санкции. Ведь потомки Александра Сергеевича поднялись до британского престола, а это значит, и нам должно жить в мире и любви.

Наш русский гений достоин и семейного памятника, который бы говорил человечеству, что семья – основа государства. Поэтому осуществление нашей мечты о создании памятника пушкинской семье накануне 220-летия со дня рождения поэта станет ему благодарной памятью человечества.

С уважением и сердечной признательностью,

Тамара ВОРОНИНА,

народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»

Литературно-исторический журнал «Александръ» включен в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (23), август 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.08.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15. E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

- 4** Валентина Черемисина.
Пушкин и Романовы
7 Алапаевские мученики.
Путь на восток
9 Гармония даётся нелегко

ПОЭЗИЯ

- 11** Наталья Иванова.
Вознесение Господне

НАСЛЕДИЕ

- 13** Алла Науменко-Порохина.
Пушкинские традиции в лирике
поэтов второй половины XX века

МАЛАЯ РОДИНА

- 24** Александра Николаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 25** Юрий Поляков.
Наказанный народ

БЫЛОЕ

- 31** Олег Селедцов

ИСКУССТВО

- 34** Галина Шарко.
«Литератушки, или Лёгкое
путешествие в прошлое
с намёком на будущее»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 38** Александр Кердан.
Царская фамилия

СУДЬБА

- 41** Александр Кердан.
Берег отдалённый...

ЗАПОВЕДНОЕ

- 50** Игорь Мартынов.
Казаки из Яика, или Вкратце
про Уральское казачье войско

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

- 53** Владимир Газетов,
Максим Ветров.
Собственная Его Императорского
Величества охрана

РОДНОЕ

- 61** Эвелина Проскурякова.
Пушкин в Екатеринбурге
63 Галина Фёдорова-Косарева

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 64** Владимир Блинов

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 66** Наталья Шарнина.
Встреча во Флоренции
68 Надежда Ушакова

ГОРДОСТЬ РОССИИ

- 69** Светлана Левицкая. Дельвиг

ПРОЗА

- 70** Борис Телков.
Морока – морошка...
73 Шапка Мономаха

ФАНТАСТИКА

- 81** Борис Долинго. Изваяние

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

ПУШКИН И РОМАНОВЫ

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗВЕСТНО, ЧТО ПУШКИН НЕ ОЧЕНЬ-ТО ЛАДИЛ С ЦАРЯМИ: ОНИ ЕГО ТО ССЫЛАЛИ, ТО НЕ ДАВАЛИ РАБОТАТЬ В АРХИВЕ, НЕ РАЗРЕШИЛИ ПОСЕЛИТЬСЯ В ДЕРЕВНЕ. ЧИНИЛИ ПРЕПЯТСТВИЯ ЕМУ ВПЛОТЬ ДО ДУЭЛИ, КОТОРОЙ ПОПУСТИТЕЛЬСТВОВАЛИ. О СЫНЕ СВОЁМ СТАРШЕМ ОН ТАК И СКАЗАЛ: «ПОСМОТРИМ, КАК-ТО НАШ САШКА БУДЕТ ЛАДИТЬ С ПОРФИРОРОДНЫМ СВОИМ ТЁЗКОЙ; С МОИМ ТЁЗКОЙ Я НЕ ЛАДИЛ. НЕ ДАЙ БОГ ЕМУ ИДТИ ПО МОИМ СЛЕДАМ, ПИСАТЬ СТИХИ ДА ССОРИТЬСЯ С ЦАРЯМИ! В СТИХАХ ОН ОТЦА НЕ ПЕРЕЩЕГОЛЯЕТ, А ПЛЕТЬЮ ОБУХА НЕ ПЕРЕШИБЁТ».

Сын не пошёл по стопам отца. 1 июля 1880 года А. А. Пушкина произвели в генерал-майоры и назначили командиром 1-й бригады 13-й дивизии кавалеристов, входившей в личную свиту государя. Он положил начало сближению рода Пушкиных с Романовыми. А следующие страницы их взаимоотношений были ещё более головокружительными.

Художественный руководитель екатеринбургского «Театра Слова» Тамара Воронина, вот уже 50 лет изучающая жизнь Пушкина и 30 лет – Романовых, однажды обнаруживает между ними родство. Младшая дочь Александра Пушкина Наталья, вышедшая замуж за подполковника Дубельта, сына того самого

генерала Дубельта, который выслал Пушкина в село Михайловское за антиправительственные стихи, совершенно неожиданно становится графиней Меренберг, супругой Николая Вильгельма Нассауского. 10 лет назад принц, приехав в Россию на коронацию Александра II как представитель прусского королевского двора, увидел на балу двадцатилетнюю дочь Пушкина. Они не могли тогда оторвать друг от друга глаз и протанцевали всю ночь напролёт. И присутствие Дубельта, законного супруга, не оставило их. И вот спустя годы они встретились вновь. Николай Вильгельм попросил руки Натальи Александровны.

«Принц хотел жениться на разведённой женщине с тремя детьми! Незнатного рода, иностранке, – подчёркивает Тамара Ворони-на. И восклицает: – Ради своей любви принц отказался от прав на престол». Выхлопотал для супруги титул графини Меренберг по названию крепости, родового владения принцев Нассау. Новый брак Натали, в отличие от первого, стал долгим и счастливым. И к тому же она породнилась с домом Романовых, так как старший брат её мужа, Вильгельм Адольф, герцог Нассауский, был женат на великой княжне Елизавете Михайловне, внучке Николая I. От второго, счастливого брака у Натали Александровны родилось трое детей – София, Александр, Георг. «И вот уже граф Георг Николаевич Меренберг, – продолжает Тамара Никитична, – женится на светлейшей княжне Ольге Александровне Юрьевской, которая была внебрачной дочерью царя Александра II и фрейлины императрицы, княжны Екатерины Михайловны Долгорукой. Александр II обвенчался с Екатериной Михайловной после смерти императрицы и пожаловал ей титул светлейшей княгини Юрьевской».

Наталя Александровна Пушкина

И это ещё не всё. Из дальнейшего рассказа исследовательницы следует, что ещё двое детей Натали Александровны породнились с домом Романовых: графиня Софья Николаевна Меренберг, внучка Пушкина, вышла замуж (вторым браком) за внука Николая I, великого князя Михаила Михайловича. Этот брак и ему стоил всех наследных прав великого князя. Супругам пришлось уехать в Англию в 1891 году.

Здесь и начинается новая страница в истории родства Пушкина и Романовых, которую можно назвать головокружительной. Их старшая дочь Надежда, или Нада, как её звали на английский манер, выходит замуж за родного дядю принца Филиппа Греческого – мужа нынешней королевы Британии Елизаветы II. Так потомки Пушкина и дома Романовых породнились с королевским домом Виндзоров. А младшая дочь Софии Зия, или Анастасия, как её звали дома, стала женой состоятельного промышленника Харольда Вернера, алмазного магната, и оказалась одной из богатейших женщин Великобритании. Интересно, что первая волна русской эмиграции пополнила собрание семейства Вернеров царскими реликвиями – фотографиями, картинами, альбомами и другими предметами искусства, когда-то украшавшими дворцовые покои российских самодержцев. Семейству Вернеров был завещан и уникальный архив англичанина Гибса – последнего воспитателя цесаревича и великих княжон. И именно внучка Зии-Анастасии Наталя и вышла замуж за Джеральда Гросвенора, стала герцогиней Вестминстерской и родила сына Хью, получившего после смерти отца баснословное состояние и ставшего самым молодым миллиардером Англии.

25-летний британец Хью Гросвенор – прямой потомок великого русского поэта Александра Пушкина. Его предки, прадед и прабабка Пушкина, жили на липецкой земле. Здесь же, в Липецке, бабушка поэта Мария Фёдоровна венчалась с арапом Петра Великого Абрамом Ганнибалом. Хью Ричард Луи Гросвенор – праправнук поэта по материнской линии. Сама же мать Хью Наталя

Хью Гросвенор

Гросвенор – близкая подруга покойной принцессы Дианы и крёстная мать наследника британского престола принца Уильяма. Когда у Уильяма и Кейт Миддлтон родился сын Джордж, именно Хью становится крёстным отцом мальчика.

«Вот куда вышел род Пушкиных, – замечает Тамара Никитична Воронина, – гений нас породнил, будто сказал: вы родные, живите в мире и согласии, любите друг друга. Люди от престола отказывались, чтоб соединить свою судьбу, словно сам Бог велел нам с ними породниться. Британские наследники все имеют английские имена сегодня, но древо-то идёт из России, от нашего гения, от наших царей». В свою очередь я спрашиваю

Тамару Никитичну о том, знают ли они своего гениального предка. «Они узнали, – отвечает исследовательница, – когда приезжали в Москву на открытие его памятника в 1880 году, и после этого стали собирать материалы о нём. Сегодня они чтут его и, как могут, увековечивают его имя». Старшая сестра Натальи Гросвенор – Александра Анастасия Филлипс, герцогиня Аберкорн, старшая из праправнучек Пушкина – на собственные деньги учредила Пушкинскую премию,

которая вручается самым одарённым школьникам Соединённого Королевства. Победители каждый год получают приз – поездку в Санкт-Петербург. Ещё одна сестра Натальи, Марита Кроули, – самая творческая из своего аристократического семейства: она писала тексты для песен Демиса Руссоса, а также сочинила либретто оперы «Поэт и царь» о своём великом предке Александре Пушкине.

Безусловно, все эти изыскания народной артистки России, руководителя «Театра Слова» не прошли мимо сцены. Она стала автором и постановщиком у себя в театре нового проекта «Пушкин и Романовы. Переплетение судеб». Работа была номинирована на губернаторскую премию. **А**

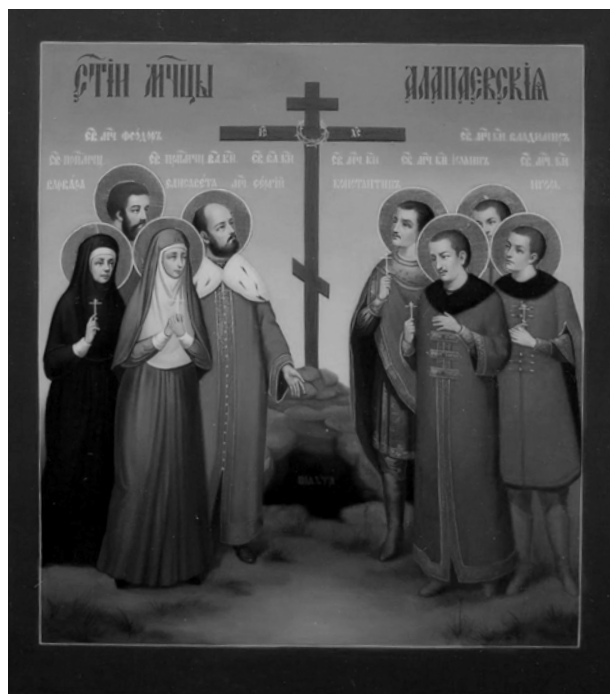
Эскиз памятника семье А.С.Пушкина
Скульптор В.Соколова
заслуженный художник России

АЛАПАЕВСКИЕ МУЧЕНИКИ. ПУТЬ НА ВОСТОК

В большой проект «Уральская голгофа» народной артистки России Тамары Ворониной входит не только спектакль «Последний царь» (1990) об убийстве царя и его семьи, сегодня это ещё и «Алапаевские мученики. Путь на Восток». Рассказ о ещё одной трагической странице в истории Урала начала XX века построен только на документах, дневниках, свидетельствах современников. Т. Н. Ворониной удалось не только собрать достоверный материал, но и убедительно воплотить его на сцене своего «Театра Слова», создателем и руководителем которого она является более 10 лет.

А события в спектакле отражены поистине драматические. Перед глазами зрителей в течение двух часов проходит вся история того времени, связанная с династическими князьями, которых привезли в Алапаевск 20 мая 1918 года по распоряжению Уральского совдепа. Это представители Российского императорского дома: великий князь Сергей Михайлович, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, князья императорской крови (сыновья великого князя Константина Константиновича) Иоанн, Константин, Игорь, князь Владимир Павлович Палей. Поначалу они пользовались относительной свободой: гуляли в городе, посещали библиотеки, сажали овощи и цветы. Могли вести переписку. Но с 21 июня для узников был установлен тюремный режим. А поздней ночью на 18 июля 1918 года под предлогом переезда в более безопасное место, «на дачу», князей рассадили в крестьянские повозки и вывезли за город к заброшенной Нижне-Селимской шахте (в 12 верстах по заводской дороге к Верхне-Синячихинскому заводу). И там, ударив каждого обухом топора по голове, сбросили в шахту. Затем шах-

ту забросали гранатами, завалили жердями, брёвнами и присыпали землёй. Такая спешка была не случайной. К городу подступали части белой армии. Поэтому не удалось, как в Екатеринбурге, сжечь тела и смешать с землёй. Когда позднее тела были извлечены из шахты, то обнаружилось, что некоторые жертвы погибли моментально, а другие остались живы и после падения умирали от голода и ран. Несколько дней спустя крестьяне, бывшие в лесу неподалёку от шахты, слышали из-под земли глухие голоса и пение Херувимской, другие утверждали, что дня три слышали стоны. И только в конце сентября 1918 года, при вступлении частей белой армии в город, тела были подняты на поверхность. «Тела почивших, – читает лауреат

международных конкурсов Евгений Лядов, – были омыты, одеты в чистые белые одежды и положены в деревянные гробы... На следующее утро отслужили заупокойную литургию и отпевание. "Многие плакали навзрыд, – вспоминал игумен Серафим, – под общенародный печальный перезвон колоколов и звуков духовой военной музыки". А в это время к Алапаевску вновь приближались красные, и решено было вывезти останки убиенных в Читу. Так начался долгий путь на восток. От Алапаевска до Читы ехали 47 дней. «В Чите, (писал игумен Серафим), – читает заслуженный артист России Александр Викулин, – при содействии атамана Семёнова и японских военных властей гробы в глубокой тайне перевезены в Покровский женский монастырь, где почивали 6 месяцев в келье под полом, в которой я это время жил». А помощник следователя Николая Соколова капитан Булыгин, прибывший со следственной группой в Читу, впоследствии рассказывал, что провёл много часов в келье о. Серафима и даже не раз ночевал там, на разостланной шинели на полу, всего на четверть над гробами мучеников. И в одну из ночей он даже слышал, как о. Серафим разговаривал во сне с убиенной великой княгиней Елисаветой Феодоровной.

А между тем под напором красных белые отступали, и генерал Михаил Дитерихс распорядился вывезти тела мучеников дальше, в Китай. Но встал вопрос о деньгах. Это было самое

большое препятствие. И тут кто-то вспомнил о Марии Семёновой, бывшей супруге атамана Семёнова, которая в то время развелась с ним и при разводе получила от атамана золотые слитки. Она была проста в обращении, не случайно же её называли Машкой-цыганкой или Машкой Шарабан. Она тут же откликнулась на просьбу и, открыв шкаф, показала лежащие там золотые кирпичи, которыми и финансировала перевоз святых останков по иностранной железной дороге. «С игуменом Серафимом, – читает далее актёр Александр Кичигин, – Мария Михайловна достигла сначала Пекина, а потом отправилась и в Святую землю, с сестрой Елисаветой Феодоровной, чтобы перевезти останки великой княгини и инокини Варвары в Иерусалим, в Гефсиманский сад. Интересно, что впоследствии Мария Семёнова вышла замуж за сына князя Гусейна Хана Нахичеванского, генерал-майора кавалерии, до конца верно служившего Николаю Второму. И сам атаман Григорий Семёнов оказал большую поддержку игумену Серафиму на пути из Читы в Пекин. Благодаря ему в марте 1920 года из Читы были вывезены все восемь гробов. И 8 апреля 1920 года, в Светлую пятницу, поезд с телами алапаевских мучеников прибыл в китайскую столицу. Здесь встретились новые трудности. Нельзя было гробы ввозить в город. Пришлось везти окрестностями в церковь преп. Серафима Саровского на мисийском кладбище. "По моей просьбе, – вспоминал в дальнейшем игумен Серафим, – атаман Семёнов дал средства и на то, чтобы в церкви под амвоном устроить склеп, куда и были поставлены все гробы"».

По сей день там находятся шесть гробов династических князей Романовых. Ведь когда-то генерал Дитерихс дал главнокомандующему всеми вооружёнными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенанту атаману Григорию Михайловичу Семёнову официальное распоряжение: хранить гробы, найти им место временного покоя и, при благоприятном условии, в своё время вернуться с ними в Россию. Действительно, не настало ли время вернуться им на родину? «Ведь они – верные сыны своего отечества, преданно служили ему и приняли за него мученическую смерть». А

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

Гармония даётся нелегко...

* * *

Гармония даётся нелегко,
Она предмет и дела, размышлений.
Но если есть она, то жить легко,
Летаешь в облаках, как гений.
К чему ни прикоснёшься, стих готов,
Предмет становится взаимным.
И ты умеешь понимать без слов
Тот мир, что кажется наивным.

* * *

Не имеет значения, кто ты, что ты,
Тебе надо друзей помянуть.
Они лежат без звания и квоты,
И зачем им этот удушливый вид?
Только здесь понимаешь значение былого,
Безразличие людей к потомкам своим.
Словно было и не было, что тут такого,
А вот мы неспроста у могилы стоим.

* * *

Поэзия всегда чиста,
Какая бы ни мыслилась природа.
Она всегда оттуда, где звезда
Свой льёт небесный свет восхода.
Ты будешь упрекать её, но в чём?
В ненужности, излишних сантиментах?
Но смысл того, что светит в том,
Не передашь в каких-то аргументах.

* * *

В природе смысл играет много,
Хоть кажется, что он неразличим.
Попробуй там нарушить что-то –
И исказится целый мир.

Не вырастут деревья в этом месте,
Погибнет плод другого на корню.
А после ты увидишь вместо
Садов лишь пустошь наяву.

* * *

Вершина жизни – это память
О том, что было на земле.
Уходит жизнь, но ты, как завязь,
Свой оставляешь дух везде.
И всякий раз он будет призван
Другими в мыслях и словах.
Ведь человечество всё ищет
Всё то, что ты искал в мечтах.

* * *

С годами ничего не приобретаешь,
Ни опыта, ни мудрости, ума.
Всё так же поступаешь,
Как в первый раз, не ведая огня,
Лишь тело говорит о летах,
А человек по-прежнему влюблён,
Как в первый раз, не зная света,
Которым будет после ослеплён.

* * *

Поэт не может не писать,
Не говорить о том, что было.
Он просто вышел погулять,
И сразу жизнь вошла в чернила.
Он может думать ни о чём,
Но строки лягут на бумагу.
И сам откроет в них потом
Скрытые от мира связи.

* * *

Любовь находится везде,
Она повсюду во Вселенной.
Всё прорастает, как во сне,
При её прикосновенье.
И на земле она всё та ж,
Как лёгкое в тебе дыханье,
Вдруг прилетит издалека
И начинает жить в сознание.

* * *

Редкие встречи, редкие свечи,
Но мы-то помним о том,
Что были когда-то все вместе
И ярким горели огнём.
Что изменилось в жизни потомков?
Другие лица, одежды, мечты...
Но, обращаясь к прежнему стойко,
Мы видим дальше, чем эти дни.

* * *

Увидеть мир глазами журавля –
Наверное, не видеть расстояния
От неба до земли, а жить всегда
В полёте вечного желания.
Лишь там и находить себя в пути,
Перебирая страны и зарницы,
Весь мир умея превзойти,
Не разделяя ни одной границы.

* * *

Наспех оделась и вышла куда-то...
Там разберёмся – куда и что.
Хочется верить – есть ещё даты,
В которых не знаешь ты ничего.
И день ты встречаешь, как певчая птица,
Только сейчас начинаешь жить,
И больше не надо тебе суетиться,
Ты обретаешь радость и смысл.

* * *

Самое главное – люди,
Они наш решающий ход.
Есть радостные минуты,

Есть печальный исход...
Их совершенство вселяет
Победу нашей любви,
А ненависть разрушает
На этом пути плоды.

* * *

В жизни есть одна лишь правда,
Она всё время говорит:
Ты жив, а значит, чист, как травка,
Хотя по ней кто ни бежит.
Дано что свыше – не сотрётся,
Не понесёт какой-нибудь урон,
Бессмертно будет, как водица,
Что существует испокон.

* * *

Неповторимость – главная черта
Людей живущих и ушедших;
Никто не повторит их никогда,
И не родится вновь сюда пришедший.
Земля не повторит себя ни в чём,
И каждый лист имеет форму...
Так проявляется Творец во всём –
Подобия не создаёт живому.

* * *

Чистыми, невинными глазами
Посмотри на небо, на траву...
Жизнь роскошными садами
Правит здесь свою судьбу.
И она не думает о смерти,
Увядает только в срок,
Чтобы снова выйти на поверхность,
Совершив космический бросок.

* * *

Сегодня и природа беспокойна,
Она не верит собственным глазам –
Что люди перестали быть счастливы,
Хотя им Бог так много дал.
Она пытается найти им оправдание,
Даёт ещё и хлеба, и зерна,
Но люди, овладевшие наживой,
Не знают больше радостного дня. А

Наталья ИВАНОВА

*Сапфиров глянца
на небе в серый день.
Божественные сланцы,
Божественная тень!*

*25-летию храма Вознесения
в г. Екатеринбурге*

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

1.

Чудесны, о Боже, молитвы Твои,
Они – дуновение Духа Святого.
Гляжу я на крест и дивлюсь той Любви,
Где кровью омытое кроткое слово.
И Тело Твоё – за меня, за всех нас –
Прибито к кресту и гвоздями ломимо,
Прощая врагов в искупительный час,
Зовёт к состраданию неодолимо.

2.

Любовь торжествует: воскресший Христос
Свечу покаяния миру принёс;
Апостолам раны давал осязать –
Душистым дождём пролилась Благодать.
Апостолы слышат Христовы слова,
Что миг Вознесенья настанет, едва
Забрезжит в лучах перламутра заря,
Песчинки песочных часов торопя.

3.

В прощальной беседе Господь говорил:
«От Бога Отца Я пришёл в этот мир.
Теперь восхожу ко Отцу Моему

И вашему Богу – и быть по сему.
Мой подвиг земного служенья окончен –
Святая Святых с очистительной кровью,
Я в Царство Небесное скоро явлюсь:
Людские грехи искупил Иисус».

И всё же не тотчас вознёсся на небо,
Являлся порой для домашних бесед Он.
И ел Иисус со Своим «малым стадом»,
Служа для Апостолов высшей услдой.

4.

И сорок уж дней протекло. Не случайно
Масличной горы приоткрылась тайна:
С последней пылинкой в песочных часах
Вознёсся Христос в голубых небесах!
И в складках одежды светилась заря,
И ветер ласкал шелковисто края.
Молитвы безмолвной сияющий мир
Волною блаженства всё прошлое скрыл.
И верхние сферы ликующих врат
Раскрылись Ему. Не приидут назад
Ошибки, страданья заблудших сердец.
О, дай нам Любви, наш Небесный Отец!

НАТАЛЬЕ НИКОЛАЕВНЕ ГОНЧАРОВОЙ

Натали Гончарова!
Средь красавиц Москвы
Ты блистаешь, и снова –
Не склонив головы!

Совершенство природы,
Тела мраморный блик
И античной породы
Скорбью тронутый лик.

Чуть скользишь по паркету,
И трепещет рука.
А в душе у поэта
Страсти бурной река!

Ты явилась загадкой,
Воплощеньем мечты!
Сострадания украдкой
Протянулись мосты...

Прелесть грустного взора,
Платья дымка легка.
Кружевного узора
Чуть мерцают шелка.

Кто ты? Гений иль Муза?
Мимолётны черты
С Гименеем союза
Неземной красоты!

* * *

*Надежде Дуровой,
герою Отечественной войны 1812 г.**

Теперь я гусар! Я в мундире и с саблей –
Изгиб её острый, тверда рукоять,
Душа добрый конь, и ни тени тщеславья:
Желанье одно – за страну постоять!

Идём рубежами по степи донецкой,
За тысячи вёрст от родного гнезда,

И с посвистом льётся запев молодецкий,
Звенит! А походам не видно конца.

Короток привал: сапоги, как железо,
Тяжёлые сброшу, пройдусь по росе.
А после, в бою, через сабель завесу
Неси меня, конь! Хоть вернёмся не все.

И в неустрашимости – честь офицера,
Свобода – удел мой теперь навсегда.
За веру, царя и за правое дело
Вперёд, эскадрон! Страха нет и следа.

*В 1907 году народная артистка России
Тамара Воронина предложила городу Екате-
ринбургу установить Александру Сергеевичу
Пушкину и его семье ПАМЯТНИК.*

ГЛЯДЯ НА ЭСКИЗ...

Первый в мире памятник –
Необычный! – пусть
Утишает горести,
Коль нахлынет грусть:

На литой скамеечке
Пушкина семья –
Машенька и Сашенька,
Гришенька, Наташенька –
Дочки, сыновья...

Александр Сергеевич,
Свет родной поэзии,
С Натали-красавицей
И весною грезили,

И венчались в Вознесенье!
Народились умилением
Их детишки, как цветочки,
На головках завиточки.

Первый в мире памятник,
Как семейный маятник,
Пусть тепло дарит участья,
Вызывая слёзы счастья!

* Надежда Дурова была первой женщиной-офицером, награждённой Георгиевским крестом.

ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛИРИКЕ ПОЭТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОКОЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА, И СТАРШЕЕ, И МОЛОДОЕ, БЫЛИ ВЫРАЗИТЕЛЯМИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ, ВЕЛИ ПОИСК КАК В ОБЛАСТИ НОВОГО СОДЕРЖАНИЯ, ТАК И В ОБЛАСТИ НОВЫХ ФОРМ СТИХА. ПРИ ЭТОМ, ПО МНЕНИЮ С. ЧУПРИНИНА, ОНИ ЧУТКО ОТРАЗИЛИ ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 60-Х – НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ: «КОГДА ВРЕМЯ ВЗЫВАЛО К МОЛОДОСТИ, ЛИЧНОЙ ИНИЦИАТИВЕ, НАСТАИВАЛО НА НЕОБХОДИМОСТИ НЕПРЕРЫВНОГО НОВАТОРСКОГО ПОИСКА – ПРИШЛИ ПОЭТЫ ОТКРЫТОЙ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ, ПОЭТЫ «ЭСТРАДЫ». КОГДА ЖЕ ЗНАКОМ ВРЕМЕНИ СТАЛА ЗРЕЛОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ, ПОТРЕБОВАВШАЯ УКОРЕНИТЬ ПОИСК В ТОЛЩЕ ТРАДИЦИИ, ОБЕСПЕЧИТЬ АКТИВНОСТЬ И ИНИЦИАТИВУ ЗОЛОТЫМ ЗАПАСОМ ДУХОВНОСТИ, ЭТО ПОКОЛЕНИЕ ВЫДВИНУЛО ПОЭТОВ УГЛУБЛЁННОГО, СОСРЕДОТОЧЕННОГО ЛИРИЗМА».

60-е, наполненные оптимизмом исканий и открытий, даровали многим художникам невиданные возможности описания и осмысления происходящего. Именно поэтому активный герой стал примечательной чертой мно-

гих произведений тех лет, шло обновление, обогащение классического стиха новой рифмой, лирика стала отличаться большей свободой высказывания. Органично развивалась и поэзия яркой публицистичности. К середи-

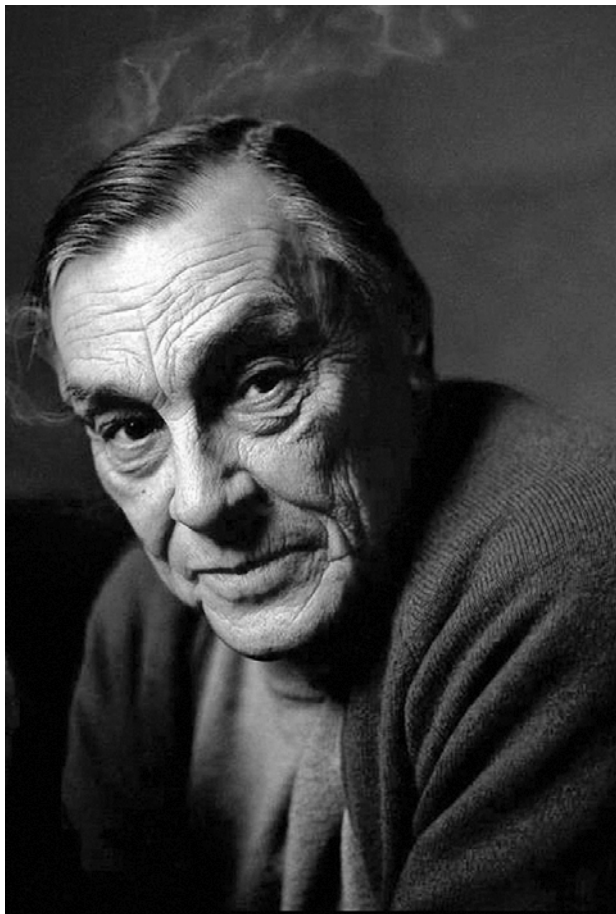
не десятилетия наметился курс «от романтической патетики и стихотворного очерка – к раздумью, философско-поэтическому обобщению». С утверждением В. А. Зайцева совпадает и вывод А. Павловского: «...к середине 60-х годов поэзия замедляет свой ритм и заметно меняет интонацию в сторону сосредоточенности и неспешного раздумья». Раздумья, философские обобщения стали следствием той всеобщей обращённости поэзии к своему и общегосударственному прошлому, которое способствовало осмыслению истоков настоящего. Это с одной стороны. С другой стороны, «уход» в философскую лирику, историзм были обусловлены и рядом причин, о которых учёные в 60-е не могли ещё говорить открыто. Только к концу 80-х ситуация стала проясняться. Наряду с публиковавшимися произведениями в те годы были и написанные «в стол». Но тогда «самиздатовская» литература была немногочисленной и малоизвестной. Именно поэтому историки литературы описывали лишь то, что им было известно. И в этом нет их вины. Однако историзм и усиление философического начала в лирике тех лет – факт поэтического процесса: «Наша эпоха была обращена к прошлому. Она увлечена жизнеописаниями, историей, литературными штудиями», – писал Р. Эмерсон, точно характеризуя одну из самых значительных тенденций развития общества. В художественной литературе и поэзии в частности эта тенденция нашла свою реализацию в освоении творческого наследия А. Пушкина, А. Фета, Ф. Тютчева, Е. Баратынского, А. Блока. Активное обращение поэтов к историческому прошлому России, повышенный интерес к личности человека, стремление разрешить проблемы нравственного порядка, ясно наметившийся поворот к национальным традициям – всё это свидетельствовало о богатом потенциале поэзии 60-х годов. И, несмотря на то, что ожесточённые споры о поэзии не утихали, а периодически вспыхивающие дискуссии (о поэме в 1965-м, об «интеллектуальной лирике» в 1966-м, о содержательности в поэзии в 1967-м, о гражданственности в 1968-м, 1969-м) заостряли внимание читателей на той или иной проблеме, всё же можно

было сказать о главном. О том, что «наступило время мыслящего героя», повлиявшее на изменение качества нашей литературы. «Писатель слушает людей», «литература ловит пульс» – такие и подобные высказывания замелькали на страницах журналов и газет. Вместе с тем уходила «эстрада», на смену ей приходили вдумчивые философские стихотворения. Не случайно возникла проблема развития поэмы. Этого требовало время, тяготеющее к синтезу и масштабности. Именно это, глубоко присущее всей русской поэзии качество всегда являлось предметом пристального внимания и изучения. Оно и определило степень творческой зрелости художника, чёткости его эстетических позиций. Приобщение же к традиции невозможно без подлинного дара, предельной чуткости к культуре прошлого, без глубокого освоения живой современности». Эти размышления В. Кожина как нельзя лучше характеризуют творчество Н. Рубцова и как нельзя точнее указывают на главный признак его поэзии. Рубцовское творчество, основывающееся на изначальных истоках русской словесности, «вырастающее» из неё, и само в итоге стало традицией для многих его современников и последователей: А. Передреева, А. Прасолова, Б. Примерова, Э. Балашова, А. Жигулина и др. Это обстоятельство ярко демонстрирует живую жизнь традиций, которые, как верно заметил В. Плахов, «представляют непреходящую культурную ценность и живут, оказывая влияние на многие поколения».

Ярким традиционалистом предстал в 60-е поэт старшего поколения Арсений Тарковский, незаслуженно замалчиваемый, творчество которого являет собою живую связь времён, преемственность традиций:

*Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.
< ... >
Потому что сосудом скудельным я был.
И не знаю, зачем сам себя я разбил.*

Поэт, «глубоко понимая диалектику преемственности в поэзии, в традиции видел залог слияния прежнего и нынешнего, вечного и

Поэт Арсений Тарковский

современного». О своей приверженности классической традиции русского стиха говорил и сам А. Тарковский: «Поэтами юности стали Пушкин, Баратынский, Тютчев, Фет, Блок, Сологуб, Ахматова, и остались поэтами моей зрелости и постарения... Традиционная форма стиха и традиционная рифма дают возможность равномерно расположить смысл по своей поверхности стихотворения... Я предпочитаю ямб верлибру». Лучшим подтверждением этому тезису может быть пушкинская тема в лирике поэта, бытующая в ней очень широко и многогранно. Это и изначальный, юношеский интерес Тарковского к личности гения, и тяга поэта-профессионала к осмыслению феномена Пушкина в зрелые годы, и, наконец, понимание своего места и значения в макрокосме сквозь призму пушкинского опыта. Поэт утверждал, что «необходимое в большой поэзии – гармония уравновешенности мира –

личности художника и языка, на котором написано стихотворение». Таковым образцом для него был А. С. Пушкин. И от Пушкина у Тарковского идёт освоение темы поэта и поэзии, которая занимает значительное место во всём его творчестве (стихотворения «К стихам», «Степь», «Стань самим собой», «Слово», «Порой по улице бредёшь», «Поэты», «Стихи в тетрадах» и др.). Интересна в этом смысле художественная параллель произведений А. Пушкина «Рифма» и А. Тарковского «Рифма». В данном случае наличествует не только совпадение тем у поэтов, но и идентичность заглавий, что даёт возможность говорить о влиянии традиции А. Пушкина на творчество А. Тарковского. При этом важно и ещё одно подтверждение верности наших размышлений – рассуждение самого поэта о стихотворении А. Пушкина «Рифма»: «...для Пушкина эта тема была так же важна, как тема любви, бытия и смерти. Для того, кто живёт в сфере обитания поэзии, служит ей, тема эта должна быть реабилитирована, потому что сущность её захватывающая и никак не относится к темам "вторичного отражения"».

Мотивами дружбы и сотворчества, соревновательного начала со стихией поэзии пронизано стихотворение А. Пушкина. Предметом его пристального внимания становится процесс «вдохновенного труда», раскрытие «психологии творчества»:

*Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда...
<...>
Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушная дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.
Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.*

В стихотворении «Рифма» А. Тарковского находим явные параллели мотивам пушкинским: «Но почему с рифмовником бродить по белу свету / Наперекор стихиям и уму / Так хочется и в смертный час поэту?» Обращает внимание и весьма близкий пушкинскому вариант А. Тарковского: «Но в смертный час попросит вдохновенья, чтобы успеть стихи досочинить...» Но в отличие от А. Пушкина, выразившего своё благоговейное отношение к рифме, к своему труду, А. Тарковский иронично-насмешливо расставляет точки над «i»: «Не высоко я ставлю силу эту: / И зяблики поют». В контексте стихотворения, таким образом, воспринимается как явное противоречие достаточно серьёзное заявление А. Тарковского о том, что все поэты – «уста пространства и времени». Если вернуться к пушкинскому произведению, исполненному «здоровья и гармонии», по выражению самого А. Тарковского, то в стихотворении А. Тарковского «Рифма» есть лишь попытки восстановить нарушенную целостность поэтического мира лирического героя, испытывающего некую неуютность: «Так и душа в мешок своих обид / Швыряет, как плотву, живое слово: / За жабры – хват! и рифмами двоит». И лишь знание контекста всего творчества и жизненных коллизий автора помогает понять возникновение мотива обиды в данном стихотворении А. Тарковского – ведь первый печатный сборник стихов поэта появился лишь в 1962 году, в пятидесятилетний его юбилей.

Попыткой «оттолкнуться» от пушкинской традиции и одновременно приблизиться к пушкинской философской лирике, освоить принципы, развить их и обогатить можно назвать «Пушкинские эпиграфы» А. Тарковского. Этот цикл стихов представляет собой цельное и завершённое художественное явление. А. Тарковский, создавая свою оригинальную поэтическую версию разных тем творчества А. С. Пушкина, на формальном уровне (ритм, метр, строфика, фоника стиха) следует классическим пушкинским образцам, словно бы расширяя и обогащая эпиграф новыми деталями. В содержательном плане его произведения – философия бытия и быта нашего современни-

ка, вписанного волею судьбы в рамки другого, послепушкинского времени.

Первое стихотворение с эпиграфом из пушкинского «Зимнего вечера» представляет собой зачин всего цикла, настрой на тему, успешно развивающуюся в трёх других стихотворениях, – тему странствий человеческой души по дорогам бытия в поисках смысла жизни, в поисках решения главного вопроса «быть или не быть?». Если говорить о формообразующих элементах данного стихотворения, то необходимо указать на прямое заимствование А. Тарковским размера и ритма пушкинского «Зимнего вечера» (ямб с пиррихием), что, с одной стороны, указывает на явное влияние А. Пушкина, а с другой – на творческое продолжение пушкинской традиции.

Вторая часть «Как тот Кавказский Пленник в яме» с эпиграфом из стихотворений «К***» обращает читателя к сложному внутреннему миру современника поэта, высвечивая тончайшие переживания души человеческой. Здесь, как ни в каком другом стихотворении А. Тарковского, сильно звучит автобиографическое начало, пусть и достаточно хорошо скрытое. Используя иносказательный принцип, А. Тарковский очень точно «закодировал» свою творческую биографию: и годы молчания и непризнания, и напряжённую работу «в стол», и, наконец, заслуженную известность.

Третья часть – кульминация цикла, в ней лирический герой прозревает, соотнося себя с великим гением:

*Я не стою ни полслова
Из его черновика.*

Напряжённость ситуации создаётся нагнетанием неопределённости, невыясненности позиции лирического героя, задавшегося главным для себя вопросом: «как жить?» – и реальной безответностью того, к кому обращён этот вопрос: «я кричу, а он не слышит». В целом данная часть представляет собою описание в миниатюре психологического состояния творческой личности, работу её чувств и разума. Проблема решается только после наступившего духовного прозрения, после совершения выбора: «Вослед за ним пойду и я».

Четвёртая, заключительная часть, имеющая эпиграф из «Скупого рыцаря», намеренно заземлена автором. Она контрастирует с предыдущими частями, словно бы «возвращая» читателя в реальную жизнь. Арсений Тарковский, используя приём контраста, добивается поразительного эффекта: «В магазине меня обсчитали...» И лишь чувство внутренней слаженности мыслей и эмоций позволяет лирическому герою обрести утраченную гармонию с внешним дисгармоничным миром, «разламывающим» личность:

*Был бы хлеб. Ни богатства, ни славы
Мне в своих сундуках не беречь.
Не гадал мой даритель лукавый,
Что вручил мне с подарками право
На прямую свободную речь.*

А. Тарковский создаёт свой прообраз времени и пространства: «Я человек, я посередине мира». Осмысление процесса взаимодействия человека с миром в этом стихотворении, конечно, восходит к тем классическим философским образцам, какие находим у Державина, Тютчева, Баратынского, Фета, но постановка и решение вопроса – пример отталкивания от традиции, признак явного поэтического новаторства:

*Я между ними лёг во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.*

Появление в творчестве А. Тарковского поэтического портрета связано также с именем А. С. Пушкина. Как видно из наблюдений, это самое сильное влияние, которое когда-либо испытывал поэт. Стихи о Ван Гого, Пауле Клее, Е. Молоховец, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Анджело Секки, Г. Сковороде написаны в разные периоды его жизни и творчества, но у них один исток – художественный опыт гениального Пушкина, его сонет о сонете «Суровый Дант не презирал сонета...» Литературные портреты – один из излюбленных жанров Арсения Тарковского, к которому он часто обращался. Почти все они выполнены в русле пушкинской

традиции. Философское обоснование этому находим в стихотворении «Словари», где поэт в условно-символическом ключе обрисовал момент всеобщей и частной взаимосвязанности и взаимообусловленности:

*Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть её, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.
<...>
И потому бессмертен я, пока
Течёт по жилам – боль моя и благо –
Ключей подземных ледяная влага,
Все эр и эль святого языка.*

По утверждению А. Михайлова, «эстетическая программа Тарковского покоится на твёрдом убеждении, что поэзия связывает прошлое с будущим, поэтому он так строг и требователен к языку, ищет устойчивые формы поэтического выражения». Поэт, с одной стороны, пользовался и развивал классически ясную и простую форму стиха, а с другой – вкладывал в эту форму остро современные проблемы и вопросы бытия. К примеру, в стихотворениях «Феофан Грек» и «Григорий Сковорода», где он пытается определить своё местоположение во времени и пространстве: «и подмастерьем стать у Феофана» – или засвидетельствовать перед современниками свой выбор жизненного пути: «я жил, невольно подражая Григорию Сковороде...» Как и во многих других произведениях, в серии литературных портретов сильно автобиографическое начало, придающее им особую, интимную предрасположенность к душевной беседе, раздумьям о сущем. Иначе говоря, не уходя от канона литературного портрета, А. Тарковский приближает его к современности, «сопрягает» его со временем настоящим, и всё это позволяет поэту смело говорить о том, что он «посередине мира», что «век себе по росту подбирал», что он «Нестор, летописец мезозоя, / Времён грядущих... Иеремия». Это обстоятельство даёт возможность сделать небольшое обобщение. Стихи Арсения Тарковского, «вырастая» из классической традиции,

остро современны по своему звучанию и пафосу, они высокодуховны, в них органично сочетаются прошлое – настоящее – будущее. Творчество глубоко традиционного поэта, таким образом, предстаёт в достаточной степени новаторским. «...Всякое новаторство, даже самое смелое, бывает только частичным. Совсем освободиться от подражания и литературных традиций никогда ещё и никому не удавалось, даже, пожалуй, и не нужно», – писал в одной из своих ранних статей И. Розанов.

Конец 60-х – начало 70-х годов в русской поэзии проходили под знаком ожидания гения, чьё творчество, подобно пушкинскому, можно было бы без сомнения характеризовать как новаторское. Критики и литературоведы, в частности В. Кожин, В. Акаткин и др., связывали новый подъём в поэзии и качественные её изменения с именем Н. Рубцова, но поэт рано ушёл из жизни, не успев создать многого. В 1971 году умер А. Твардовский, преемник и продолжатель классической традиции русского стиха. Но именно тогда, в самом начале 70-х годов, по справедливому замечанию В. Зайцева, «реально проявились традиции, которые утверждали всем своим жизненным и художественным опытом крупнейшие мастера: А. Твардовский, Яр. Смеляков, Н. Тихонов, Л. Мартынов и др.».

Казалось бы, наступил какой-то физический разрыв традиций в современной русской поэзии с уходом из жизни таких значительных поэтов, как А. Твардовский, Н. Рубцов, Я. Смеляков. Однако всё десятилетие 70-х характеризовалось тягой «поэтического мышления к уяснению национально устойчивых истоков, социально-нравственного жизнестроения, к проблемам Времени, Истории, Народа, а также обострённым вниманием к национальным традициям – историко-культурным и собственно литературным, к испытанным эстетическим ценностям, накопленным в фольклоре и русской классической литературе». Это обобщение А. Павловского не единственная точка зрения о развитии поэзии в те годы, но, пожалуй, одна из наиболее точно определивших круг проблем и тенденций поэтического процесса того времени. «Выразительным сви-

детельством опоры на традиции отечественной классики, активных нравственно-эстетических и художественных исканий служит творчество Давида Самойлова 70-х – 80-годов. Время и память остаются важнейшими компонентами мироощущения и художественной системы поэта, столь пристального к истории и современности», – писал В. Баевский, автор монографии о поэте (Давид Самойлов. Поэт и его поколение. М., 1986), где утверждал, что Д. Самойлов – «один из самых разнообразных и независимых современных поэтов, часто идёт новыми путями в области метрики, ритма, строфической композиции, системы рифмования. По разнообразию метрических форм стих Самойлова в современной поэзии явление особое». Но без мнения самого поэта невозможно объективно понять особенность его творчества. Д. Самойлов в одном из интервью достаточно определённо высказался по интересующим нас вопросам: «Прежде всего, не думаю, что в стихах я – философ. Никаких философских дефиниций никогда не излагал. Возможно, за философичность принимается серьёзное отношение к жизни, важность того, о чём думаешь... Что касается традиционности моей поэзии, то это для меня тоже представляется спорным. Вообще мне кажется, что традиция – очень условная вещь, это, скорее, стилистическая ориентация». Если учитывать сказанное и строить своё суждение только на основе субъективного мнения поэта, то, конечно, невозможно говорить о явной ориентации Д. Самойлова на постановку вечных проблем, на разработку вечных тем и их трансформацию сквозь призму современности.

Говоря о традиции как о «стилистической ориентации», Д. Самойлов противоречит себе. В произведениях, написанных под впечатлением пушкинского творчества, к примеру «Я ехал по холмам Богемии» и «Сон о Ганнибале», и стихах, где он использовал пушкинские темы, явно проступает не «стилистическая ориентация», а прямое следование традиции А. Пушкина. Так, в названии сборника «Волна и камень» ясно звучит пушкинская антитеза, в основу поэмы «Ближние страны» поэт поло-

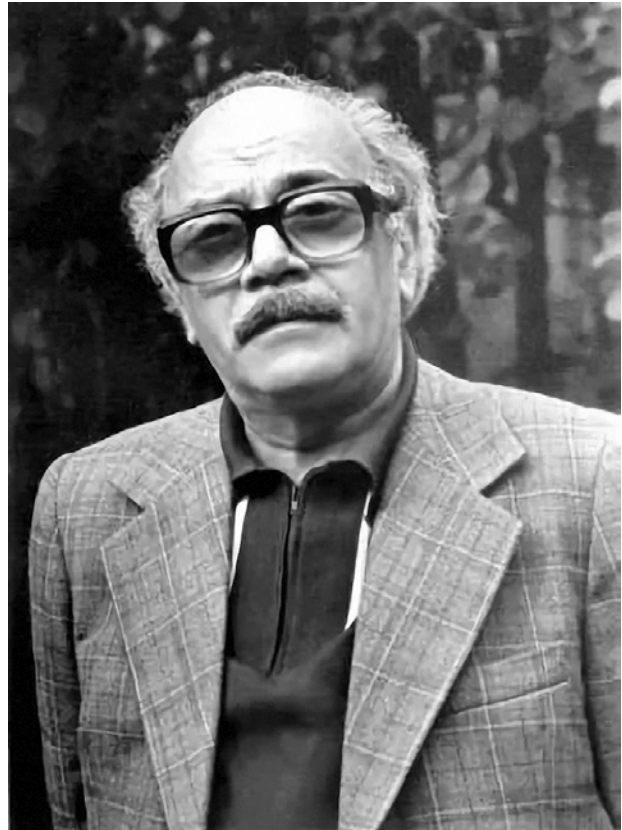

жил отрывок из пушкинского стихотворения «Я возмужал среди печальных бурь».

Как видно, тенденция к освоению пушкинской темы, ставшей традиционным явлением в современной поэзии, реализуется и в лирике Д. Самойлова. Да и сам поэт не отрицал влияния Пушкина, наоборот, обстоятельно объяснял, в каком соотношении с гениальным предшественником находился в разные периоды своего творчества: «Пушкин был для меня всегда. Он – образец личности в чисто человеческом плане и образец поэта – в чисто поэтическом. Пушкин – тот человеческий, нравственный, поэтический, художественный ориентир, без которого я себе своего пути не представляю. Значение его для меня с годами продолжает расти. Даже отталкивание от традиции, ну хотя бы у Маяковского, идёт под знаком отталкивания от Пушкина. Пушкин надолго определил пути русского сознания, самосознания, ощущения государства и нации. Если говорить о конкретных знаках и вехах влияния пушкинского творчества на меня, то сначала большое влияние оказывала лирика Пушкина, потом, вероятно, «Евгений Онегин», затем – его проза, а теперь – «Маленькие трагедии». Выказывая свой интерес к тому, как «получился Пушкин», Д. Самойлов создаёт интересную лирико-драматическую поэму «Сон о Ганнибале», в которой пытается воссоздать историческую предысторию А.С. Пушкина. Произведение динамично, что подчёркивает импульсивность характера и темперамент арапа Петра Великого – Абрама Петровича Ганнибала, предка Пушкина, фигуры «полуопальной», но гордой и независимой:

*Портреты Ганнибала мало схожи
С оригиналом – только смуглость кожи,
Но живость черт, огонь, сокрытый в нём,
И острый ум – не вышли ни в одном.
Глаза как пара чёрных виноградин,
Походкой мягок и фигурой ладен...*

И пусть в основу лирического повествования положен эпизод из частной жизни реальных исторических лиц, поэма представляет собой историческое обобщение о том времени,

Давид Самойлов

в котором они бытовали. Они воспринимаются как некие типы человеческих характеров эпохи Петра Первого. Воссоздание колоритных фигур Миниха, Бирона, Абрама Петровича позволяет читателю ощутить дух петровского времени, когда «Россия встала на дыбы». О приверженности поэта классическому образцу говорит и использование в этом произведении любимого пушкинского ямба.

Как видим, Пушкин для Д. Самойлова – первостепенная фигура, всеобъемлющая личность, с чем и сам поэт соглашался не раз, утверждая, что «вся современная русская культура началась с Пушкина». Этим, кстати, он объясняет пристальное внимание к пушкинской теме в своей поэзии.

Как утверждал критик А. Михайлов, «не только у Д. Самойлова, но в современной поэзии давно установилась традиция: Пушкин и всё, что с ним связано». Пишущие о Пушкине стремятся войти в образ, представить себя на месте Поэта в кризисные моменты или,

наоборот, в моменты взлётов гения, конденсации творческих сил, как, скажем, «болдинской осени». Об этом же и стихотворение Д. Самойлова «Болдинская осень». И в том, что есть такое произведение, ещё одно подтверждение приверженности его автора данной традиции:

*И за полночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье богу – ты свободен –
В России, в Болдине, в карантине...*

Здесь, как и во многих других стихах на эту тему, фиксируется стремление поэта проникнуться пафосом пушкинского творчества, глубже понять его индивидуальность.

Как правило, почти во всех произведениях Д. Самойлова А. С. Пушкин выписан в один из моментов своей бурной и интересной жизни. Таков эпизод встречи поэта с Пестелем в стихотворении «Пестель, поэт и Анна». Особенностью данного произведения является установка на «собеседничество», на диалог как основу структурного и формообразующего принципа «лирической пьесы». Закон жанра требует от автора и обнажения конфликта. Подчиняясь ему, Д. Самойлов делает акцент на конфликте между поэзией и практикой, творчеством жизни и творчеством красоты, придавая ему оттенок драматизма:

*Заговорили о любви.
– Она, –
Заметил Пушкин, – с вашей точки зренья
Полезна лишь для граждан умноженья
И, значит, тоже в рамки введена. –
Тут Пестель улыбнулся.
– Я душой
Матерьялист, но протестует разум. –
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: «В этом соль!»
<...>
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал – распевает Анна.
И задохнулся:
«Анна! Боже мой!»*

Как правильно подметил С. Чупринин, «с течением времени у Д. Самойлова "собеседничество" как свойство лирики становится доминантой» и «новым стихам поэта остро требуется собеседник, ибо вне спора, вне диалога стихи эти теряют добрую половину смысла». И собеседник этот должен быть тонко организованной натурой, дабы улавливать тончайшие движения души поэта, воспринимающей, в свою очередь, обострённо мир бытия человека любой эпохи. Именно поэтому в лирике Д. Самойлова так взаимопроникают история и современность, а герои: Ганнибал, Пестель, Меншиков, Голицын и многие другие – становятся близки и понятны нашему современнику. Поэт так говорил о своём пристрастии: «Меня интересует психология исторической личности, независимо, какое положение она заняла в нашей истории».

И как результат – цикл миниатюрных стихотворных портретов Ивана Грозного, Софьи Палеолог, Емельяна Пугачёва, Дельвига, Блока, Пушкина и др. Отметить следует и то, что жанр стихотворного портрета традиционен в русской поэзии и Д. Самойлов отдал щедрую дань этому. Нельзя не заметить, что поэт несколько вольно обращается с историческим материалом, перенося его в контекст современного или, наоборот, как, например, в «Свободном стихе», где Пушкин «в серебристом автомобиле с крепостным шофёром Савельичем», приехав во дворец Петра Великого, встречает там седого арапа Ганнибала.

Верлибр в этом стихотворении расширил возможности высказывания, позволил придать повествованию и диалогу объёмность и полноту. Ассоциативность мышления автора позволила ему создать обобщённую картину прошлого, в которой тем не менее в каждом портрете поражаешься конкретности деталей: «седой арап Ганнибал – негатив постаревшего Пушкина» и: «– Что же ты, мин херц? – / Скажет царь, / Пяля рыжий зрачок, / И подёргивая левой щекой». Точность портретной зарисовки – забота о подлинности живой и исторической реальности, о которой идёт речь. Обращает внимание широта и эпичность одного из последних стихов «Вот и всё...», где весьма само-

критично Д. Самойлов говорит о себе и своём поколении в целом. И здесь проступает лёгкая ирония и вместе с тем глубина понимания поэтом сути явления, всего масштаба трагизма душевного состояния лирического героя, трезво относящегося к себе:

*Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И всё разрешено.*

Вся сила убеждения, весь эмоциональный накал стихотворения заключён в последней фразе, своеобразном итоге не только собственной жизни и творчества, но и той литературной ситуации, которая сложилась в поэзии конца 70-х – начала 80-х годов. Весьма показательно и то, что Д. Самойлов, остро ощутив потерю классических ориентиров в современной поэзии, предостерегает своих современников от пагубности отказа от традиций. С другой стороны, не декларируя лозунга «Вперёд, к Пушкину!», Д. Самойлов всей сутью своего творчества доказывает невозможность, несостоятельность любого поэтического явления или течения вне традиций, вне преемственных связей с предшественниками. Будучи вписанным в контекст литературной ситуации 60-х – 70-х годов волею своей человеческой судьбы, поэт органично вписался в одну из основных тенденций того времени – процесс объёмного, последовательного освоения классических традиций великой русской литературы, так активно начавшийся в 60-е годы и продолжающийся по сегодняшний день. Несомненным достижением поэта является, конечно, тот своеобразный, интересный поэтический мир, который привлекает читателя и глубиной проникновения в смысл человеческого бытия, и напряжением пульсирующей мысли, и просветлённостью гармоничного сознания цельной личности. И всего этого достиг Д. Самойлов благодаря опоре в своих поисках на опыт,

в первую очередь А. Пушкина и Ф. Тютчева. Великолепные лирические фрагменты пейзажного характера у поэта часто напоминают темы и мотивы фетовской лирики, например: «Красота пустынной рощи / И ноябрьский слабый свет – / Ничего на свете проще и мучительнее нет». Эти строки Д. Самойлова вызывают в памяти стихотворение «Осень» А. Фета с его «прозрачностью» картин: «Как грустны сумрачные дни / Беззвучной осени и холодной!»

Итак, нельзя не сказать о том, что умело синтезированный опыт предшественников, который лёг в основу творческого мироощущения поэта, в итоге дал миру своеобразную и неповторимую творческую личность, мыслящую глубоко, самостоятельно и глобально.

Уникальность этого поэтического феномена отразилась в лирических зарисовках последних лет, рассчитанных на умного, свободно владеющего дарами культуры собеседника поэта. Но дело тут не в собеседнике, а в той философии, поэтической сентенции, которая существует как литературный факт вне того, есть этот собеседник или нет. Вот, к примеру:

*И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом
Душа – несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.*

Совершенно очевидно, что творчество Д. Самойлова – продемонстрированная поэтическому миру живая жизнь русской классики.

Отстаивая свой взгляд на проблему творчества, а также преемственности в его развитии, Ю. Левитанский за последние годы создал большое количество произведений, подтверждающих его главную мысль о том, что «традиция – неповторенье, т.е. постоянный поиск». С одной стороны, поэт предстает как художник исключительно традиционный: использует разработанные предшественниками приёмы изображения и поэтического синтаксиса, а также лексики, а с другой стороны, находясь в постоянном поиске, т.е. стремясь к «неповторе-

нию», обогащает современный стих всеми открывшимися ему возможностями верлибра. И в этом он занимает принципиальную позицию: «Что же она такое, эта традиция? Из многих статей, высказываний, выступлений можно сделать вывод, что традиция видится критикам едва ли не как повторение. По существу, делается попытка свести всю русскую поэзию к некоему всеобщему, чуть ли не в ритмике даже, единообразию. А ведь, по Пушкину, это не только не повторение, но, как я понимаю, именно – неповторение. По Пушкину, то есть в пушкинской традиции, главное – именно неповторение, т.е. постоянный поиск, пример чего – всё, сделанное им самим. Он ведь в течение всего весьма непродолжительного отпущенного ему времени успел перепробовать не только все литературные жанры, но даже и стихотворные размеры. Да, великий наш поэт был просто одержим этим стремлением уйти, оттолкнуться не только от того, что уже создано другими, но и от того, что создал и открыл сам».

Следуя, по сути, пушкинскому принципу неповторения, Ю. Левитанский, как это свойственно многим современным поэтам, не только отталкивался от пушкинской традиции, но и работал в её русле. Примером тому – стихотворение «Я полагаю, Пушкин, говоря...» с предпосланным ему эпиграфом из классика «Лета к суровой прозе клонят...». Важно, что Ю. Левитанский его построил таким образом, чтобы оно полнее раскрыло пушкинскую мысль, вместе с тем вложил в него и своё понимание проблемы:

*Я полагаю, Пушкин, говоря
о том, что, мол, года к суровой прозе,
не так-то прост и в этом был вопросе
и не одно лишь то имел в виду,
что перейти готов к иному жанру,
то бишь забыв о рифме, о размере,
скорей засесть за повесть, за роман –
нет, думал он, поэзия – обман...*

<...>

*И я сегодня прозе говорю –
входи в мои стихи и будь как дома!*

<...>

*И если скажут мне – твой стих бескрыл,
ты крыл его лишил! – что я отвечу,
что критикам моим скажу тогда?*

А ничего.

– Года, – скажу, – года!

Итак, главное для Ю. Левитанского – не повторение. Именно оно подталкивает поэта к поиску нового в современном стихосложении. Таким примером явилось ставшее творческим «манифестом» автора стихотворение «Только ритмы, одни только ритмы», в котором высказано убеждение в том, что существование самой поэзии невозможно без ритма. Оно не только демонстрирует замысел поэта, но и существует благодаря ритму, внутренней динамической энергии свободного стиха.

Именно поэтому, как нам кажется, Ю. Левитанский в последние годы так активно обращается к верлибру и раскрывает современному читателю всё новые его возможности, заключающиеся в «напряжении ритма, движении речи, пульсации слова». Как видно, поэт достаточно убедительно доказывает примат ритма над рифмой, и все его поздние стихи – тому подтверждение, ибо в них он «легко обходится без рифмы, но без ритма – о нет, извините, без ритма всему наступает конец».

Существует в лирике Ю. Левитанского тема, которую невозможно обойти ни одному художнику, тем более лирику философического склада, элегической настроенности. Это тема преходящего и вечного, созвучная теме жизни и смерти. Рассуждая над этими категориями, поэт создаёт лирически-элегический шедевр, в котором преобладает просветлённое чувство человека, поднявшегося над всем низменным и суетным, заглянувшего в бездну бытия и возвысившегося над ним:

*День всё быстрее на убыль
катится вниз по прямой.
Ветка сирени и Врубель.
Свет фиолетовый мой.*

<...>

*И, словно судно к причалу
в день возвращения домой,*

*вновь устремится к началу
свет фиолетовый мой.*

Мотивы эти возникают и приглушаются другими с постоянной периодичностью в «Белых стихах».

Глубоко уважительное отношение к истории, к прошлому, стремление соотнести его с современностью – основа многих стихов Ю. Левитанского. Размышления о степени взаимосвязанности и взаимообусловленности всего сущего наличествуют почти в каждом произведении стихотворца. В «Новогоднем послании Арсению Александровичу Тарковскому» в качестве эпиграфа приведена строка из стихотворения адресата, подобно тому, как в уже упоминавшемся «Я полагаю, Пушкин...» использована реминисценция из пушкинского произведения. Это даёт основание сопоставить данные стихотворения, которые роднит то, что в них реализуется одна идея – соотнести прошлое с настоящим, поверить современность историей, уяснить степень собственной сопричастности с прошлым. И в том, и в другом произведении автор отталкивается от мысли старшего собрата по перу и как бы вступает с ним в диалог. И в том, и в другом стихотворениях Ю. Левитанский следует весьма важному творческому принципу: в произведении всё должно быть взаимообусловлено. Поэтому в обоих случаях эпиграф последовательно раскрывается всей сутью стихотворения. Обращение к личностям поэтов позволяет автору в какой-то мере и самому определиться и в творческом, и в личностном планах. Соизмеряя себя с ними, Ю. Левитанский многое обретает, утверждает в правильности избранного пути, как бы определяя его перспективу:

*...и что покуда рано ставить точку,
что знаки препинанья вообще –
не наше дело, их расставит время –
знак восклицанья
или знак вопроса,
кавычки,
точку
или многоточье –
но это всё когда-нибудь потом,*

*и пусть кто хочет думает о том,
а мы ещё найдём, о чём подумать...*

Очевидно и то, что и сам поэт, подводя некоторые итоги своих «странствий», не в состоянии говорить о многих вещах однозначно. Однако он для себя уяснил очень важное: «жизнь всё равно прекрасна», и поэтому, несмотря на ощущение некоего рубежа («приходит наше время»), убедился, что обрёл главное – свободу выбора, то, что всегда считал приоритетом личностей необыкновенных. Ощущение важности свершившегося дарует ему и душевное спокойствие, и умиротворённость:

*И вдруг поймёшь –
ты жизнь успел прожить,
И, задохнувшись
(годы пролетели),
вдруг ощутишь,
как твоего чела
легко коснулись веющие крыла
благословенной пушкинской метели...
<...>
Но выбор есть,
и дивная свобода
в том выборе, где голову сложить!*

Представляется, что поэтический опыт Ю. Левитанского имеет непреходящее значение для современной поэзии во всех смыслах. И, как нам кажется, особенно важен момент воздействия его лирики на поэтов более молодых, легко идущих на формальный эксперимент, ищущих свою неповторимую форму. Ю. Левитанский, находясь в постоянном поиске, как видим, явил поэтическому миру пример глубоко творческого подхода к проблемам глобального характера – поэта и поэзии, традиционного и новаторского, возвышенного и земного. ■

Алла НАУМЕНКО-ПОРОХИНА,
доктор филологических наук,
профессор,
Москва, Военный университет МО РФ

Александра НИКОЛАЕВА,

член Союза писателей России,
Тамбов

*К 80-летию присвоения Тамбовской
областной библиотеке имени
Александра Сергеевича Пушкина*

Известно, что в Тамбове не бывал
Великий Пушкин – первый русский гений.
Но строками его стихотворений
Кто чувства и судьбу не постигал?

По-прежнему в пронзительных стихах
Душа поэта любит и страдает,
И на зелёных цнинских берегах
Его святую лиру почитают.

Но, может быть, среди родных могил
Была ему близка земля Тамбова?
...Здесь пращур воеводою служил
И родилась Наталья Гончарова –

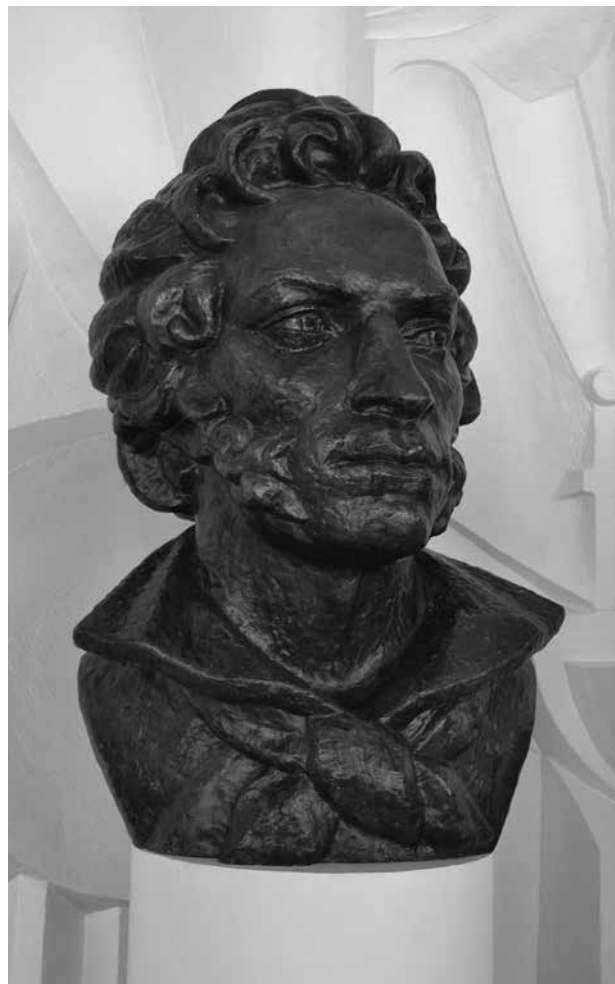
Его жена и муза Натали,
Своей красой пленявшая поэта.
А сын и дочь его вдали от света
Здесь дом и утешенье обрели.

А сколько близких Пушкину имён
С Тамбовским краем летопись связала!
В граните навсегда запечатлён,
Державин строго смотрит с пьедестала.

Он эту землю искренне любил,
Поэт и губернатор, просветитель
И Пушкина прославленный учитель,
Что, «в гроб сходя», его благословил.

Здесь начали и жить, и сочинять
Друзья по музам – пламенный Верстовский
И Баратынский... Значит, край Тамбовский
По праву стоит «пушкинским» считать.

И не случайно восемьдесят лет
По воле сердца, разума и века
Зовётся Пушкинской библиотека
И в ней – скульптурный гения портрет.

И здесь веками бережно хранят
Коллекцию большой «Пушкинианы»,
И радуется гостей желанных взгляд
«Цыган», «Бахчисарайского фонтана»,

«Онегина» родная старина...
«Здесь русский дух», и книги здесь живые,
Как будто дорогие имена
Татьяны, и Земфиры, и Марии.

Мы с Пушкиным встречаем каждый год
Июньским утром день его рожденья.
И верим: солнце над землёй взойдёт
Поэзии, любви и просвещения.

И если не сияющей звездой,
То скромною и чистою лампадой
Для тех, кто трудной пушкинской тропой
Идёт к добру походкою крылатой. А

Великий эксперимент, Илья Глазунов, 1990 г.

Юрий ПОЛЯКОВ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

НАКАЗАННЫЙ НАРОД

Итак, читатель, продолжим наши рассуждения о том, почему в России неловко быть русским. Тут нам не обойтись без экскурсов в историю – сначала в послереволюционную, а потом доберёмся и до царских времён. После Октября победители взяли в межнациональной политике курс на «коренизацию». Напомню, суть её заключалась в том, чтобы каждый из больших и малых этносов бывшей империи обрёл все признаки развитого народа. Задача, что и говорить, достойная! У царей на первом месте стояли конфессиональные различия, православная церковь имела приоритет не только перед иноверцами, но и перед староверами, а их, если взять все согласия, насчитывалось, по новым исследованиям, до четверти всего русского населения. Отношения имперского центра с национальными областями определялись в основном исторической традицией. Было Великое княжество Финляндское, были протектораты вроде Бухарского эмирата, были Тифлисская и Эриванская губернии, но большинство небольших народов расточились по российским уездам.

Победившие большевики подошли к делу системно. Бесписьменные племена получили алфавиты, срочно обучались коренные кадры управления, культуры, науки, образования. Крупные и средние по численности народы обрели (большинство впервые) свою государственность – союзную или автономную. Кстати, сразу появилась ревность: почему одним даровано «самоопределение вплоть до отделения», а другим нет? Сначала даже на уровне деревень и аулов старались соблюдать принципы национального самоопределения, начались конфликты на окраинах. Народы получали новые имена, восходящие к их самоназваниям и более соответствующие традициям. Обидно же слыть самоедом лишь потому, что тебя так назвал острый на словцо русский землепроходец, шедший «встречь солнцу». Теперь мало кто помнит, что до революции казахов называли киргизами, азербайджанцев – татарами, а марийцев – черемисами.

А вот для самого многочисленного этноса империи, народа-богоносца, наступило

тяжёлое время: кому коренизация, а кому искоренение! Если брать такие крайности, как рассказывание. Упразднили привычное при царе-батюшке имя «великороссы»: намекало на былую великодержавность. Великороссов, ставших русскими («малороссов» и «белорусов» вычленили в отдельные этносы), объявили сатрапами царизма, социальной базой для реставрации, черносотенной массой и привилегированными надзирателями в разрушенной «тюрьме народов». Бухарин в 1923 году на XII съезде партии говорил, что русский народ «должен купить себе доверие прежде угнетённых наций». Как? «Побыть в более низком положении по сравнению с другими нациями». О каких прежних привилегиях велась речь, трудно понять, ведь налоговая, воинская и прочие повинности лежали и на русских, точнее, на православных. Скажу больше, податей «угнетаемые» инородцы платили почти вдвое меньше, чем «привилегированные тюремщики». А когда дехкан попытались послать на германскую войну, началось мощное Среднеазиатское восстание 1916 года.

Но такова была изначальная теоретическая установка, Ленин ещё в знаменитой статье «О национальной гордости великороссов» писал в 1914 году: «Экономическое процветание и развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами». Впрочем, вождь видел в русских и много положительных черт: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами». Надо заметить, что еврейских погромов на землях Великороссии не было, но у политической публицистики свои законы.

Конспектируя эту статью в школе и плохо зная родную историю, я всерьёз воспринимал пафос Ленина и чувствовал вину перед некоторыми своими одноклассниками. Впрочем, мы, советские школьники, почти не придавали

значения графе «национальность», имевшейся в школьном журнале. Но, видимо, вот на таких совестливых невежд и была рассчитана статья. Кстати, в такой же стилистике и с теми же передёргиваниями писалась много позже перестроечная публицистика, только вместо «шайки Романовых», попов и капиталистов в инвективах фигурировали Политбюро, номенклатура, коммунисты, чью безбожную власть тупо поддерживал «народ-рогоносец». Не верите? Возьмите номера «Огонька», авторы которого тоже учились в советской школе и конспектировали Ленина. Впрочем, имелись и отличия: любимое клеймо начала XX века «черносотенцы» заменили на другое – «патриоты», контрреволюционеров стали именовать «красно-коричневыми».

А вот статью Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913) мы ни в школе, ни в институте не изучали. Зря. Этот партийный текст гораздо взвешенней и объективней. Есть там строки, которые сегодня «нормандская четвёрка» могла бы включить в рекомендации для урегулирования конфликта на Донбассе: «Никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезать ее права...» Конечно, это лишь теория, но всё-таки... Особенно беспокоила будущего «кремлёвского горца» проблема «вовлечения запоздалых наций и национальностей в общее русло высшей культуры...» Парадокс советской эпохи заключался в том, что тянуть к высшей культуре «запоздалые» народы пришлось «наказанной» нации – русским. В результате в Наркомате национальностей, который возглавил Сталин, не оказалось даже русского подотдела, хотя остальные народы былой империи были так или иначе представлены. Интересно, а сегодня в Агентстве по делам национальностей, которое возглавляет И. Баринев, есть русский подотдел?

Зато на Украине коренизация приняла такой размах, что в конце 20-х годов там запрещалось в учреждениях и даже на улице говорить по-русски. Вам это ничего не напоминает? Кончилось тем, что шахтёры Донбас-

са написали в ЦК: мол, в их русскоговорящем крае, недавно и директивно присоединённом к УССР, газеты выходят только на «мове» – читать нечего. Центр возмутился, нет, не ущемлением прав русских, а тем, что установочная политическая информация не доходит до трудовых масс. В Москве озаботились, сбавили обороты, поснимав с постов наиболее ретивых украинизаторов. Но процесс уже пошёл, и не только на Украине. В 1991 году СССР был разорван детьми и внуками той самой коренизации. Да, она была задумана и начата из благих побуждений, но проводилась в жёстком сочетании с умалением русских, с превращением их как бы в «этнический» эфир, заполняющий пустоты между иными племенами. Именно это сочетание и запустило механизм разрушения СССР, а возможно, и Российской Федерации.

Кстати, булгаковские «Дни Турбиных» из репертуара Художественного театра были сняты по требованию украинских «письменников», встретившихся с руководством страны. За что? А вы перечитайте пьесу, особенно эпизод, где показаны петлюровские бесчинства. Да разве ж можно так о народе, вырвавшемся из-под великодержавной пяты? В свежих республиках срочно писалась новая героическая, духоподъёмная история, где предательство, скажем, Мазепы, трактовалась как тираноборческий акт. В то же самое время школа Покровского спешно переписывала русскую историю, показывая её как пору невыносимого гнёта, низкого холопства, позорных поражений и жестоких бесчинств. «Россеюшка-Русь – распроклятое слово...» – вторил ему поэт Безыменский. Оппоненты Покровского, такие как Тарле, Платонов и другие, были по делу «русских историков» изгнаны из науки, посажены в тюрьму или сосланы. Именно в ту пору пострадал молодой учёный, а впоследствии «совесть русской интеллигенции» Дмитрий Лихачёв.

Зато один из столпов украинского национализма, первый председатель Рады (1918), историк Михаил Грушевский, вернулся в 1924 году из эмиграции в Киев, где шла такая украинизация, о какой он и не мечтал. Став академиком, Грушевский умер в 1934 году в санатории в Кисловодске. Памятник ему

стоит в Киеве. Для сравнения: именно в 1924 году были арестованы и разгромлены члены кружка поэта Алексея Ганина, обвинённые в «русском фашизме». Представить себе, чтобы кто-то из лидеров дореволюционного русского самосознания вписался в советскую общественную жизнь, просто невозможно. Михаила Меншикова расстреляли на берегу Валдая на глазах у детей в 1918 году, Гумилёва чуть позже поставили к стенке по делу Таганцева, а уцелевших сплывили на «философском пароходе». Дела давно минувших дней? Как сказать... Вы видели в Москве хоть один памятник хоть одному славянофилу? Я тоже не видел.

Чего в политике коренизации было больше – благородного стремления дать шанс на самоопределение и развитие каждому народу или же тактического лукавства? Политики, взявшие власть в 1917 году, понимали: надо лаской и льготами удержать народы бывшей империи в составе единого государства до начала мировой революции, а попутно окоротить недавнюю опору трона – русских, у которых имелся, если хотите, особый, в чём-то мистический «завет» с государством, пронесённый сквозь тысячелетие. Носители традиционной государственности, они были угрозой Земшарной республике. Наши предки рано поняли: на бескрайней равнине, будучи окружёнными агрессивными соседями, можно сохраниться только в жёстких обручах державы – «наряд», по летописному слову, которое понималось гораздо шире, чем «порядок». Призвание на княжение Рюрика (возможно, балтийского славянина) объясняется именно этими обстоятельствами. Соседская община восточных славян, построенная на сотрудничестве и соратничестве, не давала той замкнутой сплочённости, какую сообщает кровнородственное сплочение у тех же германцев. Те, кто бывал на свадьбах или похоронах русских москвичей и московских, к примеру, грузин, понимает, о чём я говорю. Именно в силу своей открытости соседям русские создали огромное многоплеменное государство, но по той же причине, оставшись без «наряда», они расточаются и ассимилируются. Вы когда-нибудь видели горца в косоворотке, даже если он торгует в Рязани

матрёшками? А вот русские на Кавказе вскоре надели бурки, папахи да черкески с газырями. Частный случай? Да как сказать...

Думаю, лукавства в коренизации было всё-таки больше, нежели искренней заботы о самоопределении. Во-первых, марксисты не сомневались, что народы скоро сольются в единый земшарный трудовой коллектив, и Маяковский горланил про это совершенно искренне. Во-вторых, сам СССР был задуман как открытая конфедерация, куда по мере побед пролетариата должны вступить Германия, Англия, Франция и далее по глобусу. Именно поэтому, как весело указывал Карл Радек, в названии новой страны и отсутствует имя «Россия». Согласитесь, продвинутому западному пролетариату присоединяться к отсталому российскому как-то неловко.

Но мегапроекты интернационалистов, сформировавшихся в эмиграции, – это одно, а планы местных национальных лидеров – совсем другое. В правящем слое СССР оказалось немало тех, кто «коренизацию» воспринял как сигнал к легальному национализму, прикрытому антиколониальной риторикой. В съездовских дебатах они постоянно пугали товарищей призраком «великодержавного шовинизма», возражая Сталину, внедрявшему идею унитарного государства с широкой национально-культурной автономией. В итоге теснимый и справа, и слева, он уступил тандему Ленина – Троцкого, которые настаивали на конфедерации – СССР. Впоследствии Сталин назвал «национальное самоопределение вплоть до отделения» игрой, которую некоторые товарищи восприняли слишком всерьёз, а зря. Но одежда приросла к телу, и стало ясно: от этой игры отказаться уже нельзя, как нельзя отказаться от фундамента, дойдя до стропил. Конституционную вертикаль заменили партийные и силовые структуры, а также жёсткое отраслевое планирование экономики, они-то и сделали союзное по конституции государство унитарным по факту. А с товарищами, всерьёз увлечёнными самоопределением, вплоть до отделения, безжалостно разобрались. На местах сегодня помнят в основном эти горькие плоды, почти забыв о плюсах коренизации.

К середине 20-х годов стало понятно, что мировой революции не предвидится, а Германия вряд ли станет республикой СССР. Да и коренизация всё чаще стала приводить к местному национализму. Стали искать противовес – и нашли в лице русских. Вот тогда-то наказанный народ и уравнивали в правах с остальными этносами СССР, даже со временем называли «старшим братом». Случилось это, когда «потянуло порохом со всех границ». И Александр Невский с киноэкрана крикнул в зал, обнажая меч: «За Русь!» Ещё несколько лет назад это было невозможно. Помню, в перестройку один из «прорабов» жаловался в эфире, что в детстве, играя с мальчишками «в Невского», он стеснялся вслед за ними кричать «За Русь!», так как сильно картавил. Вывод: подобный клич бросать в многонациональной стране не деликатно. Но мне кажется, тут проще обратиться к логопеду, нежели предлагать большому народу отказаться от своей истории.

Кстати, фашисты очень рассчитывали на обиды и мстительность русских, которые в случае нашествия поквитаются с обидчиками – «жидами и коммунистами». Ошиблись. Русские своему государству, как и богу, прощают всё, кроме улыбочивого бессилия. В начале 1930-х годов был отменён институт лишенцев, касавшийся в основном русской дореволюционной элиты. Детям «бывших» разрешили поступать в высшие учебные заведения. Но преемственность была нарушена, выпало целое поколение, и русские кланы, наподобие Михалковых, в науке, культуре, политике теперь скорее исключение, чем правило. Если же сюда добавить погибших в Гражданской войне, бежавших из революционной страны и сгинувших в лагерях, то размах утрат ошеломляет! Конечно, революция подняла огромные пласты народных талантов, отчасти возместив эти утраты, но тех, кого можно назвать носителями естественной, а не ленинской гордости великороссов, проредили основательно. Многие, наученные горьким опытом репрессий, предпочитали быть русскими по умолчанию. Тем более что словосочетание «советский человек» тоже звучало гордо...

Продолжение следует

Олег СЕЛЕДЦОВ

Адыгея (Северный Кавказ). Родился в г. Бодайбо Иркутской области (1967 г.), член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года. Лауреат Всероссийского конкурса современной прозы имени Ивана Шмелёва. Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «На семи холмах». Публикации в журналах: «Москва», «Наши Современники», «Дружба народов», «Молодая гвардия», и др., участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор восьми поэтических сборников и восьми книг прозы. В 2005 году еженедельником «Литературная Россия» включён в число 50 ведущих писателей Южного федерального округа. Включён в список лучших русских писателей XXI века на сайте «Российский писатель». Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского 3-й степени и медалью Сергия Радонежского 1-й степени.

СЕРГИЙ

Отче, благослови
На роковую битву!
В дивной своей молитве
Силу свою яви.
Стонет в крови земля.
Ты уже знаешь, отче,
Дни поклонились ночи,
Горе крушит меня.
Время за Русь стоять.
Меч мой трепещет в ножнах.
Против татар безбожных
Благослови на рать.
Молвил в ответ чернец:
«В Боге надежда, княже,
Встань против силы вражьей,
Славы прими венец. –
И, проводив коня,
Вслед ему молвил тише: –
Княже, ты победиши
Люты враги твоя».
Годы умчались прочь.
В бездну летят столетья.
Снова ласкает плетью
Русскую душу ночь.
Сердце горит в крови.
Вынем мечи из ножен.
Сгинь, суeta безбожья!
Отче, благослови!

СЕРГИЙ КРИЧИТ ВО ЧРЕВЕ МАТЕРИ

Страхом объята Мария,
Чутко трепещет душа.
Средь торжества литургии
Крик прозвучал малыша.
Люди глядят друг на друга,
Нету на службе детей.
Старый священник в испуге
Стал на колени пред ней.
Кто он, младенец безвестный,
Веры невидимый щит,
Что с Херувимскою песней
К небу молитву кричит?
Что в тишине повторяет
Криком чудесным своим
Тайну спасения, рая –
Возглас: «Святая Святим!»?
В страхе священник. Он болен?
Но прозревает душой:
Вот Куликовское поле,
Лаврский трезвон золотой.
Будут народы, как дети,
Голосу старца внимать,
Что до рожденья отметил
Криком Господь через мать.

СВЯТОСЛАВ

Бескрайнею лавиной мчатся кони,
Копытом разрывают грудь полей.
И степь гудит от страха и агоний.
Эй, русич, стрел нещадных не жалеи!

Я песнею побед наполню дали,
Вином кровавым заглушая грусть.
Я – новый властелин. А вы не ждали?
Так знайте, степи, что такое Русь.

Мой след в степи укутали пожары.
Мой сон исполнен ветра и травы.
Но, вятичи, касоги и хазары,
Вам поздно спать. Пора. Иду на вы...

СВЯТОСЛАВ ВОЮЕТ С ГРЕКАМИ

Ах, как хитры и как коварны греки.
Им нет числа. Их не ухватит глаз.
В один поток сливаются, как реки.
Победа будет лёгкой в этот раз.

В испуге и смятении дружина.
Деваться некуда, но князь сказал: «Не трус!»
Нам лечь костями сегодня есть причина.
Не посрамим же, друже, нашу Русь!

Кто пал в бою, не ведает позора.
А кто бежал, тот падаль среди трав.
Я всё сказал». И загорелись взоры:
«Падём с тобой. Веди нас, Святослав».

ОЛЬГА

Слова её ночь тревожат,
Торопят слёзы зарю:
О Господи, правый Боже!
Услышь молитву мою.

Доколе народ в неволе
Томиться будет грехом?
Да будет Божия воля!
Да будет она во всём.

Я знаю, Всевышний может
Избавить мой род от бед.
Он в сердце народу вложит
Евангельский дивный Свет.

Свет вечного воскресения
Нам будет светить во тьме.
Являя Руси спасение,
Что даровал он и мне.

Услышь меня, Боже правый!
В сём царстве, где по утрам
Рождается златоглавый
В заоблачных высях храм.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Гудит набат над Новгородом.
Пришла беда на землю русскую.
Ползёт из Рима вера чуждая
Огнём нещадным и крестом.

Но стар и млад – седые бороды,
Юнцы невинные, безусые –
На рать идут рядами дружными
Со словом Божьим, со Христом.

Гудит набат, и распри прежние
Оставим до поры до времени,
Веди нас, княже, души вольные
Мы в руке отдаём тебе.

Пришли незвано гости грешные –
Сыны чужого роду-племени,
Смешали с кровью росы дольные,
Спасти неверных дав обет.

Князь Александр кудри русые
Под шолом спрятал. Молвил коротко:
«Красны от крови реки быстрые,
Земля христианская в крови.

За веру станем, друже, русскую,
Прогоним прочь тевтона-ворога.
Не в силе Бог, а в правде. Выстоим.
Помилуй и благослови».

ПЕРЕСВЕТ

Полыхают кровавые зори.
Церкви Божии стонут в огне.
И безмерное горюшко-горе
Расплясалось на чёрном коне.

В поле русском татарин глумится,
Вдовьи слёзы ему нипочём.
А по небу, оскалившись, мчится
Рыжий всадник с кровавым мечом.

Рыжий всадник глумится без меры,
Собирая народы на рать.
Только с нами Отцовская вера
И Пречистая Божия Мать.

Вдоволь выплавав скорби росистой,
Вдоволь вымочив поле в крови.
Отче Сергей, игумен российский,
Войско русское благослови!

На подрясник надета кольчуга,
А скуфейкою будет шелом.
Если жизнь положили за друга,
То не смерть – благодать обретём.

Долго рыжий глумился над нами.
Правда вызрела в честном бою.
Мы стеной белокаменной стали,
В землю прочно врастаем свою.

Блеск зари на кольчуге прекрасен.
Гром победы над Доном гремит.
Дух монашеский, Господи Спасе!
В руце святые, Боже, прими...

Молча витязи лестницей узкой
В высь уходят за Божьим перстом.
А в траве удивительной русской
Ратный меч обернулся крестом.

ВЛАДИМИР ВЫБИРАЕТ ВЕРУ

Владимир ждёт. Секундам чутко внимлет.
Хранит светильник времени нагар.
Давно послы ушли в чужие земли
Евреев, немцев, греков и болгар.

Владимир ждёт. Они вот-вот вернуться.
И что тогда? Какая правда в том,
Когда их судьбы вдруг перевернутся?
Ведь русский князь мечтает об одном:

Чтоб небеса всё так же были сини,
Чтоб так же храбр и верен был народ...
Земля отцов и новая Россия
В его руках сейчас. Владимир ждёт.

КНЯЗЬ ВАСИЛЬКО

Русь любила тебя за неделанье зла
И за душу привольную, щедрую.
Но сегодня беда. Нож прошёл по глазам
Бурей жадною, зависти ветрами.

Плачет в поле ковыль. Плачет щедрая сныть.
Горем скованы крылья у горлицы.
А вчера ты один обещал победить
И болгар, и поляков, и половцев.

Чуть живого его во Владимир везут,
Но на долю-злодейку не ропщет он.
Он себе воздаёт покаяния суд.
Молит Бога простить заговорщиков:

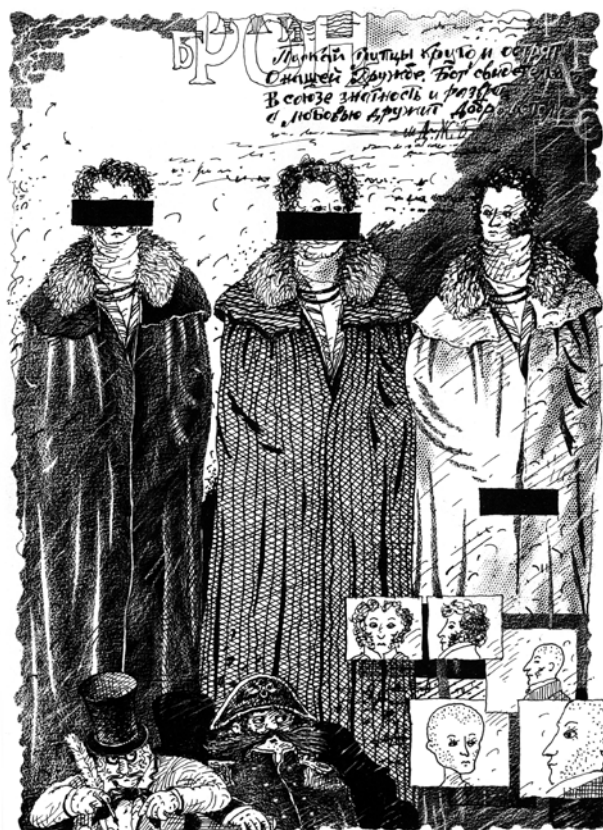
«За бахвальство своё и за дерзость свою
Заплатил я по чести, недорого.
Только братьев подвёл, ведь в кровавом бою
Я не выйду на лютого врага.

Боже, Боже! По праву низринут я ниц.
Так прости же меня, окаянного».
И катилась из княжеских мёртвых глазниц
Алой кровью слеза покаянная.

Хоронись же, вражда, умягчайтесь, сердца.
Это правда. Так было. Дивитесь.
Русь доныне теплом вспоминает слепца,
Простодушного русского витязя. ■■

Лист 1. Антитеза.

Лист 2. Состояние.

«ЛИТЕРАТУШКИ, ИЛИ ЛЁГКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ С НАМЁКОМ НА БУДУЩЕЕ»

В серии графических листов «Литератушки, или Лёгкое путешествие в прошлое с намёком на будущее» Сергей Айнутдинов с неистощимой творческой фантазией подбирает своеобразные пластические ключи, созвучные контексту современности, трансформируя образы классической художественной культуры, особенно литературы, в широкое поле аллюзий и ассоциаций. Редкая техника шелкографии, с её возможностями передавать через контрасты и напряжённую линию динамику и нерв, позволяет воплотить сложный содержательный ряд в изысканную гра-

фику. Оформляя названия графических произведений в виде акrostиха (первые буквы выстраиваются в имя поэта – А. С. Пушкин), наполняя пространство каждого листа цитатами из знаковых для мировой литературы авторов или иными отсылками на мир словесности, художник даёт возможность воспринимать визуальные ряды многомерно-сложно, запуская внутренний интеллектуально-эмоциональный процесс зрителя-читателя. Цитаты задают пространственно-временные ориентиры и утверждают камертоны отечественной литературы, развивающейся в русле

мировой, – от канонических текстов римского поэта Горация к романтику Байрону, от золотого века Пушкина до серебряного – Цветаевой. Каждый из них также является символом служения искусству, противостояния высоко-го идеала одинокого творца приземлённой реальности масс.

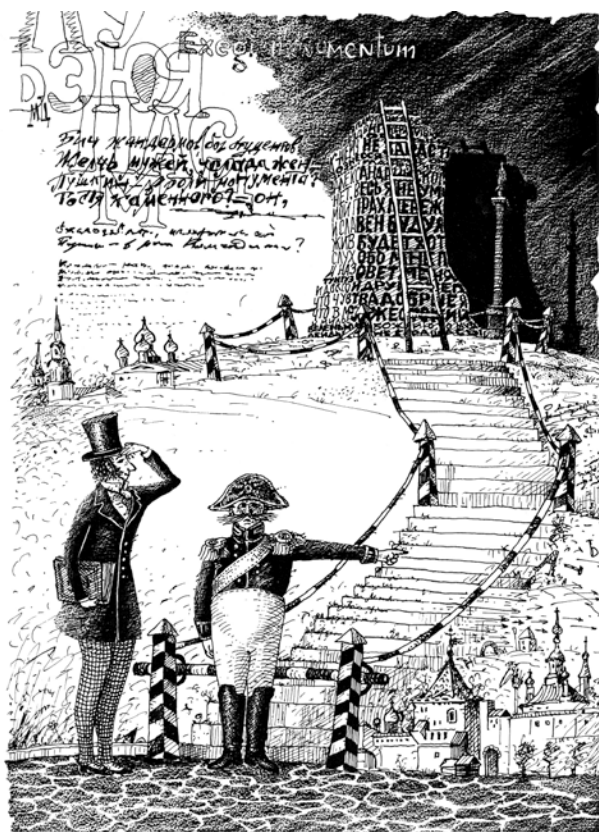
- Антитеза. Лист 1.
- Состояние. Лист 2.
- Процедура. Лист 3.
- Уведомление. Лист 4.
- Школяры. Лист 5.
- Клеветник. Лист 6.
- Изысканность. Лист 7.
- Насыщение. Лист 8.

Вся серия строится вокруг фигуры А.С. Пушкина – собирательного образа художника, с одной стороны, совершенно свободного, отрешённого от мира обыденности, созидательной энергией уподобляемого высшему демиургу, но остающегося при этом живым человеком в конкретном культурно-историческом пространстве. Как совместить в себе высшее, предельное начало и сугубо человеческое, соединить возвышенный идеал с земными привязанностями и страстями – об этом и о многом другом серия шелкографий «Литератушки, или Лёгкое путешествие в прошлое с намёком на будущее». Мягкая ироничность, тонкий юмор, парадоксальность мышления, яркая образность, насыщенность графических листов метафорами, аллюзиями, аллегориями, многомерность ассоциативных полей не дают однозначных ответов на череду возникающих у зрителей вопросов, и каждый лист кажется бесконечным, рождая разные прочтения, не исчерпывая их.

С. Айнутдинов также поднимает всегда актуальные вопросы непростых взаимодействий общества и художника, государства и человека, соотношения цензуры и творческой свободы, выражая эти проблемы средствами графического языка, способного втянуть зрителя в литературно-изобразительную, иногда почти кинематографическую по своим динамическим свойствам стихию.

Лист 3. Процедура

Лист 4. Уведомление

ХУДОЖНИК СЕРГЕЙ АЙНУТДИНОВ

Родился в 1953 году в Москве. Окончил ВКСР, ГОСКИНО СССР (мастерская Э. В. Назарова, Ю.Б. Норштейна). Работал на киностудии «Союзмультфильм», на Свердловской киностудии в качестве сценариста, режиссёра, художника-постановщика и аниматора, поставил более 20 анимационных фильмов. С 2008 года – председатель правления Свердловского регионального отделения ВТОО «Союз художников России». Заслуженный художник РФ.

В «Антитезе», где обыгрываются строки стихотворения «Моя родословная», одновременно разворачивается сразу несколько сюжетов – и о рукоплещущей сегодня и завтра забывающей художника толпе, и об универсальной русскости, «нашестьи» самого Пушкина, этническая принадлежность которого столь же неоднозначна, как и у большинства русских, и о двойственной природе каждого человека. Особая динамика и напряжённость звучания здесь достигается за счёт причудливого сочетания разных ракурсов, активного столкновения массивных пятен фигур и линейной вязи букв, сложной ритмики, ярко выраженных контрастов света и тени, чёрного и белого. «Состояние» – это непереводаемая в словесную стихию игра со смыслами: от перекрывания основных каналов связи Творца и человека с миром до метафизического присутствия тотального контроля со стороны власти... «Уведомление» обыгрывает Ехегі monumentum Горация и «Стихи к Пушкину» Марины Цветаевой, где поднимается вопрос вечной жизни автора в его творениях.

Мотив бесконечных ступеней и лестниц как метафора трудности и незавершённости творческого развития, стоящий перед шлагбаумом жандарм вызывают осознание необходимости усилий для достижения уровня творца столь великого, чтобы он стал «монументом», а кусты чертополоха на переднем плане напоминают о тернистости пути к признанию. «Школяры» – вольная фантазия на темы гения и посредственности (цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина), свободного творца и эпигонов, подлинного созидания и конъюнктуры, выраженная спиральной композицией, дающей симультанный эффект кинематографического кадрирования на неподвижной плоскости листа. «Клеветник» – здесь противостояние творца и массы сфокусировано в строках стихотворения Пушкина «Поэт и толпа». Обыватели, духовная чернь, «черви земли», живут приземлёнными интересами (им «печной горшок... дороже»), а художник, человек с аномально чуткой к высшим вибрациям душой, в толпе неизбежно одинок; невосприимчивость людской массы к предельной концентрации бытия творца – это знак её убогости и ущербности. Спиральное движение лестницы вновь напоминает о преодолении инертности. В «Изысканности» Пушкин летит на коньках, вспарывая время и пространство, в состоянии свободного творческого парения, он предстаёт вольно созидующим демиургом, устремлённым в абсолютную неизведанность, туда, где ещё предстоит рождать новый космос. По его следам – развевающийся шлейф этого мира, выраженный пластически в калейдоскопе образов, неразгаданных ребусов и вопросов.

Удивительная динамика и напряжённое звучание листов достигается за счёт причудливого сочетания разных ракурсов, активных ритмов, живописности выразительных линий, градаций света и тени. Перед зрителем серия «Литератушки, или Лёгкое путешествие в прошлое с намёком на будущее» предстаёт как изящно-свободные, естественно-ироничные литературно-художественные импровизации, рождающие многомерные и многозначные отзвуки.

Галина ШАРКО

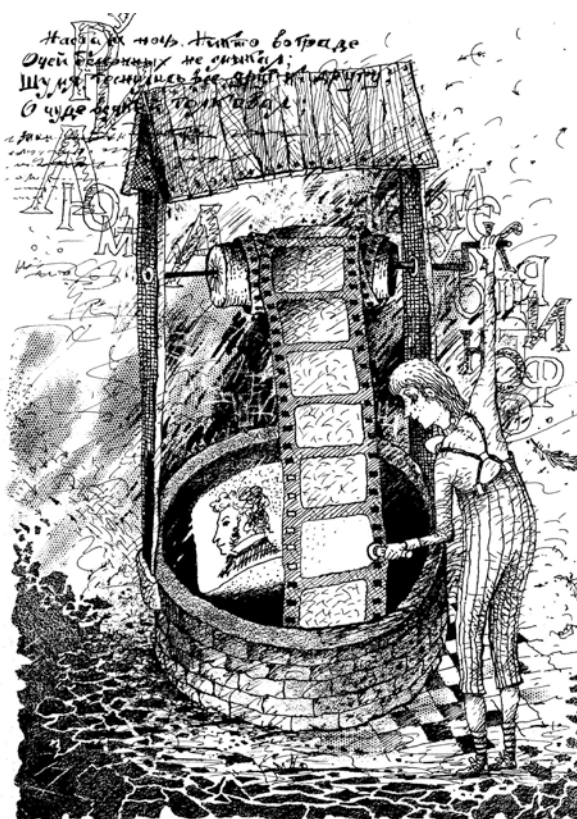
Лист 5. Школяры

Лист 6. Клеветник

Лист 7. Изысканность

Лист 8. Насыщение

Александр КЕРДАН

Екатеринбург

Город, расколотый напополам,
Словно само мирозданье.
Каменный Малышев смотрит на храм,
Будто бы в знак покаянья.

В бронзе Свердлов изогнулся дугой –
Тоже, видать, виноватый
В том, что отправил царя на убой
Вместе с семьёю когда-то.

Вечным пятном, что не смыть никогда –
Как ни старайся отмыться! –
К ратушной башне прибита звезда
Города-цареубийцы.

Званье, подобное имярек,
Как пресловутый Иуда...
Помниться будет такое вовек,
Да и... что Ельцин – отсюда.

* * *

Город. Платформа. Дорога –
Вся из ухабов и ям.
Некто прохожий, немного
В профиль похожий на Бога,
Крошит батон голубям.

Мир поглощён суетою
В пору, когда подают...
Птицы с ухваткой лихою
Крохи, что доброй рукою
Брошены, жадно клюют.

Ссорятся. Лезут из кожи –
Хочется больше урвать...
И сердобольный прохожий,
Как ни старайся, не может
Поровну каждому дать.

Хоть и равны перед Богом
Все, кто бескрыл и крылат,
Но не в земном, а в высоком!
...Всё остальное – дорога,
Где только крохи лежат.

ЦАРСКАЯ ФАМИЛИЯ

Будничная повесть

*Василию Ивановичу
и Зинаиде Петровне посвящаю*

1

В краю вечнозелёных помидоров,
Дитя казённых длинных коридоров,
Я вырастал из френча своего,
До времени не ведая, в кого.
Мой рост под микроскопом изучая,
Бог, головой обкурённой качая,
Меня хранил, пока я молод был,
И не пустил нечаянно в распыл.
Знать, для иного приберёт сюжета,
Благословив на крестный путь поэта.
Была ко лбу на долгие года
Пришпилена Антихриста звезда,
И всё ж в душе моей, как вера в чудо,
Жила надежда в то, что всходы будут...
Я, так случилось, медленно взрослел
И, постигая бытия законы,
В науках разных много преуспел,
Набором догм на целый век подкован.
Но бабушкин хранился образок
В моём кармане рядом с партбилетом.
И по ночам ко мне являлся Бог –
К нему я обращался за советом.
Когда вдруг сердцу становилось тесно
От всех моих сомнений и тревог,
В казарме сонной, там, где потолок,
Сиял лучами нимб его чудесный...
Не знаю, он помог иль не помог,
Но голоса не слышал я другого,
Влача вериги тяжкие дорог,
В конце которых всё равно Голгофа.
А где-то посредине – Божий храм,
Привал, где мне обещано спасенье...

Я этот день запомнил – воскресенье,
Когда я в тридцать шесть крестился там.
Вот тут и зарождается сюжет...
Со мной крестилась дядина супруга.
Меж нами – где-то двадцать с лишним лет,
Но очень уважали мы друг друга.
О родственнике – ниже, а пока

О тётушке...

Она – из молокан,
Из тех, кто со Всевышним напрямик
Общается, но на Христовый лик
Не крестится и не кладёт поклоны,
Уверенный, и, может быть, резонно,
Что вера – это вовсе не иконы...

А дядя мой – полковник-отставник.
Директор оборонного завода.
Безбожник, матерщинник, озорник,
Ну, в общем, квинтэссенция народа
Советского... И тётя потому
Не то чтобы перечила ему,
Но потихоньку к Богу приближалась,
К советскому испытывая жалость...
И вот, когда полвека за спиной,
От молоканства дабы отрешиться,
Она в воскресный день пошла со мной
В московский храм окраинный креститься.
Родню пора представить... Дядя мой –
Чапая тёзка и, как он, герой!
А тётю звал я просто «тётей Зиной».
И, коль мы вместе приняли крестины,
Считал своею крёстной сестрой.
Она в повествование – персонаж,
Поскольку с ней вдвоём виток сюжета
Распутывать крещёному поэту,
Коим является слуга покорный ваш.

2

Покорный... Тут я, право, перегнул –
С покорностью всегда дружил не очень,
За что и схлопотать не преминул
От девушек десятка два пощёчин.
И от начальства – грамот, в полный рост...
И на погоны – много разных звёзд.
Вот только на последней оступился...
Служить бы рад, но тут земляк явился
И президентством всё перевернул,
И зашатался мой казённый стул...

Я дядиной стезёй шагал упрямо,
Хоть – озорник (куда мне до него!)...
Но слово «честь», оно почти как мама.
И офицер почти как сын его.
За то мы с дядей тосты поднимали,

Когда крестины наши обмывали.
Был дядя пьян, и я навеселе –
Подыгрывал ему на балалайке,
А тётя Зина, славная хозяйка,
Закуски обновляла на столе.

У нас в России отыскать бы повод,
А дальше – лишь в стаканы наливай...
За Родину! За Рождество Христово!
За армию!.. А ну-ка, запевай!

ДЯДИНА ПЕСНЯ

Слыла непобедимой,
Считалась легендарной
По молодости лет и в зрелые года...
Мой дом – не хата с краю –
Курсантская казарма.
Хэбэ – моя одежда.
Щи с кашею – еда.
Суворовская школа –
По жизни – альма-матер.
Отцовские советы – наряды старшины.
Мужская грубоватость
С изрядной долей мата,
С которым, между прочим,
наряды не страшны.

Ах, как судьбой гордился!
Ведь было чем гордиться...
Погоны и петлицы,
На брюках – алый кант...
Служил, как нас учили,
Не знал, что так случится:
И на родной земле
Ты словно оккупант...
Цивильные наряды предпочитаешь форме.
Слова своей присяги не смеешь повторить...
Бесправьем и хулою Отечество нас кормит,
Чтоб армию чужую когда-нибудь кормить.
Что ж, жизнь необратима...
Пусть даже небездарна.
Нам не бежать из Крыма, ведь он –
уже не наш...

Слыла непобедимой,
Считалась легендарной.
Та, что теперь, похоже,
Не перейдёт Сиваш...
.....

Допелся дядя – вырос в аналитика!
 Бай-бай пора, коль в песне всё – политика!
 Я лично в эти игры не игрок,
 Хоть партбилет на площади не сжѐг,
 И в том, чем жил при нём, ничуть не каюсь.
 Но и в карман, туда, где образок,
 Вернуть его навеки зарекаюсь.
 Тут, дядя, призывай не призывай,
 Я водку стал предпочитать кагору...
 Чтоб не глотать напитки без разбору,
 Мне красного, прошу, не наливай!

3

Когда крестины наши мы обмыли,
 Закончив миром праздничный обед,
 И дядю до дивана проводили,
 Где он уснул спокойно, как дитя,
 То о событиях всех прошедших лет,
 Полковника на сон перекрестя,
 До полуночи с тётей говорили.

О маме самый главный разговор.
 Ей с детства предначертаны страданья,
 Поскольку имя выпало Христа...
 И до сих пор – истории укор –
 Отечеству не будет оправданья
 За ссыльные сибирские места,
 Что проредили мамину родню.
 За церкви, обезглавленные лихо.
 За то, что все – от мала до велика –
 Мы медленно идѐм ко дну, ко дну.

Досталась маме горькая судьбина...
 Одно спасибо, что не умерла...
 А то – меня бы не было в помине.
 Но мама, как положено Христине,
 По-христиански не приемлет зла.
 Его не помнит... Но беседы с нею
 В моей душе пустили корешки.
 История рождает эпопеи,
 А состраданье, может быть, стихи.
 Так боль, переплавляясь, станет светом,
 А мальчик-безотцовщина – поэтом...
 Но речь ведѐм сейчас не обо мне,
 А о моей бесчисленной родне.

И то сказать, по свету нас немало...
 Одно зерно в Америку упало,
 И там, в троюродных, есть даже негр...
 Сестрица с Украины учудила,
 Взяла и мексиканца полюбила –
 Теперь у них – известный инженер.
 Ещё одна – так та за итальянцем...
 Короче, все мы в чём-то иностранцы,
 В родной стране с фамилией на «ан»...
 И не понять, кто: немцы иль евреи,
 Хохлы иль белорусы?.. А точнее,
 И ту, и эту кровь в себе лелея,
 Несѐм по жизни званье россиян!
 И где бы ни мотало нас по свету,
 По предков наших памятного следу,
 Мы шар земной по кругу обойдѐм,
 К родне московской в гости попадѐм.

ИСПОВЕДЬ О ЛЮБВИ

Как Пётр отрѣкся трижды от Христа,
 Я от любви спешил отречься всеу...
 Жизнь начиная с чистого листа,
 Предательство скрывая в поцелуе.

Умеют лгать и страстные уста.
 Иудин поцелуй – один из ста!

Куда как чаще предаѐт нас слово:
 Одно из двух, оно, увы, Петрово.
 Пока ещё не прохрипел петух,
 Неискренне оно – одно из двух!
 Но до зари нам не дано иного...

Из двух одно – идѐт от сердца слово.
 И откровеньем этим дорожа,
 К любви стремится каждый миг душа
 На грани притяжения земного.

Прощая нам, обид не вороша,
 Любовь опять нам сердце открывает
 И душу добрым светом омывает,
 Которым и спасается душа.

Александр КЕРДАН

Берег отдалённый...

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА,
СВЯЗАННЫЕ С А. С. ПУШКИНЫМ

ПРОЛОГ

РУКОПИСЬ

Камин к утру вовсе остыл. В кабинете воцарились холод, полумрак.

Александр Сергеевич, поёживаясь, подошёл к окну.

Красногрудым снегирём, невесть откуда залетевшим в столицу, бился в окна дома на Мойке январский рассвет, такой неистовый и безнадежный, что больно смотреть.

Вот и святки прошли, пролетели, не принося с собой былой радости, молодого ожи-

дания чуда... Пушкин крепко потёр ладонь о ладонь, повернулся к окну спиной, окинул взором кабинет.

Книги. Письменный стол – груда рукописей.

Задержал взгляд на оплывшем огарке свечи в потемневшем шандале...

Верный Никита не решился заменить истякшую свечу.

Барин с вечеринки у австрийского посланника воротился за полночь. Прошёл прихожую, неся за собой клубы студёного пара, и – не раздеваясь – прямо в кабинет. Пущать

к себе никого не велел. Да и кто в это время зайдёт-от?..

Сам Никита сунулся было с полученными намеренными письмами, но, приметив, что хозяин, скинув медвежью шубу на кушетку, стремительно вышагивает от стола к окну и по детской своей привычке покусывает ногти на руке – верный признак дурного настроения, – положил бумаги на бюро и прикрыл дверь. Авось успокоится батюшка, отойдёт ко сну.

А Пушкин не прилёг в эту ночь.

У Фикельмонов был весел, шутил с Вяземским. С Барантом спорил о записках Талейрана. Отпустил комплимент очаровательной Долли.

Прекрасная хозяйка, добрые друзья, любопытный разговор – словом, вечер удался. Вечер, по мнению Тургенева, хоть бы в Париже!

Почему же всё не проходит тяжесть в груди и словно бесы мечутся в голове горькие думы? Может, виноват рассвет-снегирь, роняющий окровавленные перья на вытоптанный снег под окном? Или это не рассвет, а сам он чужеродной птицей бьётся в разноцветных силках условностей, долгов, семейных неурядиц? Бьётся, задыхаясь, не в силах разорвать путы. Снова, как тогда, в двадцать шестом, появилось желание бежать в глухомань.

*Давно усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...*

Туда, где ни дворцовых милостей, ни просвещённых уваровых, ни внимательных бенкендорфов, ни тупой критики, ни многолюдства! На свете счастья нет, а есть покой и воля. Да, уединение, чистый лист и перо – всё, что нужно ему, теперь особенно, когда так захватила история Петра, когда наконец получено высочайшее соизволение о допуске в архивы...

Но где эта тишина? Куда бежать? Если даже отеческое Михайловское может пойти с молотка. Если вокруг каменные громады, такие же стылые, как улыбки людей, населяющих их...

Пушкин подошёл к бюро. Из зеркала глянуло на него бледное, незнакомое лицо с заострившимися чертами. Сжатые губы, угрожающий взгляд.

«Нет, просто я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости! К чёрту хандру! Надо работать. Труд – первооснова всего, исцелит язвы души, успокоит сердце». Он протянул руку к письмам, оставленным Никитой, и широко шагнул к столу.

Народившийся день растолкал сумерки по углам кабинета – можно обойтись без свечи.

Первые два пакета Пушкин осмотрел быстро, не вскрывая. Один – от зятя и лицейского товарища Павлищева из Варшавы (наверное, опять по разделу наследства), другой – от книгопродавца и кредитора Беллизара. Заниматься денежными дрызгами не хотелось.

Взяв в руки третий пакет, Александр Сергеевич невольно насторожился – почерк незнакомый. В памяти ещё так свежи раны, нанесённые подмётными письмами, что захотелось этот серый пакет бросить в камин.

Но – внутри себя носим мы свой ад. Игра с опасностью – суть поэта. И в эти мгновенья борьбы трезвого расчёта и поэзии поэт, как всегда, одержал верх.

«Милостивый Государь Александр Сергеевич», – зачем-то вслух прочитал первые строки, написанные старательным почерком, – и вздохнул с облегчением: мерзости с таких обращений не начинаются. Но от кого это послание, что в нём?

«Один из здешних литераторов, будучи у меня на квартире, прочитал писанное мною для себя введение в историческое обозрение Российских владений в Америке и, не знаю почему одоблив его, советовал напечатать в Вашем журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись», – писал неизвестный корреспондент.

«Не привыкши к посредничеству, я решил представить Вам, Милостивый Государь, эту записку и, если Вы удостоите её прочесть и найдёте достойною поместить в Вашем журнале, тогда предоставляю её в Ваше полное распоряжение с покорнейшею просьбою поправить неисправимый слог человека, не готовившегося стать писателем и почти полудикаря...» – искренность писавшего подкупала.

Пушкин торопливо прочёл последние фразы: «Извините меня, Милостивый Государь, что

осмелился беспокоить Вас вызовом моим с предоставлением ничтожного марания.

Моё дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведениям, с которыми ознакомился, проживая в Новом Свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностью, Милостивый Государь, покорнейшим слугой,

Января 7 дня 1837 года. Кирилл Хлебников».

Фамилия ничего не говорила. Но, странно, незамысловатые строки письма разбудили память, взволновали воображение, увлекли за собой в очарованную даль, к берегу отдалённому.

Америка! Сколько с этим названием связано в его жизни!

...Лицей. Сердечный друг Федя Матюшкин, с которым вместе не раз бродили по тенистым царскосельским аллеям. Однажды забрались в неказистый шлюпочный сарай на берегу озера. Знали по рассказам товарищей, что здесь хранятся не только старые лодки, на которых катаются с кавалерами фрейлины императорского двора, но и искусно выполненная модель военного корабля «Лейпциг», пирога островитян, привезённая из кругосветного вояжа Крузенштерном.

В сарае пахло смолой, прелым деревом и морем. В щели совал нос юркий сквознячок, а мальчикам казалось, что игрушечные паруса «Лейпцига» вот-вот наполнятся настоящим ветром, и он, пробив деревянную перегородку, соскользнёт на воду. Понесёт их навстречу неизвестным странам и приключениям.

Здесь-то Фёдор и открыл другу свою мечту стать моряком.

– А осилишь? – спросил тогда Пушкин.

– Осилю!

– И вокруг света проплывёшь?

– Проплыву!

Если мечтать по-настоящему – мечты сбываются!.. По ходатайству директора лицея Энгельгардта знаменитый мореплаватель Василий Михайлович Головнин включил Матюшкина в состав экипажа своего шлюпа «Камчатка», уходящего в дальнее путешествие.

Сейчас Фёдор – на Чёрном море. Командует фрегатом.

Господи, как летят годы... Пушкин откинулся в кресле, прикрыл глаза рукою, так, словно хотел заглянуть за горизонт, туда, где будущее норовит слиться с прошлым.

Ах, молодость, младость! Какими надеждами наполняла ты паруса души, какие высокие стремленья пробуждала. Вспомнить только, о чём говорили, спорили на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, организованного великодушным Фёдором Глинкой. Собирались и в библиотеке гвардейского штаба, и в гостиной у одного из директоров Российско-Американской компании Прокофьева, в доме у Синего моста. Какой свод блистательных имён был здесь: Грибоедов, Рылеев, Дельвиг, братья Бестужевы, Кюхельбекер... Где они теперь?

Иных уж нет, а те – далече. Тень вновь набежала на лицо. Судьба представилась вдруг огромной обезьяной, которой дана полная воля, а она не ведает, что творит. Дёргает людей за верёвочки, будто кукол в шутовском балагане. Кто посадит это чудище на цепь? Нужно ли это? Люди живут лишь делая, что предназначено им.

Так, Грибоедов. Когда расставались в Петербурге перед отъездом в Персию, он был печален и имел странные предчувствия. Свидимся ли?

Свиделись... Была ещё одна встреча, последняя, на дороге в Арзрум.

Обезображенный труп Грибоедова, бывший три дня игрищем тегеранской черни, можно было узнать только по руке, некогда простреленной пистолетной пулей.

Говорят, самая смерть русского посла, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела ничего ужасного, томительного. Она была мгновенна и прекрасна. Как жизнь поэта...

Может, оттого Пушкину всё не верится, что нет больше в живых этого человека, добродушие, озлобленный ум, самые слабости и пороки которого как неизбежные спутники человечества были необыкновенно привлекательны! Или же оттого кажется немыслимой смерть Грибоедова, что осталась его комедия «Горе от ума»? Осталась и будет жить, как живёт всё

истинно талантливое, побеждая хулу, непонимание и само время.

Пушкин вдруг неожиданно широко улыбнулся, повинувшись свойственной ему смене настроений. И впрямь: трагическое и смешное – рядом! Пришла на ум характеристика, данная Грибоедовым общему их знакомцу – графу Толстому, прозванному Американцем:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был,
 вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист:
Да умный человек не может быть
 не плутом.
Когда ж о честности великой говорит,
Каким-то демоном внушаем,
Глаза в крови, лицо горит...

Что-что, а держать речь Фёдор Иванович – мастак! Говорит крупно, отчётливо, зернисто. Даже когда трунит или морочит дурака. Это свойство и привлекло когда-то к нему Пушкина.

Их познакомил много лет назад князь Вяземский. До отъезда поэта в Кишинёв они с Американцем оставались добрыми приятелями. Потом эта глупая сплетня Толстого в письме Шаховскому. Ссора на расстоянии. Эпиграммы. А по возвращении в Москву желание очиститься окончательно – стреляться!

Слава Богу, дело уладилось. Соболевский, Чаадаев помирили их. Не потому, конечно, что Пушкин испугался. Он верил в свой рок, в Провидение.

Ещё в годы службы в ведомстве графа Нессельроде баронесса Киргоф на знаменитой колоде «Тарот» нагадала юному Пушкину, что ему уготована очень долгая жизнь, если в тридцать семь лет он не будет убит на дуэли белым человеком, приехавшим на белой лошади... В канун ссоры с Толстым Александру Сергеевичу не было и тридцати. К тому же граф отнюдь не белокур, а чёрен, кучеряв, как цыган, и, самое занятное – терпеть не может белых лошадей! Значит, не в его руку вложит Судьба смертоносный ствол... Хотя Толстой – прекрасный стрелок и далеко не робкого десятка. Подозревать его в

трусости – нелепость! Весь свет знает чёрный список противников, уложенных Американцем наповал на многочисленных дуэлях.

Нет, не страх примирил их тогда, летом двадцать шестого – слишком велики были потери в кругу общих друзей и знакомых: казни, ссылки, каторга.

Глупо пополнять этот список бессмысленной жертвой!

Отношения восстановились быстро. После примирения Пушкин любил послушать побывальщины графа. А тот, словно искупая нанесённые поэту обиды, тешил его своими необыкновенными историями, софизмами и парадоксами, излучая какой-то магнетизм.

Александр Сергеевич и сейчас помнит, как, поигрывая двусторонним индейским кинжалом, Американец рассказывал ему о хвойных дебрях Аляски, о сверкающей вечным голубым льдом вершине вулкана Эчком, горячо уверяя, что лично взбирался на сию неприступную высоту. Тут же клялся образом святого Спиридона, покровителя рода Толстых, что во время странствий по Америке индейцы избрали его своим царём и никак не хотели отпустить от себя.

Пушкин, безусловно, был осведомлён о той неблагоприятной роли, которую сыграл граф Фёдор Иванович в первой кругосветной экспедиции россиян, доходили до него слухи, что Американец-де вообще в Америке не был...

И всё-таки Толстому хотелось верить. В буйных выходках графа, в полуправдоподобных его рассказах слышалась Пушкину какая-то родственная нота: удивившему развратом четыре части света человеку мерзко в душливой пустоте и немоте русской жизни, он протестует, рвётся на волю, по-своему откровенно и страстно.

Вероятно, и это обстоятельство тоже послужило их окончательному примирению, сделало его таким прочным, что именно графу поручил Александр Сергеевич самое сокровенное – сватать за него Наталью Гончарову.

Сватовство было не совсем удачно, но не по вине Толстого. И хотя напрямую Пушкину отказано не было, тоска сжала тогда его сердце своей когтистой лапой, заставила бежать из

Москвы на Кавказ, под пули горцев. Но и опасности долгого пути не остудили мечты о неповторимой Натали.

Если мечтаешь страстно – желание исполнится!

Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец, милая смиренница – она стала его женой, матерью его детей, подарила ему свою юность... А душу? – круг мыслей замкнулся, вернул Пушкина в кабинет в доме Волконской, к тем проблемам, от которых он попытался было удрать нынешним утром, вскрыв незнакомый пакет.

«Чёрт догадал меня бредить о счастье, как будто я для него создан!» – горько усмехнулся он.

Да и что такое счастье? Высшая гармония духа, озарение, ожидание милости Божьей или само течение жизни человеческой, со всем, что её наполняет, от рождения до тризны?

*День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараясь угадать.
И где мне смерть пошлёт судьбина?..*

Ему уже тридцать семь. Роковой, если верить гаданию, год. Белый человек где-то близко. Надо спешить, успеть – впереди ещё столько замыслов, столько работы! И, видно, сама фортуна посылает ему в руки рукопись путешественника, видевшего Новый Свет, переплывшего океан, который мечтал исследовать Пётр Великий.

А может быть, от рукописи об Америке протянется какая-нибудь связующая нить на Камчатку, о которой сам недавно задумал написать статью, делая выписки из книги Крашенинникова?

Так уже не раз бывало. Стоит только начать углубляться в какую-то тему, как случай-Бог тут же подбрасывает ему самые необходимые материалы, факты, характеры.

Прав, кто сказал: история принадлежит поэту!

Пушкин извлёк рукопись Хлебникова из пакета и положил её перед собой.

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ДОМ У СИНЕГО МОСТА»

Во времена различных бедствий маска цивилизации, как правило, слетает с примитивной физиономии человеческого большинства. Войны, революции, мятежи ни разу не обходились без злодеяний обеих противоборствующих сторон. Власть – это сила, а силу трудно удерживать в рамках, словно меч в ножнах. Истина состоит в том, что меч, однажды отведав крови, в ножнах долго оставаться не может, подобно тому, как хищный зверь, попробовавший человеческой плоти, потом делается людоедом. Так происходит и с человеческим обществом, которое уверовало в силу меча. Его вожди или правители могут проявлять милосердие к побеждённым и даже клясться, что никогда больше не прибегнут к силе, но время всё равно сведёт их обещания на нет. Обагрённое кровью оружие в ножнах не успокаивается, оно жаждет дела и в конце концов находит себе применение. Но дело в том, что государь не может быть только философом, размышляющим о благе для своего отечества и ничего не делающим, когда его власти и государству угрожает опасность. Вот и приходится властителю брать в руки злополучный меч и искать равновесие между крайностями: тиранией и добродетелью. Искать, памятуя о библейском предостережении: взявший меч от меча и погибнет...

Размышления Николая Павловича прервал Александр Христофорович Бенкендорф, явившийся для доклада о ходе следствия по обвинению лейтенанта Дмитрия Завалишина в государственной измене.

Из слов графа следовало, что факты, изложенные в доносе юнкера Ипполита Завалишина, не нашли подтверждения. В сношение с генералом Бойе пресловутый лейтенант вступил по поручению адмирала Мордвинова. Адмирал рассказал, что намечалось плаванье Завалишина вместе с Бойе на Гаити для налаживания торговых отношений. Что же касается иностранных денег, так это объясняется ещё проще: лейтенант, находясь в кругосветном плаваньи,

получал жалованье в испанских пиастрах, коих у него и осталось около семи тысяч. После очной ставки с лейтенантом Завалишиным Ипполит признался, что оклеветал его из желания выслужиться. Теперь он умоляет государя разрешить ему добровольную ссылку, дабы разделить бремя страданий со своим братом.

– Довольно об этом, граф, – прервал Бенкендорфа царь. – Скажите, а что старший Завалишин? Вы выяснили его причастность к мятежу?

– Да, государь. У нас достаточно свидетельств, что лейтенант знал о преступных замыслах заговорщиков и в беседах с ними выражал согласие на решительные действия против императорской фамилии.

– А его письма к покойному императору?

– Мы разыскали их в архиве, ваше величество. Содержание всех трёх писем не может служить доказательством благонамеренности сего молодого человека. Скорее всего, они – лишь попытка выгородить себя и запутать Следственную комиссию. Да, вот ещё во время обыска в комнате, где сейчас содержится лейтенант, найдено это... – Бенкендорф раскрыл сафьяновую папку и взял помятую бумагу.

– Qu'est-ce que c'est ? – спросил царь.

– Стихи, сочинённые лейтенантом Завалишиным. Дозвольте прочесть?

Получив разрешение, Бенкендорф с выражением продекламировал:

*Я песни страшные слагаю,
Моих песней не петь рабам;
Дворяне – вас я призываю
И гибель возвещаю вам.
Как смеете вы тем гордиться,
Рабов имеете что вы;
Тем боле должно вам стыдиться:
Рабов имея – в рабстве вы...
И вам ли думать о свободе,
Коль угнетаете других!
Коль ненавидят вас в народе
Рабы ж – от рук падёте их...*

– Хватит, граф! Идея сочинения понятна и по этим строкам, а стихотворного дарования в них не нахожу... Явно не Пушкин.

Александр Христофорович вложил листок в папку и улыбнулся так, как умел только он – уголками губ.

– Что вас так развеселило, граф? – император заметил перемену на лице Бенкендорфа.

– Я радуюсь вашему замечанию, государь. Сей вольнодумец и впрямь – не Александр Сергеевич Пушкин.

– Что же в том весёлого? – В холодных выпуклых глазах императора графу почудился скрытый интерес.

– Только одно обстоятельство...

– И какое?

– Для России достаточно и одного Пушкина. Пожалуй, даже сверх меры...

– Вы правы. Предостаточно и одного. – Царь на минуту задумался и спросил: – Кстати, где сейчас сей поэт?

– Там, где и должен находиться, – в родительском имении под Псковом, государь. Пребывает под полицейским надзором. Такова была воля вашего покойного венценосного брата... – сказал Бенкендорф и осёкся, вспомнив, что новый император не любит, когда вспоминают его предшественника.

– Хорошо, я помню, – сухо сказал император. – Срочно подготовьте указ о возвращении Пушкина из ссылки.

Распоряжение оказалось для Бенкендорфа неожиданным, может быть, поэтому он осмелился осторожно возразить?

– Но, ваше величество, у всех заговорщиков найдены списки крамольных стихов Пушкина, являющиеся прямым подстрекательством к мятежу... Он водил дружбу...

Видя, что император встал из-за стола и направился к нему, Бенкендорф замолчал. Николай Павлович подошёл вплотную к графу, крепко ухватил одну из блестящих пуговиц на его мундире и, покрутив её, словно проверяя, крепко ли пришита, строго посмотрел Бенкендорфу в глаза.

– Сие мне известно, – сказал он. – У вас есть что-то новое сообщить мне?

– Получены сведения, что поднадзорный Пушкин без разрешения властей пытался выехать в Санкт-Петербург, как раз накануне заговора... – поёживаясь под взглядом Николая

Павловича, пробормотал Бенкендорф.

– Пытался? Но не доехал же! – внезапно развеселился император.

Бенкендорф облегчённо вздохнул и развёл руками: мол, точно так, не доехал.

– Поймите, Александр Христофорович, – вновь сделавшись серьёзным, назидательно сказал император, – таких людей, как этот Пушкин, в отечестве нашем единицы. Да вы же сами только что меня в этом убеждали...

– Совершенно с вами согласен, государь.

– Так вот... Лучше, если такие, как он, будут служить нам, нежели находиться в стане наших неприятелей... Говорят, что поэты – не разум, но инстинкт нации, её интуиция. Я склонен думать, что к Пушкину сие замечание не относится. Судя по тому, что он пишет, это – умнейшая голова во всей России. Нам надо обратить эту голову в нужную сторону. И знаете, что я придумал, граф? Я готов для столь значимой цели сделаться личным цензором его сочинений...

– Не устаю удивляться вашей мудрости и вашей прозорливости, государь, – склонил голову Бенкендорф.

– Поторопитесь с указом. И вот ещё что... Попросите Пушкина составить для меня записку с изложением его мыслей о народном образовании.

– Будет исполнено, ваше величество. А что делать с Завалишными?

Николай Павлович, к которому вернулось благодушное настроение, распорядился:

– Юнкера за лживый донос и дерзость – разжаловать в солдаты и отослать подальше от столицы. А лейтенанта... Где он сейчас?

– В здании Главного штаба. Содержится под арестом с другими подозреваемыми.

– Переведите в крепость. Одиночество благотворно для начинающих поэтов, ибо способствует вдохновению...

ЭПИЛОГ

ПРОЩАНИЕ

Пушкин умирал.

Вторые сутки он лежал на кушетке в своём кабинете, в окружении тех, кого любил – друзей

и книг. Страдая от раны, он окидывал взглядом окружавших его Жуковского, Тургенева, Данзаса, докторов Даля, Арендта, переводил глаза на книжные шкафы с золочёными переплётками, словно говоря: «Прощайте, дорогие мои...»

Он чувствовал, что смерть близка, но мужественно вытерпел зондирование раны.

– Что, плохо со мною? – силясь улыбнуться, спросил у Арендта.

– Должен вам сказать, что к выздоровлению вашему надежды почти не имею... – честно ответил доктор. Отойдя от постели поэта, он шёпотом сказал Жуковскому:

– Я был в тридцати сражениях, видел много умирающих, но такое терпение при таких страданиях...

Диагноз, поставленный медицинским консилиумом, был страшным: «Ранение, проникающее в брюшную полость, слепое, без пенетрирующего ранения кишки, но с нарушением целостности крупной вены».

– Зачем вы уменьшили заряд пороха? – вопрошали доктора и без того подавленного Данзаса. – Будь заряд полным, пуля пробил бы тело Александра Сергеевича насквозь, а не отрикошетила бы в живот от кости таза...

– Токмо из добрых побуждений... – оправдывался подполковник. – И я, и мсье д'Аршиак зарядили пистолеты одинаково, снизив заряд до минимума...

– Да, но противнику Пушкина сие пошло на пользу, а ему...

Поэт, словно услышав их, подозвал к себе Данзаса, продиктовал ему записку о некоторых долгах.

– Следует ли мне мстить за тебя, Саша? – спросил Данзас.

– Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть, прощаю ему и хочу умереть христианином... Пусть позовут священника для исповеди...

– Кого?

– Первого попавшегося! – диалог изнурил Пушкина, и он умолк.

Из Конюшенной церкви позвали отца Петра. Он исповедовал поэта.

Когда поутру кончился приступ сильной боли, Пушкин попросил подойти Наталью Николаевну.

В заплаканной женщине трудно было признать первую красавицу. Александр Сергеевич благословил её и детей, которых принесли к нему прямо из кроватей, полусонных. Он на каждого оборачивал глаза, молча клал на голову руку, крестил и отсылал прочь... Потом Пушкин сделал ещё одно усилие и продиктовал письмо императору, думая не столько о верноподданническом долге, сколько о своих близких, которым после его ухода нужна будет опора.

Было очевидно, что поэт спешит сделать свой земной расчёт, прислушиваясь к шагам приближающейся кончины.

В четырнадцать часов двадцать девятого января ему вдруг стало лучше. Взгляд прояснился. Пушкин попросил морошки и захотел, чтобы покормила его Наталья Николаевна. Тотчас послали преданного Никиту в торговые ряды за ягодой.

Обрадованный старик, зажав в кулаке полученную от хозяйки ассигнацию, в наспех накинута полушубке выбежал за ворота дома Волконской и оказался в толпе денно и ночью дежуривших здесь почитателей поэта. Было морозно. Над головами витали клубы пара.

– Старина, как там Александр Сергеевич?

– Будет ли жив? – засыпали Никиту вопросами, точно мало им вывешиваемого ежедневно Жуковским бюллетеня о состоянии раненого.

– Даст Бог, поправится! – перекрестился Никита. – Ягод-от пожелал, батюшка наш... Дайте пройтись!

– Пропустите, дайте дорогу! – прокатилось по толпе...

– Что там такое, скажите, сударь, вы видите? – спросил Кирилл Тимофеевич Хлебников стоящего рядом с ним высокого студента.

– Наверное, доктор приехал... – сияясь разглядеть, что происходит у ворот, ответил тот.

Хлебников, узнав о ранении поэта, не смог усидеть в своём кабинете в доме у Синего моста и пришёл сюда. К воротам было не протолкнуться. Люди стояли плотной стеной: дамы в дорогих мехах, офицеры, студенты, простой люд в поношенных салопках и зипунах, какие-то подозрительные личности с бе-

гающими взглядами... Толпа всё напирала. Неожиданно у Хлебникова сдавило сердце, перехватило дыхание.

Он с трудом выбрался из толпы, шагнул на мостовую и чуть не оказался под колёсами кареты с замысловатым гербом на дверце. Кучер, с трудом остановивший коней, заорал на него и замахнулся кнутом. Но не ударил отпрянувшего прохожего – вид у Хлебникова был приличный, на бродягу не похож... Знатный господин в преклонных годах выглянул из окна кареты, посмотрел на Хлебникова, как смотрят на букашку, и постучал кучера по спине тростью с золотым набалдашником в виде головы Люцифера: «Трогай!»

«Кого-то мне он напоминает...» – только и успел подумать Хлебников, как новая боль пронзила ему грудь. Он постоял, прислонившись к фонарному столбу, пока не полегчало, и побрёл к своему дому. Мысли его сами собой вернулись к Пушкину. «Разве возможно, чтобы такой талант оставил Россию... – думал он. – Нас, обычных людей, много, а Пушкин – один! Уж если кому и жить, так ему! Он ещё так молод. Смерть – не дело молодых. Старика умирать легче. Господь постепенно готовится его к смерти: забирает к себе всех, кто был ему дорог...»

У самого Хлебникова таких потерь не счесть. В один год на разных концах света одна и та же болезнь – чума – унесла двух его друзей: адмирала Головнина и только что ставшего губернатором Верхней Калифорнии Луиса Аргуэлло... Не вернулся из своего путешествия на Кенай Андрей Климовский... В Тотъеме ушёл в мир иной верный сподвижник Александра Баранова Иван Кусков... Давно уже истлел в земле прах Николая Резанова и первой и единственной любви Хлебникова – Елизаветы Яковлевны Кошелевой... Если бы можно было заглянуть в завтра, узнать, что ждёт там тебя и твоих близких...

Но не дано этого человеку.

Не знал и Хлебников, что уже сегодня Пушкина не станет, что на следующее утро весь Петербург будет повторять слова: «Солнце нашей поэзии закатилось!» Не мог предугадать Кирилл Тимофеевич и того, что станет

с рукописью, которую он недавно отправил поэту. После смерти Пушкина она затеряется и будет найдена только через полтора столетия. Американские колонии, описываемые в ней, за это время перестанут быть землёй российского владения, будут проданы Северо-Американским Соединённым Штатам. Потомки надолго забудут многих из тех, кто жертвовал собой во имя Отечества, осваивая далекую Аляску. Могила камергера Резанова в Красноярске разграбят и сровняют с землёй. Записки Дмитрия Завалишина, который переживёт всех своих товарищей и войдёт в историю как последний «декабрист», впервые увидят свет только за рубежом. Прочитав их, дальний родственник Завалишина и Толстого-Американца – Лев Николаевич Толстой – откажется от своей затеи написать роман о деятелях двадцать пятого года: очень неприглядными покажутся они знаменитому писателю...

Завалишин и на каторге, и на поселении будет сторониться остальных мятежников. Он посвятит себя науке и общественной деятельности. Вступит в долгую полемику с генерал-губернатором Муравьёвым-Амурским, критикуя его методы освоения Дальнего Востока, за что будет выслан из Сибири в Казань. Брат Дмитрия Ипполит, разжалованный в солдаты, в Оренбургском гарнизоне создаст из местных прапорщиков тайное общество и тут же выдаст всех его членов, надеясь заслужить помилование за прежний проступок. Вопреки ожиданиям, он будет сослан на Нерчинский рудник, где продолжит сочинять жалобы и доносы...

Пройдут годы. Многие из тех, кого знал Хлебников, станут известны всей России. Михаил Петрович Лазарев, прославивший своё имя победой над турками при Наварине, будет командовать Черноморским флотом. Отец Иоанн Вениаминов примет иноческий сан и войдёт в историю как Иннокентий – митрополит Московский и Коломенский и апостол Аляски. Умирая, преосвященный произнесёт такие слова: «От Господа стопы человеку исправляются...»

Да, не дано людям знать будущее. Не ведает пока Хлебников, что будет с ним самим. Вскоре он станет одним из директоров

Российско-Американской компании и будет избран членом-корреспондентом Академии наук, получит орден Святой Анны третьей степени. Известный писатель Ротчев высоко оценит его новое сочинение: «Мой почтеннейший Кирилл Тимофеевич, я прочёл вашу рукопись. Положив руку на сердце, смею уверить Вас, что поправлять в ней нечего, очень грустно будет, если вы не убедитесь и отдадите её какому-нибудь моднику-литератору или журналисту записному отлащивать...» Хлебников начнёт новую книгу. Но жить ему осталось недолго. Всего год.

Четырнадцатого марта 1838 года он отправится в Департамент корабельных лесов на встречу с Фердинандом Врангелем, недавно переведённым из Ново-Архангельска в столицу, и штурманом Иваном Васильевым, тоже старинным ситхинским приятелем. Фердинанд Петрович пригласит их к себе на обед. За воспоминаниями они засидятся до вечера. Васильев пойдёт проводить Хлебникова. Они успеют сделать несколько шагов за порог квартиры Врангеля, и Хлебников без чувств упадёт на булыжники Грязной улицы. При помощи прохожих Васильев внесёт его обратно в дом. Там, не приходя в сознание, на руках друзей и окончит свой земной путь Кирилл Тимофеевич Хлебников.

По завещанию все его средства, накопленные за годы службы в Российско-Американской компании, будут переданы родному Кунгуру для строительства сиротского приюта. Книги и рукописи Хлебникова отойдут кунгурской городской библиотеке, которой будет присвоено его имя. Просуществует эта библиотека почти сто лет, пока в дни очередного кровавого и бессмысленного бунта не будет разворована и частично сожжена беспамятными потомками. В доме почётных граждан Кунгура – Хлебниковых – новые власти устроят продуктовый склад...

Всё это, по счастью, Хлебникову неизвестно. Ни далёкие перспективы, ни собственный конец. Да и нужно ли вообще знать человеку, где и когда откроется его бессмертной душе скрываемый Вечностью последний причал – берег отдалённый?.. **А**

КАЗАКИ ИЗ ЯИКА, ИЛИ

ВКРАТЦЕ ПРО УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

*Знают все икру Урала
и уральских осетров,
Только мало все слышали
про уральских казаков.*

Первая половина XVI века – время возникновения казачьих общин на берегах реки Яик (Урал). Предание гласит, что между 1520 и 1550 годами с Дона и из «иных городов» привёл атаман Василий Гугня отряд численностью в 30 человек. Историческое свидетельство появления и проживания казаков на Яике – документ, датированный 1571–1572 годами. Ногайские мурзы писали: «Теперь государь велит-де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отнять, и нам-де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жен и детей поемлют». Вторая половина XVI века является пе-

риодом, когда на берегах Яика и Эмбы стало появляться множество казачьих городков.

Первое летописное упоминание о яицких казаках датируется 9 июля 1591 года. Наказ царя Фёдора Иоанновича астраханским воеводам, которые отправились в поход за реку Терек, гласит: «...Да память боярину и воеводам Князю Ивану Васильевичу Сицкому с товарищи: указал Государь... на непослушника своего на Шевкальского послати, на семь лет, с Терка рать свою, а для той службы велел Государь Яицким и Волгским атаманам и казакам идти в Астрахань к стану... всех казаков в Астрахань собрати для Шевкальския службы: Волгских 1000 человек да Яицких 500...» Таким образом, упоминание о яицких казаках в летописи помогло определить день основания Ураль-

ского казачьего войска, этот праздник и отмечают 9 июля. По старшинству, богатству родословной среди казачьих войск Российской империи Уральское войско сравнимо только с Донским. Войсковой праздник казаки-уральцы празднуют 8 (21) ноября, в день святого архангела Божия Михаила.

В 1613 году яицкое казачество было принято в подданство Московского государства, но свою «вольность» оно сохранило. Уже в 1615 году войску была пожалована царская грамота на «вечное» владение рекой Яик. К этому времени здешние казаки имели свою столицу, укрепленный городок у впадения реки Чаган в Яик. Столица яицкого казачества стала именоваться в честь реки – Яик, или Яицкий. В 1622 году казачье поселение перенесли на территорию современного Уральска, который находится на территории Казахстана.

За Яицким (Уральским) войском на законодательном уровне была закреплена та территория, которую казаки заняли сами, и только та территория, которая была незаселенной до появления казаков. Современные историки Казахстана заявляют, что Российская империя когда-то забрала у казахов-кочевников их земли и отдала казакам. Но согласно истории, впервые кочевья Младшего жуза с ханом Нурали появились на левом берегу Урала лишь в 1785 году. Кочевники пришли к Уралу только с письменного разрешения оренбургского генерал-губернатора, который разрешил 17 старшинам казахских родов расположиться на правом берегу реки Урал (территория России) для зимовки.

БОЕВАЯ СЛАВА

Яицкие казаки принимали участие во многих боевых действиях, показывая славу и доблесть казачьего духа! Участвовали в Северной войне (1700–1721), Кубанском походе генерала Апраксина (1711), походе на Хивинское ханство в составе войска князя Бековича Черкасского (1717).

Яицкое казачье войско несло пограничную и сторожевую службу по реке Яик. Так как территория Яицкого войска находилась

ОФИЦЕРЪ и КАЗАКЪ
Уральскаго Казачьяго Войска, 1801-1806.

недалеко от сибирской земли, яицкие казаки несли также службу и на Сибирской укрепленной линии. В 1719 году Яицкое казачье войско перевели под управление Коллегии иностранных дел. Уже на следующий год яицкие казаки несли службу также и на Иртышской укрепленной пограничной линии. Указом Петра I в 1721 году Войско было переведено в подчинение Военной коллегии. В 1723–1724 годах яицкие казаки принимали участие в боях против ногайцев и каракалпаков на реке Утве. Начиная с 1724 года Яицкое войско стало нести службу на Кавказе. Уже к 1743 году Войско постоянно держало гарнизоны на Яицкой низовой пограничной линии.

В 1773 году Яицкое казачье войско подержало донского казака Емельяна Пугачёва. «Пугачёвский бунт» переломил историю Яицкого казачьего войска. За поддержку Емельяна Пугачёва и участие в его бунте императрица Екатерина своим Указом от 15 января 1775 года повелела «войско это впредь именовать

Уральским, реку Яик – Уралом, а город Яик – Уральском». Но этим ещё не закончилось «недовольство» государыни, т. к. она решила полностью убрать из истории память о Яицком казачьем войске. В 1775 году с географических карт и из государственных документов исчезли названия реки Яик и Яицкого городка, а также название казачьего войска, упоминать их строжайше запрещалось. Таким образом, современное название «Уральское казачье войско» является заменой «Яицкого казачьего войска» с екатерининских времён.

Повелением государыни Уральское казачье войско стало подчиняться астраханскому или оренбургскому генерал-губернатору, а управление Войском перешло коменданту гарнизона Уральска.

С 1798 года уральские казаки стали служить в российской гвардии. В 1799 году чины офицеров Уральского казачьего войска были уравнены с общеармейскими чинами. В этом же году уральские казаки вместе с донскими приняли участие в Итальянском и Швейцарском походах под командованием походного атамана Адриана Карповича Денисова, а также в секретной Голландской экспедиции против французов.

В 1803 году было утверждено «Положение об Уральском казачьем войске» и определен его состав: одна лейб-гвардии Уральская сотня и десять конных казачьих полков. Полки были номерными – с № 1 до № 10.

В последующие годы уральские казаки принимали участие во многих войнах против шведов, турок, поляков, персов, англичан, французов (в том числе и в Отечественной войне 1812 года) и др.

В 1819 году к Уральскому казачьему войску причислили казаков Илекской и Сакмарской станиц, таким образом сформировались два новых полка – № 11 и № 12.

В 1837 году уральские казаки были направлены на Кавказскую войну, в Бессарабию, Финляндию и на Нижне-Уральскую пограничную линию. Уральские казаки воевали в степях Казахстана и Киргизии, на территории Кавказа и Туркестана, совершая подвиги, которые удивляли даже врагов.

В Крымскую войну 1853–1856 годов казаки Уральского казачьего войска сражались с англичанами и французами на земле Крыма, отличившись при Балаклаве и на Чёрной речке, несли дозорную службу у осаждённого Севастополя.

В 1865 году уральцы участвовали во взятии города Ташкента и крепости Ниязбек. На следующий год уральские казаки сотни отличились в сражении против армии бухарского эмира Муззафара при урочище Ирджар и взятии укрепленных городов Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака.

В 1868 году две сотни уральских казаков прославились в штурме города Самарканда и в сражении против армии бухарского эмира на Зера-Булакских высотах, которое закончилось полным разгромом противника.

В 1874 году вышло «Положение об Уральском казачьем войске». Согласно ему, Уральское казачье войско состояло из лейб-гвардии Уральского казачьего эскадрона, девяти номерных конных полков и учебной сотни.

В последующие годы казаки Уральского казачьего войска проявляли примеры мужества и стойкости, преданности Отечеству и народу во многих войнах и военных действиях, в том числе и в годы Русско-японской и Великой войн, а также Гражданской братоубийственной войны.

В 1920 году постановлением советской власти Уральское казачье войско было упразднено. Гражданская война и репрессии против казаков не только «выкосили» мужское население Уральского казачьего войска, но и повлияли на дальнейшее развитие и становление его как исторически сложившейся культурно-этнической общности, богатой своими традициями, обычаями, религиозностью и, конечно же, особой историей!

Игорь МАРТЫНОВ,
казачий полковник,
атаман Межрегиональной
общественной организации
«Союз донских казаков»

*Государь император Николай II и наследник престола среди казаков
Собственного его императорского Величества конвоя. Могилев, 1916 год*

СОБСТВЕННАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ОХРАНА

СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ СТАЛА РЕЗКО МЕНЯТЬСЯ НА ФОНЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ. НОСИТЕЛЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ ВЫСТУПАЛА СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ. ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ВЛАСТИ В РОССИИ, САКРАЛЬНОСТЬ ФИГУРЫ ИМПЕРАТОРА ПОРОЖДАЛИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ ИЛЛЮЗИЮ ВОЗМОЖНОСТИ ОДНИМ ЖЕРТВЕННЫМ УДАРОМ РАЗРУШИТЬ МОГУЩЕСТВО ЭТОЙ ВЛАСТИ. ИДЕЯ ЦАРЕУБИЙСТВА ЗАХВАТИЛА МОЛОДЫХ ВОЛЬНОДУМЦЕВ.

Осознание необходимости отказа от изживших себя традиционных методов охраны первого лица государства побуждало военного министра, шефа жандармов, командира и начальника штаба гвардейского корпуса искать пути совершенствования и караульной службы, и непосредственной охраны императорской фамилии. Попыткой усиления наружной охраны императорских дворцов с учётом сложившегося положения можно считать формирование немногочисленной особой команды «городовых стражей», штат которой состоял всего из

30 человек. Кроме обычного несения караула «дворцовые стражи», как их вскоре стали называть, ввели в практику выставление нарядов по маршруту прогулок императора.

Пристальное внимание уделялось комплектованию команды «дворцовых стражей», набиравшейся из лучших городских унтер-офицеров, фельдфебелей и околоточных полицейских надзирателей. Попасть на службу в это престижное подразделение могли и отставные гвардейские унтер-офицеры. Прошедшим придирчивый отбор холостым,

православным, крепкого телосложения и отменного здоровья, благообразной наружности и совершенной благонадёжности кандидатам после зачисления в стражи полагался вполне приличный годовой оклад в 411 рублей. Всё материально-хозяйственное обеспечение «дворцовой стражи» было возложено на Министерство императорского двора. Во главе «дворцовой городской стражи» высочайшим указом был поставлен флигель-адъютант полковник Александр Михайлович Рылеев.

Новеллой в охранной деятельности дворцовой стражи стало закрепление её личного состава не за какой-либо конкретной императорской резиденцией, а лишь за той, в которой в настоящий момент пребывал император Александр II. Подобная практика установилась через год после отмены в России крепостного права. Отныне команда дворцовых городских стражей, обеспечивавшая личную безопасность царя, перемещалась вместе с двором и сопровождала императора во время его многочисленных переездов. Первой серьёзной поездкой, не считая передвижений по маршруту Петербург – Царское Село – Петергоф, стало сопровождение Александра II в его путешествии на торжества, посвящённые открытию монумента, воздвигнутого в Великом Новгороде в 1862 году в честь тысячелетнего юбилея легендарного призвания варягов на Русь. В основном же дворцовая стража осуществляла охрану царя в местах его постоянного пребывания.

Появление новой охранной службы, каковой некоторое время считалась дворцовая стража, не внесло диссонанса в деятельность структур, обеспечивавших безопасность императорской фамилии, но несколько изменило их конфигурацию. Определённая распылённость охранно-караульных сил, куда помимо дворцовой стражи входили уже ставшие привычными гвардейские караулы в императорских резиденциях, казаки Собственного конвоя и рота дворцовых гренадер, в немалой степени компенсировалась единым и к тому же достаточно жёстким руководством полковника Рылеева. В свою очередь, Рылеев, почти двадцать лет являвшийся ко-

мендантом Императорской Главной квартиры, подчинялся непосредственно министру Императорского двора графу Александру Владимировичу Адлербергу. Однако, и это было особо оговорено, в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств полковник Рылеев обладал правом личного доклада императору. Александр Рылеев возглавлял охрану царя в районе боевых действий во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, что принесло ему желаемое звание генерал-адъютанта. Комендантство Рылеева ознаменовалось и сомнительным новшеством – установлением негласного наблюдения за жителями дворцовых городов.

Однако одиночный выстрел, произведённый в императора Александра II террористом-одиночкой студентом Дмитрием Каракозовым, указал на явные просчёты в организации охраны царя. Террористический акт 4 апреля 1866 года не только вскрыл грубые огрехи в профессиональной подготовке лиц, по долгу службы призванных обеспечивать безопасность главы государства, но и выявил очевидные недостатки в содержании должностных инструкций, которыми они должны были руководствоваться. Нижние чины дворцовой стражи и Жандармского корпуса, обеспечивавшие безопасность царя во время его прогулки по Летнему саду, с почтением взирали на императора, вместо того чтобы следить за толпой народа. Кроме того, руки двух унтеров были заняты. Один держал шинель, другой приподнял полость саней (большой кусок плотной ткани, закрывавший ноги). По сути, это были серьёзные упущения охраны, граничившие с преступлением.

Свой личный вклад в обеспечение должной охраны императора внёс граф Пётр Андреевич Шувалов, служивший санкт-петербургским обер-полицеймейстером, директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел, управляющим Третьим отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии и с 1866 по 1874 год – шефом жандармов. Опыт полицейской работы, острота ума, чёткость суждений и жёсткий характер быстро обеспечили Шува-

лову значительное влияние при дворе. В кулуарах его даже называли «вице-императором» и «Петром IV». Покушение Каракозова было для Шувалова лучшим подтверждением мысли о неспособности решить проблему обеспечения личной безопасности императора имеющимися силами дворцовых городских, казаков Конвоя и бравых гвардейцев «Золотой роты». Новым методам революционной борьбы террористов необходимо было противопоставить качественно новые формы обеспечения физической безопасности государя.

Ранее при частых выездах императора его экипаж сопровождался в пути несколькими конными казаками из Собственного Его Императорского Величества конвоя, личный состав которого лишь номинально выполнял функции телохранителей и воспринимался публикой скорее в качестве декоративного и красочного почётного эскорта. В узловых точках маршрута, чреватых угрозой возможного нападения, выставлялись усиленные полицейские посты. 30 городских несли постовую службу при Зимнем дворце, да в загородных резиденциях размещались сторожа из отставных унтер-офицеров гвардейских полков. Пышная свита и отставные гвардейские унтера ничего не могли противопоставить изощрённым замыслам экстремистов. Да и навыками, которыми должна была обладать личная охрана особо важной персоны в условиях стремительного нарастания опасности терактов, они, разумеется, не владели.

Создание «умной полиции», или «шуваловской охраны», как её ещё называли, стало возможным благодаря инициативе нового петербургского градоначальника Фёдора Трепова, предложившего создать специальный отряд «охранительной полиции» для обеспечения личной безопасности императора. Формирование новой спецслужбы протекало поистине стремительно. В конце апреля 1866 года Пётр Шувалов только обосновывал царю настоятельную необходимость «учреждения особой команды» для постоянного сопровождения императора во время его передвижений по стране. В докладной записке

Шувалова, поданной на высочайшее имя, особенно отмечалась секретность всех связанных с охраной императорской особы мероприятий. Эти действия должны быть «тайными и незаметными для народа». А чины охранной службы «никогда и нигде не должны предполагать, что спокойствие императора не может быть нарушено, но постоянно должны быть проникнуты мыслью, что Его Величеству угрожает опасность, почему обязаны принимать все зависящие от них средства к предупреждению и устранению таковой».

Шеф жандармов граф П. А. Шувалов

А уже в начале мая 1866 года Шувалов смог доложить императору о создании костяка «охранительной команды», первым командиром которой был назначен надворный советник Шляхтин, прежде служивший в Москве полицейским приставом. Этому предшествовала большая подготовительная работа различных чинов полиции и Третьего отделения, ставшего прообразом специальных служб в сфере обеспечения государственной

безопасности в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Третье отделение, видевшее свою задачу в предупреждении «злоумышлений против особы государя императора», много лет обеспечивало стратегическую безопасность царя и его окружения, охраняя «безопасность престола».

Главная цель организаторов «охранительной команды» сводилась к исключению самой возможности повторения покушения. Скоро стали вырисовываться контуры будущей службы. По замыслу, она должна была состоять из начальника, двух его помощников, шести секретных агентов и восьмидесяти стражников. Через месяц Шляхтин был произведён в следующий чин коллежского советника. Его помощниками стали бывший начальник Ревельской жандармской команды капитан Пруссак и бывший сотрудник Варшавской полиции подпоручик Поляков. К концу мая штат службы был укомплектован. В охранительной команде более чем достойное представительство получили нижние чины, проходившие службу в Варшаве. 25 вахмистров были оформлены переводом из Варшавской городской полиции, 16 унтер-офицеров – из Варшавского жандармского дивизиона и городской жандармской команды, 30 унтер-офицеров – из уездных жандармских команд Варшавского и Северо-Западного жандармских округов. Три унтер-офицера были переведены из Рижской полиции. А Петербургская полиция была и вовсе представлена лишь шестью городскими, ранее служившими в дворцовой полицейской команде.

При этом все чины должны были исполнять свои обязанности в гражданском платье и тщательно скрывать от родных и знакомых место своей службы. Деятельность охранной стражи была столь скрытной и таинственной, что о самом факте её существования знали лишь очень немногие, особо доверенные лица. Курирование всех вопросов, связанных с организацией и деятельностью службы, взял на себя шеф жандармов граф Шувалов, запомнившийся современникам как человек, при котором на императора не совершилось ни одного покушения.

К концу 1866 года штат стражи был неожиданно сокращён почти вдвое. Под сокращение попали три секретных агента и сорок стражников. Любопытно, но данное сокращение совершенно не коснулось бюджета службы. Как и ранее, на её содержание ежегодно отпускалось 52 тысячи рублей.

По указанию Третьего отделения Шляхтин был обязан собирать и регулярно пополнять специальные досье на каждого сотрудника охранной службы, именовавшиеся тогда «секретными кондуитами». В его обязанности также входило составление детального плана охраны царя во время каждой намечавшейся куда-либо поездки и представление этого плана на утверждение жандармскому руководству. В плане назывались конкретные агенты и стражники, выделяемые для осмотра местности, проводов, сопровождения в пути и встреч императора в месте прибытия. При этом сотрудники охранной стражи осуществляли скрытое сопровождение императорской процессии в отличие от дворцовой стражи, выполнявшей эту же функцию открыто. В случае намерения царя предпринять заграничное путешествие чины стражи, владеющие иностранными языками, выезжали за рубеж, вступали в контакт со своими иностранными коллегами и предпринимали все необходимые шаги для обеспечения безопасности императора. Стража с честью справилась с выполнением сложнейшего задания, связанного с охраной Александра II летом и осенью 1877 года в ходе его визита в Болгарию во время Русско-турецкой войны. Именно охранную стражу Третьего отделения можно считать первым подразделением, задачи которого вполне сравнимы с задачами современных спецслужб, занятых охраной первых лиц государства. По инициативе шефа Корпуса жандармов и главы Третьего отделения Николая Мезенцова (или Мезенцева) было создано специальное подразделение для обеспечения «физической защиты» императора – личная охранная стража, куда сразу получил назначение пользующийся благосклонностью высокого начальства штабс-капитан Карл-Юлиус Кох, один из первых в России так на-

Покушение на Александра II

зываемых «личников», которому судьба уготовила счастье стать спасителем императора Александра II.

Однако, несмотря на введение круглосуточного наружного наблюдения за местом пребывания императора для обеспечения его безопасности и спокойствия, охранной страже не удалось уберечь Александра II от новых покушений. Утром 2 апреля 1879 года семь стражников на своих постах наблюдали за обычной утренней прогулкой императора. Царь прошёл по Миллионной улице, мимо Эрмитажа, вдоль набережной Зимней канавки, уже повернул на Дворцовую площадь к Александровской колонне. Прогулка близилась к завершению...

Из рапорта штабс-капитана Карла-Юлиуса Коха, направленного шефу жандармов генерал-адъютанту Александру Романовичу Дрентельну, следует, что «в то время как из-за угла будки здания Гвардейского штаба, находящегося наискосок от Певческого моста, показался государь император, к противоположному углу приблизился мерными шагами и направился навстречу государю неизвестный человек, на вид прилично одетый, с форменной фуражкой на голове. Приблизившись спокойно, с руками, опущен-

ными в карманы, на расстояние около 15 шагов, он мгновенно, не сходя с панели, произвел по Его Величеству выстрел...».

Террорист-злоумышленник Александр Соловьёв, недоучившийся студент, исключённый из университета за неуспеваемость и «противоправительственную» деятельность, успел произвести ещё несколько выстрелов. Приведённые ниже свидетельства очевидцев, сумевших подметить даже несущественные детали покушения, позволяют судить

о большой степени случайности в задержании преступника. А вот действия охраны, если они и были, остались незамеченными. Сделав несколько выстрелов, ранив при этом случайного прохожего, террорист обратился в бегство. Скрыться неузнанным в толпе ему не удалось, хотя он предусмотрительно сбросил с себя пальто и фуражку. Прохожие, включая и раненного злоумышленником мужчину, бросились ему наперерез. Карл-Юлиус Кох нагнал террориста и отработанным приёмом с размаху ударил его саблей плашмя по затылку. На помощь жандармскому офицеру подоспели молодой солдат 6-й роты Преображенского полка и отставной фельдфебель гвардеец Rogozin. Им удалось повалить преступника на землю. Злодей отчаянно сопротивлялся. Ему даже удалось прокусить руку женщине, оказавшейся женой придворного служителя, которая вместе с другими бросилась на убийцу. От самосуда разъярённого народа преступника спасла подоспевшая полиция.

Тогдашняя пресса единодушно отметила «полное спокойствие духа», проявленное императором. «Он снял фуражку, – писал русский еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал умеренного

буржуазно-либерального направления «Всемирная иллюстрация», – и благоговейно осенил себя крестным знаменем. Между тем из здания штаба выбежали, в чём были, без пальто и фуражек, живущие там военные высшие чины, и Государю была подана подъехавшая случайно к подъезду частная коляска; но Государь в неё сел только тогда, когда злодей уже был схвачен и обезоружен».

Вскоре последовал указ Александра II о награждении Коха «за самоотверженное исполнение долга» орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и медалью «За спасение погибавших». За «отлично-ревностную службу» расторопный телохранитель был награждён и зарубежными монархами. Поэтому неудивительно, что именно штабс-капитан Карл-Юлиус Кох, принимавший столь деятельное участие в задержании крамольника, был назначен руководителем подразделения «физической защиты» императора. Однако при всех успехах личной стражи императора всё же следует отметить, что в её повседневной деятельности сказывалось отсутствие собственного агентурного аппарата. Именно нехватка оперативной агентурной информации не позволила предотвратить новые попытки покушений на жизнь императора. В трагический день гибели императора Александра II Карл-Юлиус Кох действовал самоотверженно, профессионально и решительно. Быстро определив бомбиста, он сбил преступника с ног, поставил его на колени, изъяс револьвер и кинжал. Но противоречивые команды, отдаваемые старшими по званию офицерами, не позволили Коху предотвратить второй взрыв. Однако беззаветная преданность телохранителя не осталась незамеченной. Его не только не отправили в отставку, но и отметили вручением памятной серебряной медали, а вскоре особым указом Александра III ему было даровано потомственное дворянство.

С начала 80-х годов XIX века обязанность обеспечения охраны царя и других высокопоставленных лиц вменялась Департаменту полиции Министерства внутренних дел, в структуре которого было организовано особое подразделение «Охранная агентура». В её со-

став входили «постовые» и «местные» охранники. С назначением 3 сентября 1881 года именным Указом императора Александра III Правительствующему Сенату на должность главного начальника Собственной Его Императорского Величества охраны шефа жандармов, генерал-майора свиты Петра Александровича Черевина, было завершено правовое оформление специальной службы охраны, открывшей новый этап в развитии института государственной охраны в России.

В Положении об Охранной агентуре (ОА), утверждённом 20 декабря 1883 года командиром корпуса жандармов генерал-лейтенантом Петром Васильевичем Оржевским, отмечалось, что новая служба учреждается «в видах обеспечения безопасности Высочайших их Императорских Величеств и Государя Наследника Цесаревича проездов в столице». В 1883 году «Охранная агентура» располагала бюджетом в 180 тысяч рублей. В начале 1887 года в ОА числилось уже 192 человека. Этого количества сотрудников вполне хватало, чтобы перекрыть постоянными постами в центре столицы маршруты высочайших выездов из Аничкова в Зимний дворец. К тому же под агентурное наблюдение попадали все здания, находившиеся на этих маршрутах. Общее же число постов увеличилось до 102.

Каждый год на всё лето от 80 до 100 сотрудников ОА во главе с полковником Ильинским отправлялись для несения охранной службы в Петергоф на время пребывания там царской семьи и поступали в полное распоряжение главного начальника охраны генерала Черевина, безотлучно находившегося рядом с царской семьёй на протяжении долгих 15 лет. Черевин лично выезжал в Москву для подготовки к коронации Николая II. Именно он принял решение об обеспечении первых лиц империи телефонной спецсвязью.

Максимальная нагрузка на Охранную агентуру выпадала в течение трёх зимних месяцев во время пребывания высочайшего двора в столице. 10 октября 1887 года Санкт-Петербургский градоначальник генерал-лейтенант Пётр Аполлонович Грессер утвердил подготовленную подполковником Секеринским инструк-

цию «О порядке службы Охранной агентуры», в которой, в частности, говорилось: «Специальное назначение ОА – обеспечение безопасности Высочайших Их Императорских Величеств и Государя Наследника Цесаревича проездов в столице». На заведующего Охранной агентурой возлагалось «распределение между служащими в Агентуре и прикомандированными к охранной деятельности Санкт-Петербургской столичной и Речной полиции обязанностей их, как охранников, размещение агентов по постам, назначение очереди и продолжительности дежурств и т. п., разъяснение охранникам их обязанностей и тех практических приемов, кои будут признаны наиболее целесообразными...». Поставой агентуре вменялось «следить за появлением злоумышленников по пути Высочайших проездов». Поставые агенты выставлялись на наблюдательные посты, именуемые суточными и дневными. На первых постах дежурили четыре агента, на вторых – с восьми утра до десяти вечера – посменно два агента. «Находясь на посту, агент все время дежурства проводит на улице, он может по временам садиться у ворот домов на скамейках, предназначенных для дворников, но отнюдь не вправе заходить в дома, ни в другие помещения». Особые меры предосторожности предпринимались при выезде императора, императрицы и наследника. Агентам предписывалось сопровождение «подозрительного лица» в пределах ответственности поста «на самом близком расстоянии, а в самый момент Высочайшего проезда... находиться около подозрительных лиц несколько сзади с правой стороны для того, чтобы во всякое время предупредить попытку злоумышленников». Агенты должны были любыми средствами не допустить остановки «лиц, имеющих какие-либо ноши или узлы», а также обеспечить закрытие отворенных в домах окон.

Все вопросы организации караульной службы находились в ведении главного начальника охраны, позднее дежурного генерала, переименованного в Дворцового коменданта. Утвержденное в 1905 году «Положение о Дворцовом коменданте» предусматривало образование Управления Дворцового коменданта с включением в него всех подведом-

ственных учреждений. С апреля 1906 года Дворцовому коменданту подчинялась городская полиция в городах, где находились царские дворцы и дворцовые сооружения, а также охранные дворцовые команды и исполнявшие полицейские обязанности служительские команды в районе дворцовых управлений. В состав Собственной Его Императорского Величества охраны входили конвой, Сводный пехотный полк, Дворцовая полиция, 1-й железнодорожный полк и рота дворцовых гренадер. Департамент полиции в ходе реорганизации серьезно видоизменил Особый отдел, в задачу которого отныне входила координация всей розыскной политической работы в империи. Во главе Особого отдела был поставлен бывший начальник Московского охранного отделения Сергей Васильевич Зубатов.

В условиях революционного подъема назрела насущная потребность формирования особого подразделения, занимающегося исключительно сопровождением и охраной государя за пределами императорских резиденций. Это обстоятельство и обусловило возникновение в январе 1906 года Особого отряда охраны, призванного обеспечивать физическую безопасность царя при выездах за территорию дворцовых резиденций. Создателем и начальником отряда «подвижной» охраны, как его стали называть, стал генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович, ученик полицейской школы полковника Зубатова. По мнению многих специалистов, переживший два покушения эсеров Спиридович являлся наиболее яркой фигурой офицерского корпуса, задействованного в охране российских императоров.

В короткий срок комплектование отряда было практически завершено. Костяк отряда в 275 человек составляли нижние чины, отобранные из отставников различных гвардейских полков. Отряд «подвижной охраны» Спиридовича сопровождал царя не только в его поездках, но и во время главаний Николая II в Финляндские шхеры. При этом для сотрудников Спиридовича выделялся специальный корабль сопровождения. По личной просьбе императрицы

Спиридович обеспечивал безопасность её подруги Анны Вырубовой. Его люди держали под контролем дом Вырубовой и осуществляли её охрану во время поездки в Евпаторию. Любопытная характеристика подразделения Спиридовича содержится в дневнике посла Франции в России Мориса Палеолога: «У личной полиции его императорского величества еще более широкие функции. Этот орган является как бы филиалом могущественной Охраны, но он целиком и полностью подчиняется коменданту императорских дворцов. Его возглавляет генерал жандармерии Спиридович, имеющий под своим командованием 300 полицейских офицеров, которые все прошли стажировку в рядах судебной или политической полиции. Основная задача генерала Спиридовича заключается в том, чтобы обеспечивать личную безопасность монархов, когда они находятся вне своего дворца. Начиная с той минуты, когда царь или царица покидают дворец, генерал Спиридович

Начальник императорской дворцовой охраны полковник ОКЖ А. И. Спиридович

отвечает за их жизнь». Однако вывод французского посла несколько обескураживает: в распоряжении шефа личной полиции императора скапливается огромный объём разнообразной информации, получаемой Департаментом полиции и Охраной, что позволяет ему «обеспечить своего непосредственного начальника, коменданта императорских дворцов, грозным оружием для политического и общественного шпионажа».

А вскоре Спиридович преподнёс императору Николаю II свою книгу «Партия социалистов-революционеров и её предшественники». Царь, долгие годы бывший для эсеров-террористов возжеленной целью, принял подарок и обещал внимательно изучить книгу...

Пост руководителя специальной службы государственной охраны Российской империи в период с 1881 по 1917 год занимали генерал-майор Свиты Пётр Александрович Черевин (1881–1896), генерал-лейтенант Пётр Павлович Гессе (1896–1905), Сергей Сергеевич Озеров (1905), генерал-майор Павел Николаевич Енгальчев, происходивший из дворян Тамбовской губернии (1905), Дмитрий Фёдорович Трепов (1905–1906), генерал-адъютант Владимир Александрович Дедюлин (1906–1913). Последним начальником охраны императора Николая II был генерал-майор Свиты Владимир Николаевич Воейков (1913–1917).

Несмотря на достаточное количество критических замечаний в адрес охранных структур императорской России, иногда, кстати, и вполне справедливых, всё же следует признать неопровержимым тот факт, что в сложнейших условиях стремительного нарастания революционного движения и массового вовлечения в него людей, буруемых идеей цареубийства, ценой колоссального напряжения сил многочисленных спецслужб, огромного количества их безвестных сотрудников удалось решить главную задачу – сохранить жизнь императора Николая II. **А**

**Владимир ГАЗЕТОВ,
Максим ВЕТРОВ**

Эвелина ПРОСКУРЯКОВА

1936–2010

Екатеринбург

Ли́на Кегина родилась в Свердловске. После окончания школы выбрала ПТУ. Стала токарем-универсалом. Из заводского цеха поступила в УПИ. Студенческую практику проходила на заводе электроавтоматики, где и работала до пенсии в конструкторском отделе в должности инженера-конструктора. Воспитала дочь и сына, растёт внук Велислав. 10 февраля 1976 года организовала домашний пушкинский клуб «Муза», который работал более тридцати лет. В последние годы жизни потеряла зрение, но принимала активное участие в работе городского Пушкинского клуба. Награждена грамотами и благодарностями за просветительскую деятельность. О работе клуба многократно писали городские газеты, журнал «Смена» за 1984 год, «Известия УрГУ» в юбилейном 1999 году.

Пушкин В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Сенсационных открытий не обещаю: биографами великого поэта чётко расписаны маршруты его путешествий, и все они обходят горную столицу Урала дальней стороной. Никаких иных сведений у меня нет и быть не может.

Однако я верю в загробную жизнь. Правда, понимаю её совершенно иначе, нежели воцерковленные люди. Какое ещё «вечное блаженство» среди райских куш? Да и кто бы выдержал это нескончаемое безделье под звуки монотонных ангельских песнопений? Какая ещё «геенна огненная»? Впрочем, пусть в неё верит тот, кто сам по себе не может удержаться от дурных поступков.

Нет, загробная жизнь – она вся посюсторонняя. Когда в жесте, интонации, речевом обороте ребёнка вы вдруг распознаете отзвук того, что слышали прежде от его мамы, папы, бабушки, дедушки, – знайте, что это частичка души «предка» вселилась в маленькое растущее существо и малым камешком легла в фундамент его человеческой сути. А рядом с этим камешком лягут бесчисленные другие – от других людей, среди которых ребёнок растёт, познаёт добро и зло, становится человеком.

Во внутренний мир каждого из нас – наглядней всё-таки сказать не камешками, а каплями, ручейками, а порой и сильными

потоками – вливается «субстрат человеческого», вызревший в душах тех, кто нас окружал и окружает. Из этого «человеческого вещества» сплавляется наше «я» и осознаётся как наша душа. Душа каждого из нас, претерпевая все вызванные обстоятельствами земной жизни метаморфозы, вовсе не ожидая неизбежного конца, тоже каплями и ручейками перетекает в души тех, кто живёт рядом с нами. А когда тот конец настанет, ей просто незачем будет устремляться в ад или в рай, она продолжит земную жизнь в тех душах, куда вселилась ещё при нашей жизни. А из них таким же путём переместится в души следующих поколений...

Поток «человеческого», составляющий «вещество» наших душ, зародился неведь когда и течёт без цели, но никогда не иссякнет, пока людской род живёт на земле. В том, по-моему, и состоит «загробная жизнь»...

Но не слишком ли далеко я ушёл от Пушкина? Да я как раз к нему и шёл! «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире мой прах переживёт...» Это же как раз о том, о чём я говорю! Душа поэта, пережившая его прах, не скована телесными узами. Она не следует предписанными маршрутами; она в любой момент и здесь, и там, и везде. Вот почему нынче Пушкин присутствует в Екатеринбурге так же осязаемо, как в Царском Селе, на Мойке, 12, в Михайловском, в Большом Болдине.

Наверно, не все со мной согласятся: там же, в пушкинских местах, дух его витает, а тут?... Не стану спорить, есть особая притягательность у «вещественных знаков», они дают возможность «соприкоснуться»: вот по этой аллее он, несомненно, проходил, этим пейзажем любовался, входил в эту дверь, сидел за этим столом, держал в руке это перо... Паломники посещают святые места, фанаты покупают за безумные (именно!) деньги безделушки, принадлежавшие знаменитостям. Но я – о другом. Не то, считаю, главное, что душой прикасаемся мы к пушкинскому, главное – что пушкинское носим в душе и через пушкинское нам раскрывается мир.

Поясню: мир не отражается в нашем сознании плоско, как в зеркале, а именно рас-

крывается в своей сути через наши понятия. Мы видим любой предмет так и в той мере, как его понимаем, а если понятия (в обиходе оно выражается словом) о чём-то нет – так вроде нет и предмета. Пушкин вооружил нас словами, позволяющими воспринимать «и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье»: «На море синее вечерний пал туман»; «Редет облаков летучая гряда»; «...передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты»; «Роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле»; «Уж небо осень дышало, уж реже солнышко блистало»; «Мороз и солнце; день чудесный!»; «Буря мглою небо кроет»; «Духовной жаждою томим»; «Сквозь волнистые туманы пробирается луна»; «Мне грустно и легко, печаль моя светла»; «Мчатся тучи, вьются тучи...»; «Безумных дней угасшее веселье»; «Октябрь уж наступил – уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей»... Сколько чутко подмеченных мгновений, наполняющих душу счастьем полноценного бытия. А ведь поэт не просто нам их раскрыл – он научил нас распознавать их в окружающей жизни. Как часто, оглядевшись кругом и ощутив движение в груди, мы не находим лучшего способа понять себя, как повторив пушкинский стих.

Но дело ведь не столько в словесных формулах: сам русский язык, с взвешенным смыслом слов, точными очертаниями значений, богатством красок, гармонией звучания, огранкой своей больше, чем любому другому мастеру словесности, обязан ему. Мы все по-пушкински (ах, лишь в какой-то мере) думаем, чувствуем и говорим.

Таким-то образом – крупицей своей души, избежавшей тлена, – Пушкин нынче присутствует в каждом из нас здесь и везде, «по всей Руси великой». Неуместно спорить, больше или меньше он присутствует в Екатеринбурге, чем в других российских городах и весях. Не больше и не меньше, а иначе, по-своему, что и составляет наше достоинство, нашу гордость и нашу ответственность.

Это у нас в столетие со дня рождения поэта Соборную улицу переименовали в Пуш-

кинскую; позже упростили (и зря): улица Пушкина. Но никакие безумства «возвращения к истокам» не позволят переименовать её снова в Соборную, потому что Пушкин – это свято и навсегда, а собор... Он людьми строился и людьми разрушен.

Это к нам «вихри враждебные» послереволюционных перемен принесли библиотеку Пушкинского лицея (какие-то из этих книг держал в руках Пушкин!), и её присутствие заметно увеличило плодородие культурной почвы, на которой разрослась уральская высшая школа. **А**

Памятник Пушкину в Екатеринбурге
скульптор Г. А. Геворкян, архитектор М. Г. Матвеев

Галина ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА

ЕКАТЕРИНБУРГУ

Осторожно ступайте!
Здесь камень священный,
Вчерашних раздоров серый гранит,
Вогульские капища, сопки живые,
Старообрядцев затерянный скит.
Здесь. В этом сумраке елей,
В чёрном таёжном развале,
В городе улиц безгласных
Погибли царица, невинные дети и царь.
И жатвы этой печальной
Мы на тризне столетней, жестокой
Пьём чёрной вины беспощадной
Вина зелена божий дар.
О град пресвятой Катерины!
Прости потерявших разум!
Согрей материнскою лаской!
Изумруда лучом освети
Грядущего просинь!
И свет пусть Кристалла Духа
Да воссияет в Чаше Любви!

КОГДА ЗАТИХНЕТ ГОРОД...

Когда затихнет город,
Когда взойдёт луна,
Когда устанет молот,
Когда уснёт струна...
Дыханье затаи:
В беззвучии ночном услышишь
Свирели перламутровый поток...
Вглядись: и в черноте
За северным окном увидишь
Мерцающий зелёный огонёк...
Когда затихнет город...
Когда взойдёт луна...
Миг жизни каждый снова дорог.
Свирель, любовь, молчанье, Тишина...

Владимир БЛИНОВ

ПУШКИН В ПЕТЕРБУРГЕ

Чуть было не перессорился со двором,
да всё перемололось...
Из дневника А. С. Пушкина

Сверкали люстры в десять тысяч свеч.
Свет Петербурга. Бал у государя...
Здесь не слышны шпицрутеных удары,
Здесь – шелест шёлка и томленье плеч.

Пленительны движения красавиц.
Мазурочка, печали утоли!
Как хороша сегодня Натали,
Как ей идут и бледность, и румянец.

Шампанского, ещё, ещё бокал,
Чтоб жар залить, чтоб боль не голосила.
За окнами – озябшая Россия
Да рваные по небу облака.

Всё перемелется? До боли сжались руки.
Свободы нету – и покоя нет.
И кружится в мазурке камер-юнкер...
И падает под выстрелом поэт.

У СВЯТОГО ИСТОЧНИКА В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Светлая льётся водица,
Рад говорить родничок...
С неба слетели синицы,
Из-под земли – старичок.
Очередь движется кучно,
Сбоку смиренно стою,
Чтобы не сделалось скучно,
Песенку тихо пою:
– Светлая, светлая, лейся,
люди Твоя напои,
Родина, родинка, песня,
жажду мою утоли.
В Доме писателя пусто,
Кажется, вовсе их нет.
«Пушкин! – воскликнуть бы, – Пушкин!
Дайте ему кабинет,
Лучший, с диваном, с камином,
Рядом – с шампанским ледник...»
С нами дорожкой недлинной
Он бы ходил на родник.
Даст тот и музу, и силу,
Главное в жизни – успеть...
Девушка, выпрямив спину,
Кружечку тянет: «Испей!»
Тихой улыбкой красива,
В яви, а может, во сне...
Что если это Россия
Чашу подносит ко мне?
Светлая, светлая, лейся,
люди Твоя напои,
Родина, родинка, песня,
жажду мою утоли.

ПРОЙДУТ ГОДА

Пройдут года, и новый человек,
Познавший тайны многия Вселенной,
Вступая в тридцать пятый век,
Откроет томик ветхий непременно.

Узнает про державную Неву,
Про бег коня и воздух в синих искрах,
И всё увидит будто наяву,
А в примечаниях прочтёт про декабристов.

ГОЛОС

*В день ангела моей матушки
Ксении Ермолаевны*

Он возвратится к книге вновь и вновь
И вдруг почувствует на лице дуновение!
Как от вина вдруг заиграет кровь,
И он прошепчет: «Чудное мгновенье...»

И станет сладко, жутко и легко:
Своя судьба в далёком узнавалась,
И что-то дрогнет в мускуле его,
В том, что когда-то сердцем называлось.

Он спешно пролистает интернет:
Кем автор был – пророк или мессия?
И вспыхнет объяснение – ПОЭТ,
А дальше слово снежное – РОССИЯ.

ОТЦОВСКОЕ ВИНО

Затейлив узор облигаций,
Далёк довоенный заём...
Погашен. Не надо оваций,
Мы знаем немало о нём.
Заводы, жильё, и плотины,
И трактор, и аэродром –
За всё вы, отцы, заплатили
Не только бумажным рублём.
И вот в полукруглом окошке
Игриво мелькнул маникюр,
И девушка, платье в горошек,
Вручила мне пачку купюр.
Меня поздравляли соседи:
«Наверное, сотенок пять?»
Процентный, отцовский последний...
И тихо заплакала мать.
И близким далёкое стало.
«Ох, кабы не эта война,
Ещё бы прожил он немало,
Мы выпили б вместе вина».
Сквозь старые липы и клёны
Пробился полуденный блик,
Лежали на синей клеёнке
Червонцы, пятёрки, рубли.
Цветы отцвели и засохли.
Промчались года, как в кино,
Но хлеб мы жевали отцовский,
Отцовское пили вино.

Чей это голос почудился мне,
Кто это машет рукой
Там, под окном?.. Или это во сне?
Кто ты, откликнись, постой!
Снежная шаль... Даже глаз не видеть.
Нет, это всё неспроста,
Сумка холщовая... Надо подать
Страждущей ради Христа.
Голос сквозь вьюгу расслышать хочу,
Жест разгадаю немой.
Утром я Ксенью поставлю свечу
В память и за упокой.
Буду я с женщиной той говорить,
И, заглушая метель, –
Слышу – она мне: «Добро сотвори,
Скоро – пасхальный апрель.
В деньгах нет славы,
А в славе – любви,
Дружбой ты только богат,
Не позволяй себя лестью обвить,
Кисел её виноград.
Не возгордись на высоком посту,
Помни, откуда ты есть,
Сирых укрой. Приглашая к костру,
Дай им испить и поесть».
Силилась что-то ещё досказать,
Ветром сорвало платок...
Я наливаю в пунцовый стакан
И отпиваю глоток.
Всё ж до конца мне опять не понять –
В лампе прибавлю огня –
Кто это был: может, Родина-мать,
Может быть, мама моя.
Лёд на стекле я ладонью сотру –
В ветрах рябиновый лик...
Кто это снова пришёл поутру,
Кто там к окошку приник? А

Наталья ШАРНИНА

Председатель Пушкинского клуба Екатеринбурга и Ассоциации Пушкинских клубов Свердловской области. Работала на Первоуральском новотрубном заводе инженером-электриком, метрологом. Ветеран труда. Почётный новотрубник. В 2011 году окончила Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности «литературный работник». В 1993 году организовала Пушкинское общество в Первоуральске; диплом коллективного члена Всесоюзного Пушкинского общества подписал его председатель академик Д. С. Лихачёв. Автор поэтических сборников. Печатается в литературных сборниках и альманахах. Мечтает о создании литературно-краеведческого музея А. С. Пушкина. Автобиография приведена в книге В. Осипова «Просветители Екатеринбурга» (2013).

ВСТРЕЧА ВО ФЛОРЕНЦИИ

Время и место этой встречи назначила Анна Георгиевна Воронцова-Вельяминова, филолог и переводчик по специальности, прапраправнучка А. С. Пушкина. Она живёт во Флоренции и является старостой общины русской православной церкви Рождества Христова. В Италии не зовут по отчеству, и я буду для краткости называть Анну Георгиевну Аней, с её на это согласия. Вся моя семья – муж, две дочери, внук, внучка, зятя – инженеры: электрики, металлурги, строители. Младшая дочь Татьяна живёт в Италии, работает гидом-переводчиком, и поэтому я летом еду в любимую Италию. Встреча с Аней не случайна, я к ней стремилась – мне надо было поблагодарить её: когда Таня начала изучать итальянский и первый раз приехала во Флоренцию, Аня помогла ей продлить срок обучения, предоставив свою квартиру, а сама уехала в Париж по делам и к сыну (доброта пушкинская). Но главным было желание познакомиться с потомком Пушкина. Для меня,

как и для многих русских моего поколения, – это свято. Пушкин в наших генах.

Накануне Таня позвонила из Гроттамаре, где она работает и куда я приехала с внуком Алёшей на три недели, и договорилась о встрече. Ехать до Флоренции четыре часа на микроавтобусе. Выехали в пять утра. Алёша – десятиклассник, высокий, худой, кудрявый блондин с голубыми глазами, всегда с видеокамерой. Горная дорога очень живописна. Был жаркий июньский день. Встреча состоялась у баптистерия (крещальня) Иоанна Крестителя (сооружен в XI веке), рядом с собором Санта-Мария-дель-Фьоре (название переводится на русский как «Святая Мария с цветком»). Мы увидели статную светловолосую молодую женщину в тёмно-синем цветастом платье-сарафане, на шее – нитка синих лазуритовых бус. Благородное открытое лицо, большие серые глаза, модная стрижка, добрая улыбка. Таня нас представила. Обнялись, как будто раньше были знакомы. Я бла-

годарил Аню за дочь: «Может, ваше участие круто повернуло её жизнь». – «Да Танечка и сама была молодцом. У неё были успехи в итальянском», – ответила она. Сама Аня владеет четырьмя языками: русским, французским, английским, итальянским. Во Флоренции живёт тридцать лет. Лингвист, синхронный переводчик.

– Каким временем вы располагаете? – спросила Аня.

– Три часа. Нам необходимо вернуться в Гроттаммаре с экскурсионным автобусом, – ответила я.

– Как бы вы хотели его провести?

– Мы полностью в вашей власти.

Подошли к самым знаменитым воротам баптистерия – Восточным, выполненным Гиберти. «Врата рая» – назвал их Микеланджело. Микеланджело говорил о соборе: «Трудно сделать так же хорошо. Нельзя сделать лучше». Мы слушали о шедеврах искусств, истории и мастерах-создателях из первых уст, от лучшего гида Флоренции Ани. Картина Доменико ди Микелино «Данте и Божественная комедия» – Аня рассказывает о кругах ада, о Данте. Я спросила:

– Данте для Италии как Пушкин для России?

– Да, наверное, так, – был ответ.

Не знаю, как Данте, но Пушкин для русского человека неизмеримо больше, чем поэт. Путь наш был на улицу Данте, к его дому. Это копия дома, настоящий разрушен. Всю низость человеческого бытия Данте испытал сполна. Подошли к церкви, где Данте венчался и где похоронена его возлюбленная Беатриче, прожившая всего 25 лет. Выходим на площадь Синьории, окружённую дворцами и скульптурами. Перед Палаццо Веккьо знаменитая копия Давида работы Микеланджело и скульптурная группа «Геркулес и Какус». И тут Аня пригласила нас пообедать. Посидеть нам уже хотелось. Ресторанчик был уютный, прохладный, и, пока официант накрывал на стол, поговорили о своём, близком. Отец Ани Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов, праправнук Пушкина, почти всю жизнь прожил в Париже, был страстным пушкинистом.

В Советском Союзе бывал многократно. Его прадед Александр Александрович – «Сашка рыжий». Сестра Ани Надежда живёт в Париже, и её дети не говорят по-русски. Георгий Михайлович скоропостижно умер 20 декабря 1982 года. У Ани во Флоренции гостил часто, любил общаться с внуками Степаном и Катей. Сейчас Аня живёт со Степаном, тоже переводчиком с русского. Дочь Катя замужем за итальянцем, художником. Первому внуку Мише два года, второму – Пете – всего месяц. Аня говорила о внуках, о том, как Катя учит Мишу общаться с братиком, чтобы не было ревности. По моей просьбе Аня написала пожелание детям интерната Первоуральска,

Потомки А. С. Пушкина Михаил и Пётр у православного храма во Флоренции, 1996 г.

А. Г. Воронцова-Вельяминова и Н. В. Шарнина, 1996 г.

девятому классу – коллективному члену Всероссийского Пушкинского общества:

«Дорогие ребята! Желаю вам счастья и успехов в учёбе и в жизни. Пусть любовь к Пушкину будет радовать вас и помогать вам. Сердечный привет. Анна Воронцова-Вельяминова».

Аня рассказывала о друзьях в Москве, Петербурге. Принесли рыбу, мясо, красное вино, салат, всё было вкусно, сытно и быстро. Когда Таня хотела взять счёт, Аня ей его не показала: «Нет. Это моя идея. Я хозяйка».

Расставались трогательно. С особой теплотой Аня смотрела на Алёшу.

– Не заметите, как ваши будут такими же большими.

– Ну что вы, это так долго.

На прощание обнялись, расцеловались. Анна Георгиевна быстро удалялась по набережной Арно.

Растут во Флоренции прапрапраправнуки нашего гения Александра Сергеевича – Михаил и Пётр. Я знаю, русскому языку, доброте их научит бабушка, человек широкой души и высокой культуры.

Надежда Ушакова

ПАМЯТНИКУ А. С. ПУШКИНУ В МОСКВЕ

Задумчиво и отрешённо
Стоит над миром суеты,
Простив ему несовершенство
Своей мечты,

Простив ему незавершённость
Судьбы и снов,
Оставив нам незащищённость
Звнящих слов.

А жизнь течёт у пьедестала,
Неудержимо кружит нас.
Непостижимо вечной стала
Поэта власть.

И что бы ни наколдывала
Судьба годам,
Причастен к каждому началу
Он навсегда.

Адольф Алексеев. Пушкин в цыганском таборе. Х. м. 1998 г.

ДЕЛЬВИГ

*...О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.
С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали...*

А. С. Пушкин

Долгий путь поисков и надежд прошла я, прежде чем сказать Антону Дельвигу по-родственному: «Здравствуй, мой Дельвиг!»

В далёкие 60-е годы появилась в нашей семье моя бабушка по отцу, Лидия Ивановна Левицкая, переехавшая к нам из Калуги. Годы репрессий, которых ей не удалось избежать, не прошли даром. Она никогда не рассказывала о своей нелёгкой судьбе. А мы с братом, совсем ещё «зелёные», ни о чём её не спрашивали. Жили своей молодой жизнью...

Мой дед Пётр Петрович Левицкий – сын потомственного дворянина Тульской губернии штабс-капитана Петра Петровича-старшего и его супруги Россы Александровны, урождённой баронессы Дельвиг (племянницы барона Антона Антоновича Дельвига). Участник Первой мировой войны, был награждён орденами Святой Анны с надписью «За храбрость», Святого Станислава и орденом Святого Владимира с мечами и бантом. В 1915 году после ранения был направлен в полк Забайкальского казачьего войска, где принял 4-ю (Штандартную) сотню. Вместе с семейством (женой Лидией Ивановной и сыном Андреем – моими бабушкой и отцом) он был зачислен в войсковое сословие станицы Знаменской. Произведён в есаулы, принял должность помощника командира по хозяйственной части. Связь с Петром Петровичем оборвалась, когда Лидия Ивановна с сыном уехала к своей матери в Смоленскую область... Далее – много смутного, неясного. Но я продолжаю поиск своих корней...

К сожалению, я не знаю, собираются ли Дельвиги со всего мира. Но я общаюсь с

Дельвигами из Москвы, Англии. По сообщению из Англии от Алексея Александровича Дельвига, наши шведские родственники скоро выпустят книгу о роде баронов Дельвигов. У них есть моя книга «Здравствуй, мой Дельвиг!».

С. А. Левицкая

Книга имеется также во многих музеях, в лицее, в Музее-квартире А. С. Пушкина, библиотеках Российской академии наук, Санкт-Петербурга, Российской национальной библиотеке, в частных коллекциях России, СНГ и за рубежом: в Англии, США, Швеции, Шотландии.

А ещё хочу рассказать о доме поэта, который благодаря любви к Дельвигу и Пушкину удалось отстоять петербуржцам. 19 октября 1968 года, в лицейскую годовщину, в связи со строительством нового павильона метро (станция «Достоевская») дом подлежал сносу. Люди, которым был дорог пушкинский Петербург, пришли на Владимирскую площадь, чтобы отстоять дом 1 по Загородному проспекту, где в последние свои годы (1828–1831) жил русский поэт барон Антон Антонович Дельвиг. Стихийная «лицейская сходка» оживила Владимирскую площадь звуками труб. В проёмах окон дома Дельвига вспыхнули факелы, и на всю площадь прозвучала запись незабываемой речи любимого лицеистами преподавателя А. П. Куницына. И ещё было сказано о значении этого дома для истории пушкинского Петербурга. Люди пели под гитару «Прощальную песнь воспитанников Царскосельского лицея» на слова Дельвига. А в заключение трубачи исполнили «Гимн великому народу» Р. М. Глиэра. Благодаря организаторам этой акции дом Дельвига выстоял. «Не зарастёт народная тропа» к дому, где некогда собиралась их «бедная кучка». Этот дом можно было бы превратить в Дом-музей русского поэта барона А. А. Дельвига. Вот это был бы ПАМЯТНИК ПОЭТУ! ▮

Светлана ЛЕВИЦКАЯ,
член Пушкинского общества города
Екатеринбурга

Борис ТЕЛКОВ

Морока – морошка...

Поэт издали любовался Женой. Она стояла у огромного зеркала, светясь сознанием своей юной красоты. Сёстры щебетали рядом, воруя у неё восхищённые мужские взгляды. Вот она заворуженно подняла руку, заправляя золотой серпантин локона, лёгкий рукав упал, обнажился локоток с трогательной ямочкой. Поэту нестерпимо захотелось подхватить Жену на руки, удрать с этого бала, бросить дур-сестёр усатым гвардейцам – и на санях по ночному морозцу, а там, укрывшись тяжёлой шубой, целовать, целовать тугие холодные щёки...

Поэт при людях не решался подходить близко к Жене – он был невелик ростом и по-нездешнему странен лицом, когда-то взвихренные вдохновенные кудри поредели, волосы обывательски обвисли, робко проявилась небольшая, стыдливая, как тайный грех, плешь. «Моя рыжая косая Мадонна...» – с нежностью и какой-то особой недосыгаемостью подумал он о Жене, и тут же резкая боль и тяжесть в затылке запрокинули его голову назад... Поэт понял – это опять подкрался Белый Охотник и, ликуя, поднял над ним скрещённые руки, изображая ветвистые рога.

* * *

Лось предчувствовал, что обречён, – весёлый и дерзкий Охотник шёл следом. Но было нечто важное, хотя и необъяснимое, что привлекало зверя в этой встрече, сдерживало его нервный шаг, когда разудалая песня убийцы раздавалась совсем близко. И дело не в Охотнике, он всего лишь исполнитель, только ЭТО не должно произойти здесь, в чахоточном осиннике, уже окровавленном плевками листьев. Лось уводил стрелка в глубь леса, на сквозной простор заветной поляны...

* * *

Поэт резко обернулся – один и шёпот толпы, как шелест листьев: «Рогоносец... грубиян... кокую...» Он перевернул взглядом пестроту нарядов – искал белый мундир и белокурую голову своего Охотника. Да! Ты оказалась права, кофейная ведьма, нагадав однажды: «На тридцать седьмом году жизни берегись белого человека, белой лошади или белой головы...»

А-а, вот и он, красавец-офицер, безукоризненный победитель женских сердец! Удивительно, как в этом светском вертопрахе и дамском угоднике много общего с героем его поэмы, да и с ним самим в молодости. Как говорила няня: «Красивым никогда не был, но молод был». А его приятель Живописец вторил ей: «Счастливый Поэт – смеётся так, аж кишки видно!»

Стихотворец поскрёб бакенбард ногтем, длинным, холёным, с лиловым оттенком: «Литературные герои открывают на автора охоту и убивают его». Досадно, что вся эта история именно сейчас, когда многое изменилось в его жизни. Да и перед государем неудобно... Не раз бывало, что он не мог сдержать разгула своего мятежного дарования и переходил дозволенное. «Ты довольно шалил», – грозил император Поэту пальцем.

Вот Охотник, жмурясь ласковыми глазами, отделился от толпы и легко, почти танцуя, скользнул по паркету к трём сёстрам. Поэт заметил, как мгновенно порозовели щёчки его Жены. Боже! Нет, нет, не здесь – он бросился к своей юной супруге, схватил её за руку – и к выходу. Им уступали дорогу. Поэт почти бежал, склонив голову под бременем невидимых рогов, волоча следом лепечущую от стыда Мадонну: «Ах, мой друг, ну зачем ты...» А вслед: «Каков уродец!»

* * *

Кустарник трещал под копытами могучего зверя, рогами он крушил низкие для него ветви, мелкая живность забивалась в норы.

Охотник был достоин своей жертвы: он не упускал её из вида и не осквернял охоту поспешностью, суетой – зверь слишком уж хорош, чтобы убить его просто так...

* * *

Поэта всю жизнь снедал жар, в момент вдохновения, радости или гнева он мог в одночасье вспыхнуть соломенным факелом, жар спекал его изнутри, как торфяной огонь болото, гудел в нём ночами, от этого кожа была так смугла. Сочиняя, для безопасности он всегда держал перед собой графин с водой и льдом, а будучи приглашённым в гости, вдруг убегал в умывальную комнату, остудить голову. Полыхание в крови досталось ему от предков – воинственных черногорцев Восточной Африки, но северная созерцательность разбавила негритянское безумие: если прадед Поэта был страшен и чёрен, как ночной кошмар, то мать его – уже миловидная креолка, с мягкими жёлто-леопардовыми ладонями.

Тёмное лицо стихотворца, вытянутое, с приплюснутым длинным носом, чуть отвислыми презрительными губами, заросшее кучерявыми бакенбардами, со сведёнными к переносице, слегка навывкате глазами, напоминало морду надменного животного, гордого своей силой и древностью рода.

* * *

Лось ошибся: на том месте, где он надеялся выйти на поляну, годную для любви и поединка, оказалась хлябь болота. Редкие деревца болезненно согнуты и покрыты зелёными стружьями лишая, а когда он проткнул острым копытом зыбкую твердь, как бумагу, выступила чернильная зловонная жижа. Лось остановился, тяжело дыша. Пожалуй, довольно... На поиски прекрасной поляны у него не хватит сил, да и Охотник не позволит. Зверь попил

воды из лужи, прислушался. На его бороде дрожали капли, отражая перевёрнутый лес. Где-то сухо треснула ветка. Идёт... Лось медленно повернулся на звук.

* * *

«Нет! Только дуэль», – резко ответил Поэт, запахнулся в доху и сел в сугроб. К вечеру студенистые облака потемнели и уже цеплялись за макушки елей. Пуржило, и сам воздух казался колюч. Хотелось широко вздохнуть, уехать далеко, туда, где покой. Последние годы его засасывала какая-то чужая жизнь, он никак не мог из неё выбраться, она душила его. Ему всюду корчили рожки из-за мраморных колонн: «Поэт, где твои новые стихи?! Верни наши денежки, сочинитель!!! Эй ты, рогоносец!..» Её-то бы не трогали, она совсем ещё молодая иглупая, она ещё не видела ваших зубов, господи...

Поэт взял комочек снега и жадно съел его, гася внутренний жар.

Секунданты, чёрные и надменные, как вороны, бродили по заснеженному полю, неторопливо отмеряя шаги, – сначала двадцать, а потом – десять. На рубеже сброшены шинели. Они лежат ничком, как уже убитые.

Ах, как ему всё это знакомо! По молодости он часто ходил к барьеру, не раз воспевал поединки в стихах и прозе, да и в прошлом году дважды снимал перчатку. Слава богу, за всю жизнь никого не убил, хотя, стреляя в дерево, мог насадить пулю на пулю.

Его друг, секундант, молча подал ему пистолет. Не прячь глаза, Полковник, ты сделал всё, чтобы не было этой дуэли – пока мы ехали сюда, пили лимонад в кондитерской, не раз встречали румяных и шумных друзей, возвращавшихся с катаний, даже разговаривали с ними, я видел, как ты ненароком ронял пули, чтобы привлечь их внимание, но они были слишком веселы и рассеянны, спешили домой к самовару и к рюмке водки. К счастью, моя Мадонна близорука – ведь мы видели и её... Не кори себя, Полковник, а если что... прощай, дружище!..

Ах, как душно!..

* * *

Когда Лось впервые увидел своего Охотника, он недовольно щёлкнул трубчатыми ушами, шумно вздохнул – неужели его смерть будет исходить от такого жалкого существа? Зверь готовился к схватке с неведомым лесным исполином и не ожидал такого позора.

Оскорблённый, он, презрительно фыркнув и склонив рога, пошёл к кусту, где притаился Охотник, и чем ближе Лось подходил, тем уверенней, упряме становился шаг, в его мелких глазах зажёгся древний огонь боевого азарта.

* * *

Лишь повстречавшись с пулей, Поэт смог вздохнуть полной грудью. Он вновь, всей кожей почувствовал жизнь, стал радостен и не верил, что ранен смертельно. Почти лежа, он пальнул в своего противника, но когда увидел, что тот упал, почему-то испытал досаду. Всю дорогу, кровавая доху, стихотворец шутил, как будто возвращался с пикника и слегка перебрал.

Дома с него срезали новый сюртук с дырочкой от пули величиной с ноготок – несколько дней назад на примерке у портного он довольно крутнулся перед зеркалом: «Эту выползину я нескоро сброшу». Поэта положили среди книг, его друзья – Романтик и Собиратель слов – не отходили от дивана. Жену проводили под руки в соседнюю комнату, чтобы не увеличивать общие рыдания. Появился лекарь, толстенький, стеснительный, боязливо осмотрел раненого и, не смея лгать Поэту, покраснев, всхлипнул виновато.

Умиравший поблагодарил лекаря за искренность.

* * *

Противник поступил нечестно с Лосем. Он не вышел ему навстречу, а нанес удар в брюшину раньше, чем зверь добежал до кустов. От сильного толчка и жжения в животе подкосились задние ноги, и удивлённый Лось повалился набок. Он не ожидал и не хотел такой скорой и нелепой развязки, зверь

жаждал схватки лицом к лицу, он попытался вскочить на ноги, но через несколько шагов рухнул всей тяжестью, теперь уже навсегда, в мягкую мшистую постель...

* * *

Поэт попросил лекаря съездить к императору и вымолить прощения для себя и Полковника. Всю ночь умирающий со смирением ожидал ответа и успокоился лишь тогда, когда ему показали бумагу, на которой государь собственноручно начертил карандашом: «Умри христианином. О жене и детях не беспокойся...» Поэт исповедался, причастился Святых Тайн. Всё это время за окнами слышалось людское движение и испуганный шёпот. Комната, в которой умирал Поэт, была как камень в ручье. Потом он простился с Женой, детьми, книгами и вдруг перед смертью пожелал мочёной морошки. Отведав несколько ложечек, он прошептал еле слышно: «Ах, как хорошо!..» и вскоре тихо умер на руках у Собирателя слов.

* * *

Лось приоткрыл тяжёлые веки – глаза его подёрнулись белёсой смертной мутью, как водная гладь травяной ряской. Хотелось пить. Огонь выжигал потроха. Прямо перед его мордой на кочке багровела россыпь крупных болатных ягод. Напрягши остатки сил, он потянулся к ним губами, как для детского поцелуя, оторвал несколько бусинок, но, так и не проглотив, умер. Нижняя вислая губа его с прилипшей легкомысленной травинкой дрогнула, будто Лось перед смертью чему-то усмехнулся.

* * *

– Ох и знатный зверь! Да ещё с первого выстрела – пуля-то небось до сих пор в брюхе сидит... Вы её не бросайте, барин, ещё разок стрелнуть можно – не промахнётесь, верная примета.

– Я не суеверен. Возьми её себе, Мартынка!..

Борис ТЕЛКОВ

ШАПКА МОЮМАХА

Как показала история, писателям тоже изменяют жены.

Последние полгода, что Лапушкин корпел над романом, он чувствовал в доме тревожный запах измены. Сочинитель никак не мог понять, откуда этот запах: может быть, Наташа принесла его в дом на ворсинках пальто, или он исходил от разорванной в конфетти записки, которую Лапушкин нечаянно обнаружил на дне её сумочки, а может, это был просто-напросто запах турецкой огненной хны, от которой у жены вдруг полыхнули волосы.

После того как Лапушкин отвёз детей в деревню к родителям жены, запах стал удушлив. Он выживал писателя из дома, мешал работе – последние страницы романа ему пришлось дотписывать в ванной комнате.

* * *

Редактор долго читал роман. Всё это время сочинитель не жил. Он коченел, как рыбацкая «малинка» в холодильнике. Был на сохранении. Лежал на диване до востребования.

Лапушкин деликатно выждал все новогодние праздники и лишь после этого возник в дверях редакции.

Маленький, похожий на старого мудрого крыса редактор сидел один в холодном огромном кабинете и догрызал зачерствелый пряник, прихлёбывая жидкий конторский чай. Увидев молча вопрошающего Лапушкина, он поднялся с кресла, стряхнул с брюк крошки и пожал писателю руку, ободряюще, но осторожно, как родственнику умершего.

Лапушкин не стал спрашивать подробности. Он сам догадался, что его последний роман не жилец, особенно вторая часть, рождённая при запахе измены.

Кое-как добредя до дома, сочинитель застал жену с прапорщиком Сидоренко. Они сидели на кухне за бутылкой вина. Лапушкин появился вовремя или нехстати – это с чьей точки зрения посмотреть – на щеках пирующих уже поигрывали пятна сытости и азарта.

Наташа работала в воинской канцелярии, поэтому некоторые праздники они встречали в офицерском клубе, где Лапушкин волей-неволей был представлен всем командирам. Сидоренко показался ему особенно

ненавистным из-за надменно прищуренного левого глаз, гренадерского роста и манеры при встрече фамильярно похлопывать, почти бить по плечу с такой силой, что не все могли удержаться на ногах.

Наташа слегка смутилась, увидев заснеженного снаружи и холодного внутри Лапушкина, но Сидоренко лишь цвиркнул дыркой в зубе.

– А-а, отец-командир пожаловал! – Не поднимаясь со стула, он перекинул хозяину через весь стол длинную, как мост, руку, едва не сбив локтем бутылку. Самовлюблённо скрипнула кожаная амуниция.

– Не вижу радости на ваших лицах, – ледяным голосом произнёс Лапушкин и спрятал свои руки за спину.

Сидящий прапорщик и стоящий писатель оказались одинакового роста, только у одного из них оставалось в резерве ещё полметра презрения. Они смотрели друг другу в глаза.

– Лапушкин, не устраивай сцену, – строго предупредила его жена – она не любила мужнего вольнодумства. – Ничего такого не произошло, просто у Игоря сегодня день рождения.

– День рождения отмечают в кругу своей семьи, а не с чужой женой Я бы попросил вас, господин прапорщик, немедленно отправиться по месту службы. – Писатель был человек скромный, начитанный и ругался только на языке классики.

– Ах-ах-ах! Фу-ты ну-ты, какие мы страшные, какие грамотные! – Прапорщик пощипал себя за кадык и, растягивая наслаждение, начал медленно подниматься, тем самым как бы вгоняя Лапушкина в пол. Распрямившись во весь рост, он прогудел откуда-то сверху: – А вот и не уйду! Что тогда? – Наблюдая беспомощность Лапушкина, левый глаз Сидоренко корчился в усмешке.

– Я? Я... дам вам пощечину! – вспылил писатель и покраснел.

– Штэ? Пэщечину? То бишь – по морде? – Прапорщик приложил к уху ковшик ладони, как бы плохо слыша с высоты, наклонился в Лапушкину: – А ты допрыгнешь, суслик ты маринованный, таракан беременный, а?

– Всё, мальчики, пошумели, мир-мир. – Встревоженная уже не на шутку Наташа попыталась протиснуться между ними, смягчить собою столкновение, но прапорщик и писатель почти одновременно отодвинули в сторону её самоотверженное тело.

Следом за этим Лапушкин неловко ткнул кулачком прямо в челюсть Сидоренко. Сочинитель внутренне содрогнулся от брезгливости, коснувшись рукой щетинистого подбородка своего врага, поэтому удар получился почти символическим.

– Что? Что это?! – тем не менее изумился, даже растерялся прапорщик. – Наталья, ты видела, он что, меня ударил?

– Да. И ударю ещё, если вы не пойдёте вон, – с детства не выношу запах ваксы и тройного одеколona, – с тихой мстительностью сказал писатель, весь сжавшись и чувствуя, что, пожалуй, переборщил.

Очнулся он уже под вешалкой.

– Я убью вас, убью... – сквозь не послушные ему слёзы шептал Лапушкин, шаря вокруг себя в поисках очков. Он пытался подняться, уцепиться за ближайшую одежду, висевшую на крючке, но петелька не выдержала, и сочинитель рухнул вместе с шинелью прапорщика.

– Я тебя сейчас петельку заставлю пришивать. – Сидоренко рванул на себя шинель и, как кошку, сбросил с неё жалко барахтавшегося Лапушкина. С досадой осмотрев вырванный клочок подклада, с презрительной назидательностью сказал: – Не умеешь драться – не лезь! От армии тоже небось в своё время закосил? В постель мочился? Попался бы ты в мой взвод, ух!..

– А вы своих солдат бьёте! Я сам видел... – с дрожью в голосе выкрикнул Лапушкин и подумал, откуда ему знакома эта ситуация. Ах да – Лев Толстой, «После бала»!

– Я их жизни учу, мышь ты бумажная! Чтобы такими, как ты, недоделками не были. – Тщательно причесавшись перед зеркалом и сдув с расчёски волосы на палас, он пророкотал уютно, почти интимно: – Ну, я пошёл, Наталья Николаевна!

И почему-то не уходил, как будто ожидал чего-то. «Они всегда перед расставанием

целовались...» – уже с наслаждением мучая себя, домыслил Лапушкин и посмотрел на жену. Наташа, подперев щеку рукой, ложечкой выводила на скатерти вензеля.

Потоптавшись в дверях, Сидоренко хмыкнул, похлопал себя по карманам в поисках папирос и, нагнув голову, вышел.

В доме некоторое время было тихо. Наташа тупо сидела за столом, Лапушкин валялся под вешалкой. Он лежал с закрытыми глазами, чувствуя тошноту и то, как садняще пухнет левая сторона скулы.

Вот жена громко вздохнула и этим самым как бы поставила точку в своих горестных размышлениях. Потом она собрала посуду в стопку и отнесла на кухню. Когда Наташа вернулась с тряпкой, чтобы вытереть со стола, мужа под вешалкой уже не было.

– Лапушкин? – встревоженно позвала она его, хотела заглянуть в спальню, но заметила приоткрытую дверь на улицу, почувствовала холодок по полу, по голым ногам и... заплакала.

* * *

Лапушкин спешил к своему студенческому приятелю Ковалёву. В отличие от бедного писателя, тот уже давно сделал выбор между красивой метафорой и ветчиной в пользу последней, поэтому жил в дорогом высотном доме, а Лапушкин прозябал в хрущёвке.

Было уже совсем темно, пуржило, когда продрогший писатель вышел из троллейбуса и побежал к высотке. Он уже десять раз повторил про себя всё, что скажет Ковалёву. В холле дома огромный сержант в пятнистой жабьей форме, оглядев с ног до головы сочинителя, брезгливо спросил:

– К кому?

– В сто пятую, к Ковалёвым... – оробев и досадуя на себя за это, неестественно грубым голосом ответил Лапушкин.

– А-а, господин прозаик, – пропел хозяин и вытер сальные губы салфеткой. – Счастливчик, к ужину поспел... раздевайся, проходи. Вера! Гостю тарелочку оформи, пожалуйста.

– Ни-ни-ни!.. – замахал одной рукой Лапушкин, другой прикрывая разбитую скулу. –

Я на секундочку. Тут, понимаешь, такое дело некрасивое...

– Ну вот, начинается... – Ковалёв вздохнул, отвёл в сторону грустные сытые глаза. – И дома о делах! Хоть бы кто просто так зашёл.

– Не плачь, ещё надоем... Но сегодня – не могу!

– Ладно, говори.

– Даже не знаю, с чего и начать... – Писатель взял друга за помощь и не удержался от искушения слегка щёлкнуть резинкой по брюху. – Понимаешь, я сейчас от своего тестя. У него горе – собачку сбила машина, но не насмерть, хотя от животного сейчас мешок костей. Скулит страшно, мучается, плачет, как человек...

– Ты извини, дружище, мне тоже жалко скотинку, но я не знаю, чем помочь, у меня нет ни одного знакомого ветеринара.

– Тут доктор уже бессилён. – Лапушкин набрал полную грудь воздуха и выдал: – Мне срочно нужен пистолет.

– Пушка? Да где ж я её...

– Ладно уж, сочинять я и сам умею. Мне нужен пистолет, – твёрдо, почти резко повторил писатель и в упор посмотрел в глаза своему приятелю. – Не тяни время – собачка страдает. Завтра под вечер верну, заодно посидим, потреплемся.

– Ох, как бы я хотел тебе отказать, но не могу...

Лапушкин поглядел ему вслед и отметил, что у Ковалёва, как у всех толстых людей, ноги буквой «икс»: стыдливо стиснуты в коленях и разбегаются в ступнях.

В общежитие, где прапорщик Сидоренко снимал комнату, Лапушкин проник без труда. На вахте у разбитого телефона старушка вязала варежки и охотно поговорила бы как о каждом из жильцов, так и обо всех скопом.

– Дома он, полчаса как припёрся с двумя военными. Развесёлые такие, у одного сетка с пивом. Что с них возьмёшь – холостяжники!..

По доверительной интонации писатель догадался, что лично его бабуля отнесла к привилегированному разряду женатых и серьёзных мужчин.

Лапушкин вошёл в прокуренную комнату без стука в тот самый момент, когда

Сидоренко, согнувшись над столом, разливал пиво по стаканам. Его дружки сидели по разные стороны стола и увлечённо, с треском отдирали чешую от воблы. Мерзко чадила алюминиевая солдатская плошка с давленными червячками окурков. На койке, под плакатом с полуобнажённой красоткой, лежала грудa шинелей. Одна шапка, как отрубленная голова, валялась на полу посреди комнаты.

– Какие люди! – удивился Сидоренко, и по любопытству в глазах остальных военных сочинитель догадался, что в этой компании он герой анекдота «Муж уехал в командировку...». – Что, извиняться пришёл? Ничего, я необидчивый, могу даже пивка предложить. Хочешь?

Сидоренко достал из тумбочки ещё один стакан, небрежно посмотрел его на свет, дунул и опрокинул туда горлышко бутылки. Лапушкин, как загипнотизированный, смотрел на стремительно избегающие вверх пивные кружева в стакане, с ужасом сознавая, что ещё несколько секунд промедления – и он либо с позором выбежит из комнаты, либо малодушно сядет с прапорщиками за стол.

– Я пришёл вызвать вас на дуэль, – выдавил писатель из себя почти шёпотом.

Трагический лепет Лапушкина заглушило бряканье придвигаемых к столу стульев – наступил вожделенный момент первого тоста, краткого, как команда.

– Я пришёл вызвать вас на дуэль, – повторил сочинитель, но уже взвинтив свой голос до дребезжания.

Все трое медленно оторвали головы от стола, недоумённо переглянулись меж собой, потом внимательно посмотрели на писателя, пытаясь понять, что же он хочет. Тишина надулась, зависла под потолком огромным пузырьём и разорвалась в клочья диким хохотом. Колыхнулась красотка на стене, желая скинуть с себя последние лоскутки.

Маленький гость, втянув голову в плечи, молча достал из кармана пальто пистолет.

Смех оборвался. Сидоренко покраснел, нахмурился. Ему это уже не понравилось, и он отставил бутылку в сторону. Пена, покач-

нувшись на краю стакана, как акробат на канате, начала медленно опускаться.

– Ну ты чё, придурок, хочешь? Может быть, тебе ещё раз рыло начистить, а? – вояка сделал шаг в сторону Лапушкина.

Тот отступил назад и резко вскинул пистолет на уровне груди Сидоренко. Ствол лихорадило.

– Стойте на месте. Иначе дуэли не будет, пристрелю тут же.

– Ладно, хрен с тобой! – взбешенный прапорщик сорвал с себя галстук и забросил его в угол комнаты. – Зачем ты пришёл?

– Я вызываю вас на дуэль.

– Не глухой. Дальше!

– Завтра в четыре часа я жду вас в парке у городского пруда. Не забудьте захватить с собой пистолет и секунданта. – Неожиданно для себя Лапушкин оказался ещё способным на иронию.

– Я тебе, недоносок, не забуду! Я к тебе с автоматом приду, я из тебя дуршлаг сделаю! – взорвался Сидоренко и забегал по комнате, всё же не приближаясь к Лапушкину, стоящему с пистолетом наизготовку.

– Так я могу надеяться, что увижу вас в парке в назначенный мною час? – Чем более бесновался обидчик, тем спокойнее становился сочинитель. Напоследок он даже позволил себе откровенную дерзость: – Я могу быть уверен, что мне не придётся разыскивать завтра вас по всему городу?

* * *

Лапушкин не заметил, как вновь оказался на улице.

Сочинитель не чуял под собой земли, возможно, он летал: было слишком темно, и никто не мог этого видеть. Лапушкин чувствовал в себе необыкновенные силы – встречные мужчины почтительно уступали ему дорогу, стоя на обочине по колено в снегу, укутанные в роскошные меха женщины бросали на него любопытные взгляды, и однажды он слышал собственными ушами быстрый шепоток: «Кто это? Неужели, сам...»

Перед дверью Сидоренко писатель снял очки для придания мужественности своему облику, и теперь они лежали ненужные в кармане. Между тем Лапушкин видел всё четко и подмечал вокруг любую мелочь. Проскользнув мимо зеркальной витрины магазина, писатель отметил и даже не удивился тому, что его глаза остро светятся в темноте, как у кошки.

Лапушкин с детства, с первых самостоятельных строк смущался своей фамилии: в ней, как тигр в зарослях, притаилась другая фамилия – Великого Поэта. В университете его прозвали а-ля Пушкин, то есть «как Пушкин». Будущий писатель нервничал – в фамилии, переделанной на французский манер, он видел то скрытую издёвку, а то и тайный знак, вроде родимого пятна в индийском кино. Более того, в минуты вдохновения, когда всё замирало в Лапушкине от счастья, от высоты, он слышал возле самого уха чьё-то сдерживаемое любопытное дыхание. А сегодня на мягких лапах-лапушках проступили острые когти, длинные, с лиловым лунным отражением.

В широком пальто и развевающимся шарфе Лапушкин фланировал по проспекту до тех пор, пока на ночь не отключили фонари. Город отходил ко сну. Сочинитель не чувствовал холода, а январский ветер приятно щекотал скулы. Он поглядел на часы.

– Уж время за полночь, а Германа всё нет... – по-оперному, дурачась, пропел Лапушкин возле ярко освещённого ларька. Испуганно брякнула щеколда на маленьком, тюремного вида окошечке.

Пора было отправляться домой – ему надо многое успеть сделать до завтрашнего вечера, вернее, уже сегодняшнего. Лапушкин легко погнался за отъезжающим автобусом и успел запрыгнуть на оледенелую подножку. Вахтёрша в ватных штанах и пуховом платке прошла мимо него, смущённо потупив глаза...

* * *

Жены дома не было – после ссор Наташа перебиралась на два-три дня к подруге, тем самым давая мужу время обдумать своё

неразумное поведение. Всё складывалось как нельзя лучше. До дуэли оставалось чуть более полусуток, и эти часы писатель хотел провести наедине с собой, чтобы никто и ничто не могло отвлечь его от задуманного.

Лапушкин сбросил вольным барским жестом пальто на руки невидимого камердинера и прошёл на кухню. Поставил чайник на огонь. Переоделся, накинув на голое тело старый вытертый халат. Убрал с рабочего стола пишущую машинку, а вместо неё принёс гусиное перо. Его Лапушкин вырвал из хранящегося в кухонном столе птичьего крыла, которым Наташа сметала во время стряпни со стола муку. Он долго изучал учебник каллиграфии, пытаясь правильно зачинить перо. Чернил в доме не нашлось – они остались забытыми в детстве, в «непроливайке», поэтому пришлось довольствоваться тушью. Ему не терпелось поскорее припасть к столу – никогда ещё сочинитель не испытывал такой жажды! – но Лапушкин решил быть последовательным до конца. Вместо привычного стакана с растворимым кофе он заварил себе свежий чай, а блюдечко наполнил зелено-янтарным крыжовниковым вареньем – любимой сладостью поэта.

Наконец Лапушкин с благоговением обмакнул перо в баночку с тушью и старательно – перо с непривычки всё же цепляло бумагу – вывел на чистом листе: «Милостивый государь!» И тут произошла заминка: он не знал, чьим именем открыть свое эпистолярное наследие. В задумчивости сочинитель закрыл глаза и провёл по носу пером.

Пролетела невидимка-муза и коснулась его лица крылом...

Лапушкин с наслаждением, с брызгами слюны чихнул и почувствовал необыкновенную ясность в голове. Писатель понял, что сейчас для него совсем не важно, кому первому он адресует послание, – в нём клубились силы, достаточные для разговора со всем человечеством, – и Лапушкин вписал имя своего ещё детсадовского друга, нимало не смущаясь тем, что не знает его нынешнего адреса и вообще, жив ли. Просто сочинитель решил начать с истоков.

Он почти опорожнил баночку с тушью и лихорадочно зачинил не одно перо. Слова и мысли укладывались на листе так складно и плотно, держались друг за друга, как звенья, и казалось, не останови его, Лапушкин испишет всю бумагу в доме и доберётся до салфеток и обоев. Если первые письма были адресованы конкретным людям, в них упоминались события, произошедшие в действительности, то последующие опусы уже не имели адресатов и представляли собой вольные размышления автора. Язык его был язвителен, стиль изыщен, а мысли остры.

В доме напротив зажёгся свет в окнах, замелькали тени за шторами – люди собирались на работу, значит, седьмой час утра. Лапушкин с наслаждением и болью расправил онемевшие плечи. Заныла поясница. Он написал ещё одно письмо, краткое, последнее – жене, где сообщал, что ни в чём не винит её и просит прощения.

Некоторое время писатель ещё посидел за столом, уже в полудрёме, продлевая ощущение счастливой усталости – так старики не спешат в дом, греясь на завалинке под лучами заходящего солнца. Когда сон едва не свалил Лапушкина со стула, он смахнул полуманные перья в корзину для бумаги, а стопку незапечатанных писем оставил на краешке стола. Пишущую машинку сочинитель вернул на место, прощально погладив её рукой и накрыв клавиши тёмной салфеткой.

Лапушкин лёг на диван в халате и мгновенно уснул. Он покоился на спине, одна рука была прижата к груди, как у отъявленного дуэлянта.

* * *

Проснулся писатель в полдень. В окно светило мелкое пронзительное солнце в сверкающей снежной дымке. «Мороз и солнце. День чудесный...» Да, да, всё как при нём. Перед самым пробуждением Лапушкин видел сон, который счёл весьма занимательным и провидческим.

Сидоренко не угадал – писатель не увиливал от армии, а честно отбарабанил два года, и с тех пор служба частенько напоми-

нала о себе в кошмарных снах. Но нынешний сон был необычен.

Июльский зной. Высокое небо. Цветочная поляна на окраине леса. Карнавал насекомых, пение птиц. Лапушкин со своим армейским дружком идут по высокому травостоя и в полах гимнастёрок несут камни. Позади них плетётся толстенький благодушный генерал в расстёгнутом кителе и с фуражкой, полной земляники. Генерал аккуратно, девичьей щепоткой берёт ягоды и, зажмурившись от удовольствия, отправляет в рот.

Не доходя до леса, все трое останавливаются. Перед ними поваленное дерево, на котором поблёскивает ряд пустых консервных банок – перед увольнением со службы Лапушкин с другом должны показать свою меткость и сбить жестянки с сосны.

Даже проснувшись, он некоторое время чувствовал ломоту в плече от резких взмахов руки! Он обратился в единое желание: «Сбить! Сбить!» Вот, звякнув, слетела с дерева одна банка, другая, третья... Наконец осталась последняя, но сколько солдаты ни пуляли камнями, она стояла незыблемо. Лапушкин долго прицеливался последним камнем, зашвырнул – мимо... Всё, конец. Бойцы повесили головы, вяло отряхнули руки.

Генерал укоризненно оглядел солдат, вздохнул: «Эх, ребята, ребята, не порадовали...» Они опустили головы ещё ниже. Генерал поцокал языком, покрутил лысой головой. Потом махнул рукой и передал картуз Лапушкину: «Ну ладно, учитеесь!» – и, расстегнув ширинку галифе, напором струи ловко сбил банку с бревна. «Вот так, сынки, помните мою доброту...» – и, забрав фуражку с земляникой, пошёл к лесу, мелькая алыми лампасами и мурлыча какой-то браваурный марш...

Лапушкин посмотрел на будильник. До дуэли оставалось почти четыре часа. Он хотел написать ещё несколько писем, как вдруг сочинителя словно ошпарило током: «Сани! Я должен появиться у пруда в санях!»

Лапушкин кинулся в ванную комнату, долго фыркал водой. Бреясь перед зеркалом, подумав, не тронул лезвием щёки. Из шкафа достал белую праздничную рубашку, вместо

галстука повязал на старинный манер чёрный бант младшей дочери. Писатель немного смутился перед жестяной коробкой из-под печенья, где хранились семейные деньги, но всё же отсчитал несколько бумажек – сегодня он мог позволить себе подобную вольность.

Перед выходом из дома Лапушкин достал из кармана пистолет. Его чёрная угрюмая тяжесть уютно перетекла в ладонь. В другом кармане сочинитель нащупал забытые очки. Взяв за дужку, он отнёс их в мусорное ведро – плохое зрение осталось в прошлом.

Лапушкин вышел на улицу и не затерялся в толпе. Он, как и вчера, улыбался встречным женщинам, и они отвечали ему взаимностью. Лапушкин дышал стихами классика, но порой случалось, что кто-то нашёптывал ему неведомые стихи. Возможно, они были его собственные, но нынче писателю это казалось не важным.

По проспекту за людьми гонялся снежный ветер, прохожие норовили скорее прошемыгнуть в магазин, в подъезд дома, лишь Лапушкин шёл прямо, помахивая в ритм стихов перчаткой, и казался выше всех.

Лёгкий цветастый шарф небрежно лежал вокруг его шеи, виднелся белый уголок рубашки и бант – бабочка-траурница.

На рынке он сразу же угодил в пёстрый цыганский круговорот – шумные и толстые, как матрёшки, гадалки ещё издали выделили его из толпы озабоченных людей. Они брали Лапушкина за руки, он смеялся, ему нагадали суший вздор – долгие лета, красавицу жену, золотые горы, писатель же, хохоча, кричал: «Не то! Не то! А где же белый офицер? Белая лошадь?» Цыганки так и не поняли, что он хочет, впрочем, не обиделись, ибо сочинитель наградил их щедро.

Лапушкин отыскал на рынке мясной ряд, куда с ближайших деревень привозили мороженые глыбы мраморных туш. Он пришёл в ужас и восторг от увиденного – всюду торжествовала плоть. Коровьи туши с задранными вверх рядами ребер напоминали ему остовы кораблей. Жёлтые, уже подпалённые свиные головы приветливо щурились пьяными глазками; сжавшись в багровый комок, презрительно

мерцала таинственная печень; по-музейному, в ряд лежали доисторические копыта для холодца. И венцом этого разгула плоти была плаха с палаческим топором, огромным, неподъёмным, с засаленной блестящей ручкой...

Восхищённый Лапушкин несколько раз прошёлся по ряду, вглядываясь в суровые и торжественные лица торговцев мясом. Долго выбирал лошадь. Наконец его выбор пал на крепкого бородатого старика, который, продав мясо, уже укладывался в сани, чтобы ехать домой, в деревню.

– Как тебя зовут, братец? – как можно любезнее спросил сочинитель.

Старик медленно повернулся на голос и с хмурой внимательностью осмотрел Лапушкина. Он почувствовал исходящую от незнакомца странность, и только это помешало ему ответить хлётко на такое барское обращение, как «братец».

– Да какой же я тебе «братец»... Чудной ты, мужик, ей-богу! Алексей я, – настороженно, но всё же вежливо ответил старик.

– Да ты не обижайся на меня, Алексей... а как по батюшке?

– Иванович.

– Во-о-от... Алексей Иванович. Я и вправду сегодня чудной! – Лапушкин рассмеялся просто. Поймав на себе напряжённый взгляд торговца, он испугался, что старик уедет, и поспешил успокоить: – Ты не думай, я не пьян и не сумасшедший, знаешь, сегодня у меня большая радость, такое раз в жизни бывает. Лучше не спрашивай, что за счастье, какой праздник – я и сам не смогу ответить. Только будь другом, прокати меня по всему городу на саях, а к четырём часам подвези к пруду, а я тебя отблагодарю...

Лапушкин вынул из кармана оставшиеся деньги, отделил от них одну бумажку: «Извини, это мне на шампанское...» – а оставшиеся протянул старику.

Деньги были надёжные, крепкие, и крепстьянин согласился.

Сочинитель с замиранием сердца плюхнулся в сани, укутался в овчинный тулуп и крикнул звонко, на весь рынок: «Гони прямо, любезный!»

И они вылетели на проспект...

Лапушкин шурился встречному ветру и вновь читал стихи. Из саней город казался ему иным, загадочным. Порой он закрывал глаза и грезил о другой, необыкновенной жизни. Потом они остановились у магазина, и писатель сбегал за бутылкой шампанского. Сани, простуженно скрипнув, вновь тронулись с места. Лапушкин выстрелил шампанским и, хохоча, пил сладкую розовую пену. Стекло горлышка бутылки прыгало возле рта, стучало по зубам, было весело. Досаждали только машины, которые раздражённо сигналили сзади, отвлекали от светлых мыслей, и тогда Лапушкин махнул рукой в проулок.

Допив шампанское, сочинитель достал из кармана часы – стрелки уже топтались возле четырёх.

– Ого! Ну всё, скоро твоя работа, старик, закончится. Сможешь угодить мне напоследок? Гони что есть мочи до самого пруда, а?

От щуплого седока исходила какая-то нездешняя сила, азарт, которому возница не мог противиться. Более того, незнакомец так раззадорил его, что старик даже привстал со своего сиденья, обитого рыжей шкурой, щёлкнул вожжами: «Н-но, красавец, пшёл!» – и они стрелой помчались по заснеженной улице!

Возничий то и дело гикал на коня, седок не то пел, не то горланил что-то нараспев, порой крутил над головой невидимым кнутом. Водители машин, увидев эти безумные скачки, благоразумно прижимались к обочине, прохожие указывали на них варежками, бесхозные скучающие собаки увязались следом, твяканьем оглашая окрестности.

Небо уже слегка пасмурнело, когда сани вылетели к городскому парку. Борода старика к тому времени совсем заиндевела, сам он осип. «Дор-рогу!» – прохрипел он ковылявшему впереди «запорожцу». Тот упорно не хотел уступать место, и тогда Алексей Иванович решил обогнать его по рыхлому снегу. Он резко натянул вожжи, конь скакнул на обочину, и, как только сани поравнялись с машиной, раздался громкий хлопок. Крестьянин, думая, что у соперника лопнуло колесо, скинул шубёнку и показал водителю просмолённый кукиш.

Так залихватски они подкатили к самым воротам парка. В просветах меж деревьев виднелся пруд с черневшими на льду редкими фигурками горбатых рыбаков.

– Ну всё, будя, погуляли! Уморил ты меня, давно я так не лихачил, – переведя коня на шаг и расщепляя крепким коричневым ногтем сосульки в бороде, сказал Алексей Иванович. – Давай-ка, выходи, а то я своего кормильца чуть не загнал... Эй, что молчишь?

Возница обернулся: Лапушкин лежал в санях с запрокинутой головой, без шапки, одна рука безвольно свесилась и чертила пальцами снежный наст.

– Слышь-ка, парень, ты не дуркуй, мне ехать надо!.. – Встревоженный старик соскочил на дорогу, осторожно торкнул Лапушкина в плечо раз, другой и тут увидел валявшийся в ногах среди соломы пистолет: – Дак, что же такое, а? Покатай, покатай, а сам...

– А-а, это ты... Алексей Иванович... Извини... так надо, – сочинитель едва ворочал языком и напоследок пробормотал: – Грустно ли тебе нести меня, братец?..

Борис ДОЛИНГО

ИЗВАЯНИЕ

С пятого этажа отеля, выстроенного на побережье, открывался изумительный вид на залив. Океан раскинулся до самого горизонта, густая поросль деревьев, отдалённо напоминавших средиземноморские сосны, подступала к воде, оставляя полосу чистейшего белого пляжа, на который нехотя наплзали маленькие ленивые волны. Над лёгкой зыбью кружили местные птицы – некоторые очень даже смахивающие на земных чаек, а некоторые – совершенно экзотические, как и положено на чужой планете.

Километрах в трёх по воде скользила яхта, но на самом пляже было малоллюдно – буквально несколько отдыхающих. Всё вокруг дышало спокойствием и безмятежностью. «Трудно себе представить, – подумал Иван Зиглер, – что всего четыре года тому назад за Аллу шли бои».

Тогда СМИ широко комментировали эти сражения. К счастью, бои оказались короткими, и поверхность планеты пострадала мало: ударное соединение Земной Федерации почти сразу отрезало главные силы пратов, и те так и не смогли провести массированную бомбардировку.

Иван посмотрел на часы. «Чёрт бы побрал Шамиля, – подумал он. – Вытащил меня сюда и мало что не встретил, но уже второй день сам не появляется!»

Стараясь успокоиться, Иван прошёл по номеру взад-вперёд и уже не в первый раз попытался привести в порядок в голове всё, что он слышал и читал про Аллу.

Алла находилась достаточно далеко от ближайшей населённой системы Федерации. И здесь как раз служил Шамиль Готье, его приятель ещё по школе. Шамиль занимал не последнюю должность в комитете Охранного департамента Планетарной Дипломатиче-

ской Миссии, или коротко ПДМ, – организации, игравшей на просторах освоенного космоса примерно ту же роль, что когда-то на Земле легендарная ООН. Департамент занимался опекой планет, где худо-бедно, но уже возникла цивилизация.

Если задуматься, то не только праты, но и сами земляне, когда они только-только начали осваивать дальний космос, вели себя по отношению ко вновь открытым мирам совсем не как добрые самаритяне, особенно если встреченные аборигены ещё не вылезли из пещер. Так, на корню была фактически загублена пара культур, сохранившиеся представители которых теперь влачили хотя и сытое, но тупое существование в наскоро созданных резервациях-заповедниках на бывших собственных планетах, ставших придатками в структуре добывающей промышленности и системе межзвёздного туризма.

Но когда земляне столкнулись с деяниями пратов, они ужаснулись и наконец приняли достаточно жёсткие законы, согласно которым ни одна корпорация не могла вести самовольный бизнес на вновь открываемых мирах, если там имелась разумная жизнь, какие бы богатства на планете ни находились.

Трёхсотлетний опыт полётов в дальний космос открыл некоторую закономерность возникновения жизни во Вселенной, и вопреки многим утверждениям жизнь оказалась не такой уж редкостью, хотя разумные формы встречались, естественно, не на каждом шагу. Не везде и млекопитающим удавалось взобраться на вершину эволюционной пирамиды, однако формы живых существ имели значительное сходство. Наверное, этого и следовало ожидать: общность физических законов нашей Вселенной рождала и общность

закономерностей развития жизни, а значит, и её типов в большинстве своём.

Праты, цивилизация которых строилась на нещадной эксплуатации природных ресурсов любой открываемой планеты, начали использовать безответных алланцев как разумный рабочий скот. Они преспокойно практиковали рабство даже в своём обществе, и ждать при этом более гуманного отношения к представителям других рас не приходилось. Земляне до подобного впрямую и ранее не опускались и, освободив Аллу, приняли наконец конкретные законы, защищающие более молодые культуры.

Алла как раз относилась к типу планет, поживиться богатствами которых нашлось бы множество охотников: залежи золота, редкоземельных элементов, алмазов, нефти, урана и много чего ещё, и при этом из-за соответствующего наклона оси райски стабильный климат в большинстве широт.

В последний год здесь начали активно расти курорты, хотя земля под отели выделялась только на правах аренды у местных жителей на 10 лет с возможностью последующей пролонгации договора. Государственной политикой Земной Федерации стало объявление защиты аборигенов от разрушающего влияния технологической цивилизации до тех пор, пока общество Аллы не окажется полностью готовым к подобному укладу.

Золото или те же алмазы вывозить разрешалось только как официальную плату аборигенов за некие услуги, которые земляне могли им оказать. Если какой-нибудь турист попадался на таможне с мешочком драгоценностей без соответствующего документа, закон оказывался суров: нарушителя ждало как минимум понижение на пять пунктов в Социальном Статусе. Для человека достаточно солидного это было равносильно краху карьеры. Для юноши, не успевшего достичь соответствующего уровня СС, наказание оборачивалось годами принудительных работ, а по их окончании – пожизненным присвоением лишь первой социальной категории.

Именно поэтому, как сообщали СМИ, с момента окончания войны с пратами на Алле

из бизнесменов присутствовали в основном только специалисты туристического бизнеса или торговцы ширпотребом. При этом чуть меньше года тому назад обнаружилось, что алланцы просто с ума сходят по предметам земного изобразительного искусства – картинам, статуям и тому подобным вещам, причём не только и не столько по уже готовым, сколько по сделанным, что называется, «на месте», с натуры – именно за такое аборигены платили не скупясь.

Это открывало определённые возможности для такого направления бизнеса, однако прилететь на Аллу мог позволить себе далеко не каждый – слишком далёкое и дорогое путешествие, но тем не менее, как только заговорили о спросе на предметы искусства, сюда сразу хлынуло большое число арт-ваятелей. Часто они добирались до Аллы на последние деньги в расчёте заработать состояние. Формально в этом не было ничего противозаконного, но когда на таможне остановили очередного «Рубенса», нелегально вывозившего пятьдесят кило алмазов, ПДМ отреагировала соответствующим образом. Въезд «творцов» ограничили не менее жёстко, чем въезд бизнесменов: теперь для попадания на Аллу арт-ваятелям требовалось иметь конкретный заказ с письменно заверенным свидетельством.

Шамиль вызвал Ивана срочной и очень дорогой транк-депешей, в которой дал понять, что для Зиглера как раз есть великолепный официальный заказ. Иван хорошо понимал, что его приятель многим рискует, явно пользуясь служебным положением, и потому заказ, видимо, был на самом деле очень выгодный.

А Иван после развода прочно сидел на мели: Айгюль оказалась ещё той стервой, а земные законы в подобных вопросах, особенно после Эпохи Великой Реформации Ислама, защищали в большей степени женщин. Надо сказать, что Зиглер был во многом сам виноват: он верил в истинные чувства и не позаботился соответствующим образом прописать в брачном контракте нюансы разделения имущества при возможном разводе.

Бывшая жена, доказав в суде, что у неё отсутствуют иные источники существования, ободрала только-только начавшего прилично зарабатывать арт-ваятеля как липку. Впрочем, вряд ли стоило винить её больше, чем существующие законы.

Иван в одночасье остался без собственного дома в Найроби – месте, где последние лет сто селились арт-ваятели, а его счёт в банке похудел настолько, что называть его вслух «счётом» стало даже неприлично. Айгюль и её адвокат, войдя в раж, пытались отобрать даже набор ваятельских инструментов и аппаратуру, но свои «орудия труда» Ивану удалось отбить – ведь это тоже были его единственные «средства к существованию».

И вот сейчас Шамиль по дорожному стелларкому потребовал, чтобы Зиглер немедленно бросал все дела.

– Рви когти сюда, парень! – заявил Шамиль.

Иван вяло объяснил, что он теперь почти нищий и, чтобы купить билеты на Аллу, ему придётся заложить последние штаны.

– И заложил! Заложил что хочешь, но прилетай! – чуть не заорал Шамиль. – Тебе ВСЁ компенсируется! А если высшее руководство узнает о моей протекции, то я точно лишусь. Именно поэтому звоню не с работы, за свой счёт, и, как ты понимаешь, счёт мне придёт немалый!

– Ну в двух словах-то скажи, что за заказ? – Иван сделал последнюю попытку выудить информацию из приятеля.

– Просто ПРИ-ЛЕ-ТАЙ! – отчеканил как отрезал Шамиль. – Я же сказал: уедешь богатым человеком. Официально! Номер в отеле для тебя будет забронирован и оплачен – за пару дней я сам заплачу, и не вздумай меня подвести! Я уже направил запрос на визу для тебя – по каналу Планетарной Миссии, между прочим. Так что смотри: если подведёшь, то я точно в полном дерьме окажусь. Находи деньги где хочешь, но жду тебя максимум через две недели. Пока, до встречи!

Готье отключился.

Иван с минуту смотрел прямо перед собой, в точку, где до этого светилось изобра-

жение приятеля, а потом смачно выругался и стал ходить по комнатухе, которую теперь снимал, словно тигр по клетке.

Хорошенькое дело – возьми билет до Аллы! В одну сторону на Аллу и не продавали, значит, обязательно придётся брать обратный, хоть и с открытой датой. То есть удовольствие обойдётся тысячи в две с половиной как минимум. Плюс деньги на время полёта – а это неделя в пути, не меньше, плюс стоимость питания и тому подобные штучки на борту рейсового звездолёта, что тоже не по льготным ценам.

И никаких заказов нет, даже аванс нигде не перехватишь...

Зиглер вздохнул и через информационную систему перевёл в транспортную компанию, выполнявшую рейсы на Аллу, нужную сумму. На его дистрофическом счёте оставалось около шести тысяч кредитов – и на эти деньги надо будет ещё как-то жить! А если Шамиль полную авантюру предлагает?

Хотя кто-кто, а Шамиль никогда не слыл трепачом. Значит, он выудил действительно сногшибательный заказ...

В дверь номера постучали. Иван поспешно крикнул: «Войдите!»

Появился местный служитель, одетый в подобие архаичного земного фрака, сшитого, безусловно, специально на алланца, но всё равно смотревшегося комично. Видимо, к этому стоило привыкнуть.

У алланцев тоже существовали расовые различия, но в целом они подпадали под некий общий видовой «стандарт», как и земляне. Можно было сказать, что аборигены напоминают людей – они являлись гуманоидами, но при этом выглядели до боли смешно. Фигурой они больше всего напоминали некую помесь человека с пингином: почти полное отсутствие шеи, покатые плечи и широкий таз.

Аборигены выглядели нелепо в службах терминала челноков или за гостиничной стойкой. Приземистые, коротконогие, с плосковатыми лицами – они казались персонажами из гротескной анимации.

Но алланцы почти боготворили землян, и это сильно скрашивало ощущения, которые

Иван начал произвольно испытывать, как только увидел первого жителя планеты.

Служитель поклонился Зиглеру и передал письмо в наноконверте – ваятель ни на секунду не сомневался, что оно от Шамиля. Передача послания таким способом означала, что Готье старается соблюдать конспирацию.

Выпроводив служителя и дав ему пятерку «на чай», Зиглер поелозил над специальным швом конверта декодирующей кромкой личного коммуникатора. Через секунду материал письма тихо зашуршал, распадаясь, а в воздухе возникло изображение Шамиля.

«Дружище! – Шамиль приложил правую ладонь к сердцу. – Виноват, что не встретил, но – дела, я ж гостиничник! Спешу сообщить, что с твоим заказом всё а-атлично. Буду сегодня к вечеру, встретимся – всё расскажу, всё обсудим. Ты только пока ни о чём ни с кем не трепись. Будут вопросы, отвечай: приехал отдохнуть, заказы поискать – и всё. Больше – ни звука!»

Изображение исчезло, от конверта осталось несколько малозаметных пылинок на столе. Иван крикнул, дунул на стол, ещё немного поклонился по комнате и поплёлся на пляж.

* * *

Готье, как и обещал, вернулся под вечер.

Иван успел наплаваться, позагорать, пообедать в ресторане с на удивление приемлемыми ценами и поболтать с одним из постояльцев, назвавшимся представителем Марсианского уранового консорциума.

Зиглер удивился – он считал, что коли на Алле нет и пока не предвидится разработок полезных ископаемых по стандартным земным технологиям, то бизнесменам от подобного производства здесь делать нечего. О себе он сообщил то, что и рекомендовал Шамиль.

– Ну, – улыбнулся бизнесмен, – судя по тому, что вы нашли деньги на билеты, чтобы съездить «поискать заказ», вы не очень-то бедствуете.

Иван пожал плечами:

– Всё в мире относительно, – философски заметил он. – Кое-как наскрёб. А вы как собираетесь вести дела? Ведь на Алле урановую шахту или золотой прииск уж точно не откроешь!

Бизнесмен охотно кивнул:

– Разумеется! Но ведь ПДМ рассматривает разные варианты включения тех же залежей урана в число продуктов, на доходы от которых аборигены могли бы быстрее развивать свою цивилизацию. – Он хихикнул и добавил: – Развивать так, как нужно Федерации, ну вы меня понимаете?.. И если золото и алмазы они ещё кое-как сами выковыривают из земли и несут нам, то уран или ниобий добыть не смогут. Всё равно придётся находить некий компромисс. ПДМ сейчас над этим задумалось, ломает голову – и вот я здесь! – Он открыто засмеялся с явным чувством собственного достоинства. – Мы как-никак старейшая горнодобывающая компания вне Земли!

– Понимаю... – глубокомысленно кивнул Иван.

Он собирался задать ещё вопрос, но в этот момент на веранду ресторана вошёл Шамиль, зорко оглядел полупустой зал и направился к столику Зиглера.

Шамиль выглядел настоящим государственным чиновником, причём статус его чувствовался во всём. Декоративная арафатка цветов Федерации, лёгкий, почти прозрачный, по погоде бурнус, в широком разрезе ворота которого выглядывала традиционная белая сорочка с «бабочкой», на среднем пальце левой руки – внушительный перстень-коммуникатор с гербом ПДМ. До блеска начищенные чёрные остроносые штиблеты с дырочками выглядывали из-под складок одеяния, словно клювы двух любопытных птиц.

Приятели обнялись, Шамиль подчёркнуто холодно поздоровался с урановым бизнесменом, и тот, чувствуя, что стал лишним, деликатно откланялся.

– Колись, – сказал Зиглер, когда после традиционных «Ну как ты?..» они пропустили по первой, – выкладывай, что у тебя за работёнка?

– А-а! – расплылся в улыбке Шамиль и погрозил пальцем. – Такой заказ сложно

найти, не будучи госчиновником, а вот заработать на нём совершенно официально – уже просто, главное, соблюсти приличия, так сказать... Честное слово, через какое-то время ты уедешь действительно богатым человеком! И, кстати, твои акции как арт-ваятеля серьёзно поднимутся, славу приобретёшь. Ведь пока мало кому удавалось создать здесь нечто достаточно монументальное. Все ваятели пока по мелочам работали... Ты, надеюсь, старому приятелю отстегнёшь десять процентов за хлопоты? Ну должен же и я тоже что-то зарабатывать помимо жалованья, верно?

– Не вопрос, дружище, – согласился Иван, – но что за заказ-то такой, что озолотиться можно?! Неужели действительно большие деньги?

Готье хитро прищурился, секунду разглядывал Зиглера, а потом разлил по рюмкам текилу, которую, как услышал в новостях Иван, уже собирались производить на местных плантациях из прекрасно прижившейся агавы.

– Клянусь Аллахом, этим якобы не пьющим богом предков, ты заработаешь много, – заверил Шамиль. – За успех нашего общего дела!

Они лизнули соль, выпили и закусили ломтиками лайма, прижившегося на Алле, как и агава.

– Вот прикинь, – сказал Шамиль, – сколько, говоришь, у тебя увела твоя стервоза?

– Миллиона три в общей сложности.

– Хорошая сумма, – с уважением согласился Готье и махнул рукой: – Но тут ты всё вернёшь с горкой. Я не знаю, сколько времени тебе потребуется, чтобы сделать статую человека высотой метров пять, но миллионов десять ты получишь!..

Зиглер округлил глаза и присвистнул.

– Неплохо, да? – продолжал Шамиль. – По два миллиона за метр изваяния! Заказчики, правда, жалуются, что вывернули карманы наизнанку, но деньги найдут, никуда не денутся.

Говорил бы это кто другой, Иван бы ни за что не поверил, но Шамиль всегда отличался

точностью в делах – оттого и сидел на своём месте в ПДМ.

– Изваяние? – переспросил Иван. – Что за изваяние?

– Статуя, обычная статуя. Ты статую сможешь сделать?

– Статую – кого? Местного аборигена? Или их бога?

Шамиль хихикнул:

– Говорю же – человека! Это один военный пилот. Хотя он для местных почти что бог.

– Вопросов нет, сделаю! И кто же это такой чести удостоился?

– Пилот штурмовика из первой земной группировки, оказавшейся в районе Аллы. Они сразу вступили в бой с пратами.

– А откуда аборигены знают про такое? – удивился Иван. – И зачем им статуя этого пилота?

Шамиль усмехнулся и налил ещё текилы.

– Изваяние! – Он поднял вверх указательный палец. – Аборигенам страшно понравилось это слово. Всегда и почаще говори «изваяние» – им всё понравится ещё больше.

– Хорошо, я так и стану делать, – пообещал уже чуть захмелевший Зиглер.

Шамиль снова усмехнулся и продолжил пояснения:

– Пилота звали... э-э... – он покопался в выскакивающих из его гербового перстня голографических окошках, – Касим Яранцев. Его штурмовик подбили, он совершил вынужденную посадку на Алле как раз в районе одной местной деревушки в горах. Праты выслали отряд, но то ли недооценили возможности земного пилота, то ли этот Касим был парень ловкий – он тогда сумел уничтожить всех. Аборигены ликовали: с неба свалился чуть ли не бог, который стал убивать гнусных захватчиков, понимаешь?.. Давай, кстати, выпьем за победу над пратами, Алла – райское место!

– Да уж, я заметил, – энергично кивнул Иван. – Райское.

– И очень, очень прибыльное! – Шамиль аж вытянул губы трубочкой и прищурил глаза. Зиглер почмокал, высасывая лайм:

– А что дальше случилось с пилотом?

– Дальше, собственно, случилось именно то, из-за чего у тебя есть теперь хорошая возможность заработать. Праты, естественно, послали новый отряд. Наш пилот понимал, что следующим заходом они просто разбомбят всё вокруг, от деревни не останется камня на камне, и он ушёл оттуда, отводя от жителей угрозу бомбардировки. Я читал в сводке информации, что с ним хотели пойти несколько мужчин, чтобы помогать отстреливаться, но он сказал, что так они создадут лишний повод для карательной операции. Праты, естественно, всё равно уничтожили бы эту деревню, но пока суд да дело, на поиски штурмовика подоспело наше ударное соединение, и получилось так, что в этом районе образовался первый плацдарм землян на Алле. А пилот всё-таки погиб, да... Не так давно кто-то там из старейшин деревни услышал, что земляне ставят памятники героям – то ли увидел земную статую, то ли ещё как-то, и они решили увековечить у себя этого Яранцева. Изваяние сделать, одним словом.

Иван покачал головой и сказал задумчиво:

– А красивая история, чёрт побери!

– Разумеется, – согласился Шамиль. – Парень заслужил немного славы, хотя бы после смерти. Наши волокитчики всё не соберутся ему памятник на бюджетные деньги поставить, а вот аборигены собрались. Они там даже вроде как музей героя организовали, теперь хотят статую...

– Изваяние, – чуть усмехнувшись, вспомнил Иван.

– Точно! – хохотнул Шамиль. – И, знаешь, очень удачно получилось, что старейшина обратился ко мне первому, когда я ездил с инспекцией в их район. Я, конечно, сразу про тебя и подумал, расписал господина Зиглера как великого арт-ваятеля. Но ведь так оно и есть, а работа великого творца должна стоить денег. Я уж постарался набить тебе цену! – подмигнул дипломат.

Зиглер непроизвольно ухмыльнулся:

– Сумма уж больно фантастическая. У них деньги-то такие есть?

– Да брось ты! Тут везде золота и алмазов полно. А этот заказ даст тебе не только день-

ги, но и славу, как я уже говорил. Лишний раз прославишь не только пилота-героя, но и сам себя. Ты ведь давно хочешь стать по-настоящему знаменитым – так вот он, шанс.

– Звучит заманчиво... – пробормотал Зиглер. – И когда встречаемся с заказчиками?

– Завтра. Сегодня ещё чуть расслабимся, а завтра займёмся делом...

* * *

Делегация из четырёх «пингвинов» столпилась у двери в номер. Шамиль, возвышаясь над ними, стоял чуть в стороне и радостно скалился.

Вперёд выступил пожилой алланец – глава деревенского совета, или, по-простому, староста.

– Мы счастливы приветствовать землян, – сказал он на вполне приличном общеземном, хотя Иван видел, что на шее у него висит неактивная сейчас коробочка интерлингва. – Мы очень уважаем господина Готье и уверены, что он подобрал нам очень великого мастера. Нам нужно сделать очень хорошее изваяние...

Зиглера, как любого художника, покорило слово «мастер», в восприятии творческих людей Земли уже много поколений ассоциировавшееся скорее с рутинной работой, чем со статусом «творца». Но сильно польстил эпитет «великий».

– Деревня обязана жизнями наших детей вашему земляку. Если бы не он, злобные праты убили бы всех! – добавил староста.

Зиглер поклонился:

– Я почту за честь создать изваяние нашего соплеменника, сделавшего так много для народа Аллы.

– Уважаемый Ир-Таки! – подал голос Готье, обращаясь к пожилому алланцу. – Я поведал ваятелю Ивану о том, что случилось когда-то. Иван очень занят, у него много заказов, но он сумел выкроить время, чтобы прилететь сюда и сделать замечательный подарок во славу дружбы народов Аллы и Земли.

Иван усмехнулся про себя – занят он как раз не был, а просто сидел без работы.

– Я приглашаю вас разделить с нами трапезу, после чего вы отдохнёте с дороги, а завтра поутру тронетесь в путь, в вашу деревню.

За обедом аборигены, метаболизм которых был чрезвычайно близок к обмену веществ у землян, с удовольствием вкушали изыски ресторанной кухни отеля. Иван поинтересовался, далеко ли находится место, куда предстоит ехать. Выяснилось, что сначала придётся проехать километров пятьсот вдоль побережья на слайдере, а далее, где слайдер-трасса пока не проложена, ещё около двухсот по предгорьям.

– Конечно, получится достаточно долго, – сказал на ухо приятелю Шамиль, – но свободного индивидуального найма дальнего транспорта у нас пока тут нет. Выделить дипломатический транспорт я не могу по понятным причинам. Ты тут хоть и по спецвизе, но совершенно частное лицо, поэтому не должно просматриваться никакой протекции, упаси Аллах. Придётся добираться с аборигенами, они за вами приедут на станцию слайдера.

– Но это даже интересно! – обрадовался Иван. – Они приедут на каких-нибудь ездовых животных?

– Ага! На страшных местных рогатых и мохнатых конях-крокодилах! – Шамиль хохотнул и налил ещё вина – за обедом они пили местное сухое, очень похожее по вкусу на земной рислинг, но с более мягким, «цветочным» оттенком.

Иван озадаченно посмотрел на приятеля.

– Шучу! – отмахнулся Шамиль. – В здешних краях вообще почти нет серьёзных хищников, всё совершенно безопасно. Во многих местах, конечно, ездят на животных, но наши друзья, – он кивнул на чинно кушающих алланцев, – уже пользуются упрощёнными автокарами. Так что доберётесь с относительным комфортом.

* * *

Начало поездки не отличалось от такового на любой другой, уже обжитой людьми планете. Чуть меньше часа – и они оказались на последней станции слайдер-трассы. Стандартная

платформа с залом ожидания и эскалаторами была пуста: смонтированная дорога здесь обрывалась, а дальше тянулось пустое пока индукционное полотно. Как сказал Шамиль, роботы, строившие продолжение магнитопровода, ушли вперёд километров на тридцать.

Внизу, у основания эскалатора, ждали ещё несколько аборигенов. В этом регионе жили вассо-таки – народ, к которому принадлежали и заказчики Зиглера.

Немного в стороне припарковались три автокара – простые транспортные средства, фактически самоходные тележки на широких колёсах низкого давления, способные курсировать по заданному маршруту на автомате или в ручном режиме управления. На двух тележках стояло по шесть сидений, а на третьей, грузовой – только два, туда и погрузили инструменты Зиглера и кое-какие припасы, купленные жителями деревни в располагавшейся недалеко от отеля фактории.

После нескольких минут почтительных поклонов и касаний предплечьями – у аборигенов этого края так вежливо здоровались – кавалькада была готова двинуться в путь.

Ир-Таки рассказал Зиглеру, что дорога займёт не менее суток: по горным тропам даже такие машины землян не могут двигаться быстрее. Правда, если ехать на нартах, местных ездовых животных, то выходит много дольше.

Сиденье в целом было чуть-чуть маловато для землянина, но большого неудобства не случилось, и Иван устроился вполне сносно.

Маленький караван, шурша шинами на каменистой почве, устремился по тропе в горы. Солнце пока вскарабкалось совсем невысоко, не успев нагреть воздух, пронизанный свежими ароматами местных трав. Отдалённые вершины хребта, тянувшегося почти параллельно побережью, маячили ослепительными шапками снегов на фоне ярко-синего неба Аллы. Вдоль тропы, шедшей здесь с небольшим уклоном, курчавились заросли плотного высокого кустарника. Несмотря на слова Шамя об отсутствии опасных хищников, у двоих вассо-таки Иван заметил вполне серьёзного вида луки и стрелы.

Пока ехали, староста немного рассказал о своей деревне. Называлась она Озор и стояла на берегу небольшого озера в долине меж отрогов тянувшегося перед ними хребта. Вассо-таки выращивали скот, пряли пряжу, ткали красивые ковры. Иван хотел спросить о добыче алмазов, но не стал затрагивать лишний раз вопросы оплаты, полностью полагаясь на проработку этой темы Шамилем.

В одном месте на склоне каменистого холма, поднимавшегося слева от тропы, зияла огромная оплавленная воронка, ярко блестящая на солнце карамельными наплывами спёкшегося камня и почвы, – шрам от когда-то шедших здесь боёв. Чуть дальше показалась ещё одна воронка, потом ещё одна. Растительность вокруг них так и осталась выжженной метров на сто. Хотя дезактивационные команды явно устранили все остаточные поражающие факторы нуль-взрывов и никакой радиационной и полевой активности вокруг уже не осталось, Иван передёрнул плечами, представив себе, что тут творилось когда-то.

Старейшина заметил взгляд Зиглера.

– Праты, – подтвердил Ир-Таки, кивая на воронку. – Если бы не земляне, они бы превратили всю нашу землю в ад. А если бы не Касим Яранцев, такая же большая яма осталась на месте нашей деревни.

Иван покивал и, включив коммуникатор, посмотрел на голографии пилота-героя, предоставленные ему Шамилем.

– Касим Яранцев, – благоговейно промолвил Ир-Таки.

Его более молодые сопровождающие, ехавшие в этой же тележке, тоже почтительно вглядывались в изображения, вытягивая короткие шеи.

Согласно биометрическим данным, пилот Касим Яранцев особым героем не смотрелся. Роста всего метр семьдесят пять, правда, сложен был крепко. Тёмно-русые волосы ёжиком, чуть раскосые глаза и выступающие скулы, прямой и даже чуть с горбинкой нос – в этом человеке явно перемешались разные азиатские и европейские крови. Выражение лица казалось слишком добрым – совсем не под стать боевому пилоту.

Странно, подумал Иван, что мысль поставить такой памятник пришла в голову не землянам, а аборигенам. Впрочем, так случалось очень часто и в земной истории: некого героя ли, пророка ли часто возносят не его соплеменники, а какой-нибудь другой народ. Впрочем, возможно, сейчас это и хорошо, а то получалось бы, что земляне навязывают алланцам собственных героев. А так благодарные жители Аллы заказывают памятник – точнее, изваяние! – чтобы прославить героя Земли. Красивый и очень благородный поступок с их стороны.

И, кстати, весьма дальновидный – особенно вкупе с музеем, о котором упоминал Шамиль. Ведь весь этот край явно скоро станет туристической Меккой, и музей придётся тут очень даже кстати. Золото золотом, но когда сюда по-настоящему поедут туристы, всякие поделки местных промыслов будут прекрасно продаваться рядом с музеем, принося немалый доход.

Зиглер поинтересовался, откуда в Озоре нашлись экспонаты для музея Касима Яранцева.

Ир-Таки пару секунд смотрел на землянина, а потом попросил повторить вопрос, включив интерлингв. Коробочка что-то пропищала, и староста кивнул, расплываясь в смешной улыбке:

– У нас остались кое-какие его вещи, а ещё твои соплеменники разрешили нам взять некоторые части его разбитой летающей машины.

– Ясно... – кивнул землянин. – Я с удовольствием посмотрю на ваш музей.

Староста поклонился в знак признательности, а остальные вассо-таки, которым он перевёл эти слова, одобрительно закивали, перешёптываясь.

Они заночевали у ручья, стекавшего с гор, хотя машины на автоуправлении легко могли двигаться и в полной темноте. Вассо-таки, похоже, не доверяли таким возможностям земной техники, а Иван не стал их разубеждать. Он долго любовался на россыпь звёзд на ночном небе, на спутник, который был поменьше земной Луны и назывался здесь Гутар-ано.

Все алланцы уже спали, и только Ир-Таки сидел чуть в стороне, не решаясь нарушить

молчание землянина. Зеленовато-серый Гутарано полз над вершинами хребта, высвечивая его резкие очертания на фоне иссиня-чёрного звёздного неба. Где-то изредка покрикивали местные ночные то ли птицы, то ли звери.

Старейшина кашлянул:

– Скажите мне, уважаемый Иван, а страшно ли это – летать среди звёзд?

Зиглер не ожидал подобного вопроса. Он чуть поёжился от лёгкого ночного ветерка и, старательно подбирая слова, ответил:

– Сейчас нам это уже не страшно. Но ведь земляне не сразу научились летать среди звёзд. Очень долго мы не умели летать так далеко и быстро. Сейчас у нас это получается. Мы летаем быстро, далеко и ничего не боимся.

Пожилый вассо-таки вздохнул:

– Как вы думаете, уважаемый Иван, мы сможем когда-нибудь этому научиться – летать среди звёзд?

Вопрос снова слегка поставил Зиглера в тупик – он не был дипломатом и не слишком глубоко задумывался о политике, проводимой властями Федерации на населённых планетах, аборигены которых находились на низком уровне технического развития. Но если судить по отдельным примерам, то никто категорически не препятствовал овладению земными знаниями. Конечно, делалось это осторожно и очень постепенно. Сообщалось, что земляне строили школы, давали знания по специальным программам самым высокоразвитым народам на открытых ими планетах, прививая там расовую терпимость, чтобы эти аборигены далее уже сами просвещали своих менее развитых сородичей, не поработая их при этом.

– Я уверен, что вы сможете, – сказал он. – Но такие знания получают не так быстро – вам придётся многому учиться.

Ир-Таки вздохнул:

– Я это понимаю. Мы очень хотим учиться. Каждый молодой вассо-таки в нашей деревне хотел бы стать похожим на Касима Яранцева, быть таким же храбрым и управлять звёздным кораблём! Мы обязательно построим школу, чтобы учиться, вот только снова накопим золото и алмазы.

Иван в полумраке с удивлением покосился на алланца:

– Снова накопите? Простите, а в каком смысле – снова?

– Ну, мы пока должны поставить изваяние Касима Яранцева. У нас почти были собраны средства на школу, но мы решили поставить изваяние. Во-первых, это память о землянине, защитившем нас. Во-вторых, Шамиль Готье сказал, что раз у нас есть музей героя, то надо обязательно иметь и его изваяние – у вас это называют памятником.

Иван потёр переносицу, подавляя улыбку: Шамиль, похоже, неплохо развёл аборигенов на деньги.

Вслух он сказал:

– Я уверен, что у вас получится накопить и на школу. Школа ведь тоже нужна.

Староста вздохнул:

– Мы обязательно накопим. Это тяжело, но накопим. Мы хотим иметь хорошую школу. Вы, наверное, устали, уважаемый Иван. Поспите – завтра ещё почти полдня пути.

«Накопите, – подумал Зиглер, устраиваясь в прихваченном по совету Шамиля спальном мешке, – золота и алмазов у вас везде много».

* * *

На место прибыли уже далеко за полдень. Путь лежал через перевал, тропа сузилась, попадалась масса оползней, в общем, двигались медленно. Деревня немного напомнила старинные земные поселения на Балканах – домики из камня-плитняка с крышами, крытыми красноватыми пластинками обожжённой глины, тонули в зелени садов, живописным полукольцом окружавших почти круглое озеро.

Несмотря на то, что он не шёл пешком и тем более не ехал верхом, Иван, не привычный к поездкам в столь спартанских условиях, действительно устал. В Озоре не оказалось никаких удобств типа душа или высокотехнологичных туалетов – подобные земные новшества сюда не проникли, хотя по наличию автокаров можно было надеяться на некие блага цивилизации. Впрочем, у аборигенов имелось нечто вроде древних земных бань,

и усталому человеку даже в двадцать пятом веке горячая вода и пар очень помогали. Так что Иван сначала расстроился из-за отсутствия земных удобств, но после «бани», окунувшись в прохладную воду озера, почувствовал, что иногда вполне можно обойтись и без всего этого. Хотя бы какое-то время.

Наутро после завтрака Ир-Таки повёл показывать музей. В центре чисто убранного каменного сарая, словно алтарь, возвышался кусок обшивки штурмовика. На нём была прикреплена сильно повреждённая форма пилота и покорёженный взрывом унистрел – личное ручное оружие, которое земные дипломаты разрешили оставить в музее. Вдоль одной из стен расположились столы, где жители выставили и другие вещи, когда-то принадлежавшие погибшему пилоту.

Иван с удивлением заметил самую настоящую книжку – потрёпанный томик избранных стихов разных поэтов в переводе на общеземной язык. Книга была напечатана на обычной бумаге, но обработана консервант-наногелем – веществом, хорошо знакомым арт-ваятелю. С одного угла книга оказалась чуть подпалённой, но в целом сохранилась очень неплохо, учитывая, через что она прошла, пережив хозяина.

Пилот Касим Яранцев точно был романтиком, а иначе с чего бы он таскал с собой на боевые вылеты стихи?

– Надо же... – пробормотал Зиглер, машинально беря экспонат: вассо-таки пока не догадались установить таблички «Руками не трогать».

Он полистал книжку, и на одной из страниц в глаза бросились строчки, написанные древним поэтом Александром Пушкиным:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни...*

Дальше шли рассуждения про деяния некоего, не менее древнего земного императора, но Зиглеру не они стали интересны.

«Здорово сказано, – подумал он. – Слово как раз про этого Касима Яранцева – ведь он явно без боязни смотрел вперёд, защищая

аборигенов, хотя мог бы, наверное, тихо отсидеться в горах и дожидаться наших. Хотя нет, боялся, конечно, но поборол страх. На то он и герой, чтобы никто не видел его страхов. Вряд ли он думал о славе вообще, но вот слава нашла его, и Иван Зиглер обязательно поставит достойный памятник».

«И прилично на этом заработает», – подсказал внутренний голос.

Собственно, а что такого? Он же не бесплатно прилетел сюда, столько денег на билеты угрохал, да и вообще... Ладно, он постарается, чтобы памятник вышел действительно достойным. В конце концов, он и сам, как арт-ваятель, глядит вперёд, если не в какой-то надежде «добра» – сейчас вокруг никто не воюет и никакой «злости» нет, – то, по крайней мере, в некоторой надежде славы, это точно. Станет эта часть материка туристическим центром, а она определённо им станет, и туристы с разных планет увидят табличку с именем не только героя Яранцева, но и автора скульптуры.

Точнее – тут Иван улыбнулся – изваяния. Плюс автор этот заработает кругленькую сумму. В общем, всё складывается прекрасно.

Он похвалил музей, и обрадованный Ир-Таки потом долго ещё рассказывал про пилота, про деревню и жизнь аборигенов. Наблюдая бесхитростный примитивный быт, Иван не переставал удивляться.

– Почему вы почти не покупаете земные машины? – спросил он деревенского мэра. – Я только-то и видел у вас автокары да всякую мелочь.

Староста почти виновато опустил голову. Он заметно заволновался и даже включил ин-терлинг, чтобы не путать слова.

– У землян мы можем приобрести множество прекрасных вещей, но сначала мы копили на школу и потому во многом себе отказывали, – ответил он. – Когда сумма почти набралась, уважаемый чиновник Готье посоветовал нам поставить у музея изваяние героя Касима Яранцева. Это была очень хорошая мысль, мы сами как-то и не сообразили сначала. Мы расплатимся с вами, уважаемый Иван, и снова начнём копить на школу. А пока поживём, как жили.

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

В АВГУСТЕ, КОГДА ВСЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ ОТМЕЧАЮТ ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ, БОЛЬШЕ ИЗВЕСТНЫЙ В НАРОДЕ КАК ЯБЛОЧНЫЙ СПАС, ХОТЕЛОСЬ БЫ ВСПОМНИТЬ СОБЫТИЕ ТРЁХМЕСЯЧНОЙ ДАВНОСТИ, В КОТОРОМ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ЖИТЕЛИ ГОРОДА МИЧУРИНСКА И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» АНАТОЛИЙ ТРУБА.

15 мая 2018 года в скит Параклит (подворье Троице-Сергиевой лавры) были привезены для посадки 800 саженцев яблонь из города Мичуринска. Следует пояснить, что «параклит» – слово греческое и в переводе означает «дух-утешитель».

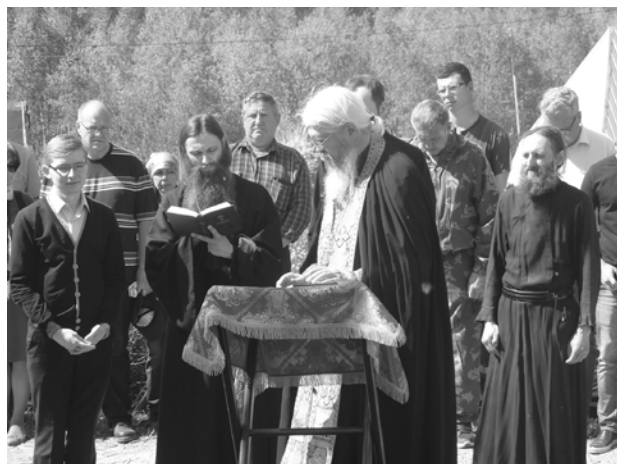
В тот же день в скиту были посажены 300 яблонь, а остальные 500 переданы в Гефсиманский Черниговский скит, Радонежское подворье и Духовную академию Троице-Сергиевой лавры.

Небывалое вдохновение охватило людей, принимавших участие в посадке деревьев. Несмотря на скудность почвы, желание сде-

лать этот уголок прекраснее объединило народного артиста России, режиссёра Николая Бурляева, представителей центра «Патриот», байкеров из Москвы, работников газовой отрасли, посланников Мичуринска и Белгорода.

Перед началом мероприятия настоятель скита Параклит архимандрит о. Лука отслужил молебен и окропил присутствующих и саженцы святой водой. В своей проповеди он отметил, что, увидев цветущие сады и красивые плоды, в Божью обитель потянутся верующие люди и послушники.

Дружба между скитом Святого Духа и журналом «Александръ» не закончилась

одним днём, разовой посадкой деревьев, уже в ближайшее время планируется закладка сиреновой аллеи и квартала из кустов боярышника и ирги на заранее подобранном о. Лукой месте.

Акция по посадке плодовых и культурных деревьев, которая была начата в 2017 году при содействии и организации коллектива литературно-исторического журнала «Александръ», продолжается, привлекая новые территории и объединяя людей в порыве сделать нашу русскую землю прекраснее.

С фильмом, снятым Николаем Бурляевым в скиту Параклит, можно ознакомиться на сайте литературно-исторического журнала «Александръ» www.alexlib.ru. **A**

СВЯТО-НИКОЛЬСКАЯ МАМОНТОВА ПУСТЫНЬ

село МАМОНТОВО

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Феодоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

Религиозная организация «Никольский женский монастырь»

с. Мамонтово Сосновского района
Тамбовской области Мичуринской
епархии Русской православной
церкви (Московский Патриархат).
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:

р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.

